

С.И. Курганов

КРИМИНОЛОГИЯ

3-е
ИЗДАНИЕ

С.И. Курганов

КРИМИНОЛОГИЯ

Третье издание,
переработанное и дополненное

*Рекомендовано Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности «Юриспруденция»*

*Рекомендовано Учебно-методическим центром
«Профессиональный учебник» в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 030501 «Юриспруденция»*

Закон и право • Москва • 2012

УДК 343.9(075.8)
ББК 67.51я73-1
К93

Р е ц е н з е н т:
заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор *Ю.М. Антонян*

Главный редактор издательства *Н.Д. Эриашвили*,
кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники

Курганов, Сергей Иванович.
К93 Криминология: учеб. пособие для студентов вузов,
обучающихся по специальности «Юриспруденция» /
С.И. Курганов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.:
ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 183 с.

ISBN 978-5-238-01596-5
Агентство СІР РГБ

В пособии дается краткое систематизированное представление о преступности как сложном объективном социальном явлении со своими качественными и количественными характеристиками, о закономерностях ее возникновения и функционирования, о возможностях общества по предупреждению преступлений. Представлен ряд еще не нашедших достаточного отражения в учебной литературе таких вопросов, как история отечественной криминологии, зарубежные теории преступности.

Для студентов юридических образовательных учреждений.

ББК 67.51я73-1

ISBN 978-5-238-01596-5 © С.И. Курганов, 1998, 2005
© ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮНИТИ-ДАНА, 2005, 2009
Принадлежит исключительное право на использование и распространение издания.
Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами или в какой-либо форме, в том числе в интернет-сети, запрещается без письменного разрешения издательства.
© Оформление «ЮНИТИ-ДАНА», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Криминология — это наука о преступности, ее причинах, личности преступника и о способах предупреждения преступлений. Возникновение криминологии как науки обусловлено общественной потребностью в теоретическом обеспечении практической деятельности по предупреждению преступлений. В качестве учебной дисциплины криминология изучается во всех юридических образовательных учреждениях.

Настоящее издание состоит из двух частей. Материал первой, основной части достаточен для того, чтобы сдать зачет по курсу «Криминология» без обращения к другим учебникам или дополнительной литературе. К каждой главе даются контрольные вопросы, по которым студент может самостоятельно проверить, как усвоено ее содержание.

Практическая цель настоящего издания — помочь студентам в сжатые сроки подготовиться к сдаче зачета. Для углубленного изучения курса желательно обращаться и к другим учебникам, специальной литературе, а также к работам по другим дисциплинам: уголовному праву, социологии, психологии.

В пособии дается краткое систематизированное представление о преступности как сложном объективном социальном явлении со своими качественными и количественными характеристиками, о закономерностях ее возникновения и функционирования, о возможностях общества по предупреждению преступлений.

Центральной теоретической проблемой криминологии является познание природы преступности, причин и условий ее существования и тенденций изменения. Изучение свойств и закономерностей преступности не исключает, а предполагает изучение отдельных ее видов и конкретных преступлений. Исследование причин и механизма индивидуального преступного поведения — также важная задача криминологии.

Теоретическое объяснение сущности преступности как социального явления и познание ее причин дают возможность выработать меры предупреждения. Именно на этой основе криминология разрабатывает общую теорию предупреждения преступлений, которая включает в себя определение направлений и уровней предупредительной деятельности, ее социально-экономические и организационно-правовые

основы, систему субъектов предупреждения, формы и методы предупредительной деятельности.

Криминология изучает результаты внедрения в практику рекомендуемых мер. В теоретической обоснованности и практической осуществимости мер предупреждения преступлений проявляется социальная эффективность криминологии.

Криминология — это наука, а не просто учебная дисциплина. Как и в любой науке, в криминологии существуют разные точки зрения, нерешенные и дискуссионные проблемы.

Во второй части издания рассматриваются некоторые из проблем фундаментального характера — о научном статусе криминологии, о криминологических категориях и т.д. Разработка этих проблем вполне может стать предметом диссертационного исследования: работы по теории криминологии, к сожалению, чрезвычайно редки. Материалы второй части могут быть полезны и студентам, интересующимся вопросами теории криминологии.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Предмет и методы криминологии, ее место в системе наук

Слово «криминология» (лат. *crimen* — преступление, греч. *logos* — учение) означает «наука о преступлении». Преступление является предметом изучения и других наук — уголовного права, криминалистики. Но эти науки создают теоретическую базу для правоприменительной деятельности по раскрытию преступлений и наказанию виновных, что является реакцией на уже совершившееся преступление. Криминология же разрабатывает теоретические основы деятельности по предупреждению преступлений. В настоящее время криминология рассматривается как наука о преступности в целом.

Первый научный труд под названием «Криминология» был опубликован в 1884 г. Р. Гарофало. До этого для обозначения науки о преступлении использовались другие термины — криминальная антропология, уголовная социология.

1.1. Объект и предмет криминологии

Для понимания сущности и особенностей конкретной науки в науковедении различают объект и предмет науки. Объект науки — это те явления и процессы, которые изучает данная наука и которые существуют независимо от того, познают их люди или нет (горы, растения). Предмет науки является частью, отдельной стороной объекта (строение горных пород, лекарственные свойства растений). Один объект может изучаться несколькими науками, в одном объекте можно выделить несколько предметов (предмет, следовательно, не может быть шире объекта). Применяя для изучения, например, человека биологические методы, мы можем вычленить предмет биологии — клетки, органы, организм в целом; применяя психологические методы — предмет психологии: интеллект, память, эмоции и т.д. В человеке как объекте познания можно выделить даже предмет механики: рассматривая человека как материальное тело и подвергнув его процедуре измерения, мы получим размеры, массу, скорость. Но для механики нет качественных различий между человеком и, например, камнем.

Предмет науки — это не просто некоторая часть, сторона объекта (некоторые свойства и отношения), а такая его сторона, которая выявлена в процессе познания посредством метода и зафиксирована

в определенной знаковой форме (в некоторых представлениях, понятиях, гипотезах и т.д.). Следовательно, предмет науки есть в определенной мере уже познанный объект. Принципиальное различие между предметом и объектом состоит и в том, что предмет науки исторически изменчив. Появляются новые методы исследования, совершенствуются приборы (например, лупу сменил микроскоп). Выявляются новые свойства объекта, более полно исследуются уже известные, процесс познания идет от явления к сущности. Вследствие этого предмет науки развивается как интенсивно (вглубь), так и экстенсивно (вширь). Так, понятие «преступность» появилось не сразу, а было выработано в процессе познания. И, как у любого научного понятия, его содержание менялось: преступность как свойство личности — преступность как сумма преступлений — преступность как социальное явление. Объект же познания остается неизменным. Конечно, объект, как и все в природе и обществе, изменяется, но изменяется не в результате познания, а независимо от него.

В широком смысле слова объектом криминологии являются человек и социальные общности. Разные науки могут различаться объектами (у физики — неживая природа, у социологии — общество). Но несколько наук могут иметь один общий объект, различаясь в то же время предметами. Спецификой криминологии как науки является ее комплексный характер: объекты познания криминологии относятся к разным уровням социальной реальности — человек, социальная группа, общество. Криминология использует методы и подходы разных наук, а криминологические исследования чаще всего носят междотраслевой и междисциплинарный характер.

Таким образом, объект криминологии совпадает с объектом познания других социальных наук (психологии, социологии), но предметы у них различны. Следовательно, специфику и особенности конкретной науки характеризует не объект, а предмет.

В широком смысле предметом криминологии являются природа и причины существования общественно опасных проявлений и объективные возможности общества по их предупреждению (искоренению).

В предмете криминологии обычно выделяют четыре основных элемента: 1) преступность; 2) причины и условия преступности (преступлений); 3) личность преступника; 4) предупреждение преступлений.

В последнее время стали выделять еще один элемент — жертву преступления, что иллюстрирует историческую изменчивость (эволюцию) предмета криминологии. Раздел криминологии, изучающий жертву преступления, называется «виктимология».

Преступность — центральное понятие (категория) криминологии. Для уголовного права таким понятием является, например,

преступление. В криминологической литературе существует немало определений преступности, в частности, такое достаточно распространенное определение: преступность — это массовое, относительно устойчивое, социально обусловленное, исторически изменчивое, общественно опасное социально-правовое явление, выражающееся во множестве совершаемых преступлений.

Преступность и преступление — качественно отличные явления со своими особыми характеристиками. Преступность не сводится к сумме преступлений. Понимание преступности как социального явления исходит из того, что некоторое количество преступлений создает новое социальное качество — преступность, которая приобретает свойства, не присущие отдельным преступлениям. Предметом криминологического познания являются как преступность, так и различные ее виды (рецидивная, женская и т.д.) и отдельные преступления. В этом также проявляется комплексный характер криминологии.

Изучение преступности, ее сущности и свойств в конечном счете необходимо для того, чтобы познать причины и условия ее существования, выявить закономерные связи и отношения с другими социальными явлениями, чтобы на основе этого выработать способы воздействия на эти причины и условия с целью предупреждения преступлений. Изучение причин преступности — важнейшая теоретическая задача криминологии.

Криминология в соответствии со спецификой своего предмета также изучает причины и условия на разных уровнях: а) причины и условия преступности; б) причины и условия видов преступности; в) причины и условия совершения конкретных преступлений. Причины и условия на каждом уровне относительно самостоятельны и независимы, качественно несводимы одни к другим.

Личность преступника является криминологическим понятием, а родственное ему понятие «субъект преступления» — уголовно-правовым. Понятие «личность преступника» используется для изучения причин преступлений, понятие «субъект преступления» — для определения общих оснований уголовной ответственности.

Проблема существования личности преступника в криминологии относится к разряду дискуссионных, по ней высказываются полярные точки зрения. Так, под личностью преступника понимается определенная совокупность свойств субъекта преступления, которые обуславливают вместе с иными (внешними) обстоятельствами совершение преступления. Во множестве всех свойств, характеризующих личность, криминологию интересуют только криминологически значимые свойства.

Личность преступника не следует отождествлять с понятием «преступная личность», т.е. считать, что существуют какие-то особые люди, всегда готовые совершить преступление.

Изучение всех элементов предмета криминологии в конечном счете имеет целью создать научную основу социальной деятельности по предупреждению преступлений. Криминология разрабатывает общую теорию предупреждения преступлений, которая включает в себя: основные направления, формы и методы предупредительной деятельности; социально-экономические и организационно-правовые основы ее осуществления; систему субъектов предупредительной деятельности. Научная обоснованность теории предупреждения и практическая осуществимость рекомендуемых мер профилактики являются показателями социальной эффективности криминологии как науки.

Определив предмет, т.е. указав вопросы, изучаемые данной наукой, мы фактически даем и определение этой науки. Но более полное представление о науке дает не предмет, а ее содержание. Так, в содержание криминологии наряду с изучением предмета входят методология и методика исследований, изучение истории криминологии, разработка практических мер по предупреждению преступлений.

1.2. Методы криминологии

Наряду с объектом и предметом еще одной существенной характеристикой науки являются применяемые ею методы. Метод — это исследовательская процедура, с помощью которой изучается объект познания с целью получения информации о его свойствах. В общем плане все научные методы разграничиваются по области применения и по широте применения.

По области применения различают два класса методов: теоретические, применяемые для изучения свойств и отношений абстрактных объектов (числа, функции), и эмпирические, применяемые для изучения реально существующих объектов (атомы, люди). Соответственно объектам и применяемым методам науки классифицируются на абстрактные, теоретические (логика, математика) и эмпирические, опытные, экспериментальные (химия, биология, криминология).

Существенное отличие этих типов наук состоит также в том, что истинность положений и выводов абстрактных наук устанавливается не опытным путем, а следует из значения теоретических терминов и смысла логических отношений. Истинность же утверждений эмпирических наук устанавливается путем соотнесения этих утверждений с действительностью. Конечно, и в эмпирических науках используются понятия, не имеющие прямых аналогов в объективном мире, и могут применяться некоторые теоретические методы, например, методы символизации, формализации.

По широте применения методы разделяются на общенаучные, которые применяются если не во всех, то во многих науках; частно-

научные, применяемые в группе смежных наук; специальные, разработанные для отдельной конкретной науки (в криминологии специальных методов нет).

Кроме того, различают методы получения информации о свойствах объекта (наблюдение, опрос) и методы обработки полученной информации (вторичная группировка, факторный анализ).

Продуктом научного познания должно быть объективное знание, т.е. знание о свойствах объекта — как они есть, вне и независимо от познающего субъекта. Основное требование к научному методу — его нейтральность по отношению к объекту познания, принципиальная неспособность изменять свойства объекта в процессе исследования. Этим орудие познания (прибор) отличается от орудия труда. Так, микроскопом можно забивать гвозди (и тогда он будет орудием труда), а можно изучать инфузорию туфельку (тогда он есть орудие познания).

Методологическое требование нейтральности метода было выработано в науке Нового времени и представляется вполне очевидным. Как показало дальнейшее развитие науки, это требование не всегда выполнимо. Вовлечение в сферу научного познания микрообъектов, возникновение квантовой механики показало, что нельзя полностью исключить влияние субъекта познания, что существует так называемый эффект возмущающего влияния прибора.

Проблема нейтральности метода актуальна не только для квантовой механики. Эта проблема, осознается она исследователем или нет, стоит и перед социологией, и перед психологией. А поскольку криминология использует методы этих наук, она актуальна и для нее. Проводя эксперимент, опрос или тестирование, исследователь должен учитывать, что само применение этих методов может существенно повлиять на объект познания (человека). В этом случае применение метода дает нам знание о свойствах объекта познания не в естественных условиях, а взаимодействия с субъектом познания, в условиях вмешательства исследователя. В психологии и социологии эта проблема формулируется как проблема валидности (обоснованности) используемых методик.

Нейтральность метода по отношению к объекту не следует трактовать как полную независимость метода от объекта. Требование нейтральности метода по отношению к объекту — всего лишь одна сторона проблемы. Другая заключается в том, что метод должен быть адекватен объекту: качественно различные объекты требуют применения различных методов. Так, коэффициент интеллекта нельзя измерить путем взвешивания мозга.

В криминологии примером игнорирования специфики объекта была попытка Ч. Ломброзо применить для изучения особенностей личности преступника методы антропометрии. Из требования адек-

ватности метода объекту следует невозможность существования единого универсального метода, применимого к объектам любой природы.

В криминологии как эмпирической науке применяются такие общенаучные методы, как наблюдение и эксперимент. Д. Милль отмечал, что наблюдение ставит задачу — отыскать пригодный для наших целей случай, а эксперимент — создать его при помощи искусственного сочетания обстоятельств. Использование в криминологии методов наблюдения и эксперимента имеет свою специфику и пределы.

Наблюдение — это чувственное целенаправленное восприятие свойств объекта, значимых с точки зрения целей исследования, и их фиксация (описание). Наблюдение является исторически наиболее ранней и исходной формой эмпирического исследования, оно структурно включено и в экспериментальные, и в измерительные процедуры.

Наблюдение может быть как прямым (непосредственным), так и косвенным (опосредованным). При косвенном наблюдении наблюдается не сам объект или его действия, а эффект его взаимодействия с другими объектами или результаты его действий. Таким образом, специфика косвенного наблюдения заключается в том, что о свойствах в данный момент ненаблюдаемого объекта судят по наблюдаемым его проявлениям (нет дыма без огня). В криминологии прямое наблюдение затруднено: ведь криминолог непосредственно наблюдает не событие преступления, а его последствия.

Эксперимент — это изучение свойств объекта в искусственно созданных, контролируемых и управляемых условиях. Проведение экспериментов в криминологии также весьма затруднено. И не только вследствие сложности объекта исследования, а прежде всего по этическим соображениям. Общество не может позволить криминологу искусственно создавать условия, способствующие совершению преступлений. Но эксперименты по стимулированию правопослушного поведения, по проверке эффективности мер профилактики не только возможны, но и регулярно проводятся.

Кроме того, допустимо использовать так называемый ретроспективный эксперимент (квазиэксперимент), т.е. когда какое-то реально произошедшее событие интерпретируется как экспериментальная ситуация. Главное при этом — возможность зафиксировать начальное и конечное состояния объекта и выделить экспериментальный (воздействующий) и производные (зависимые) факторы. Кроме того, исследователь должен убедиться в том, что квазиэксперимент отвечает требованиям внутренней (именно экспериментальный фактор является причиной наблюдаемых изменений) и внешней (выявленная зависимость является закономерной, она может быть распространена и на неэкспериментальную ситуацию) валидности. Так,

известную антиалкогольную кампанию в середине 80-х гг. прошлого столетия можно рассмотреть в качестве экспериментальной ситуации, которая показала, как сокращение государственного производства и продажи алкоголя (экспериментальный фактор) сказалось на его потреблении, уровне преступности, уровне смертности, росте самогоноварения и т.п. (зависимые факторы). Другой пример: известная катастрофа с электроснабжением Нью-Йорка позволяет криминологу сделать определенные выводы о значении уличного освещения для предупреждения уличной преступности.

К общенаучным можно отнести и такой быстро развивающийся метод, как моделирование. Когда реальный натурный эксперимент невозможен или слишком дорог, экспериментируют с моделями, реальными или абстрактными (например, испытание моделей самолетов в аэродинамической трубе, математическое моделирование атомного взрыва и др.). В криминологии использование метода моделирования является весьма перспективным направлением, так как прямое экспериментирование сталкивается со значительными трудностями. Наиболее часто используются математические модели, особенно при прогнозировании преступности.

В криминологической литературе довольно часто можно встретить утверждение о том, что наряду с наблюдением и экспериментом к общенаучным эмпирическим методам, применяемым в криминологии, относятся дедукция и индукция. Вообще дедукция и индукция являются не эмпирическими методами познания, а способами логического рассуждения и доказательства (разными формами связи посылок и заключения). Механизм дедукции состоит в распространении общего положения на отдельный случай, подведении частного случая под общее правило. Механизм индукции состоит в распространении частного случая на общее, в переходе от знания части предметов определенного класса к знанию обо всем классе предметов.

Эмпирические методы дают новую информацию о свойствах объекта, а дедукция и индукция как методы — новые выводы из знания, уже полученного с помощью эмпирических методов. Это относится и к так называемым методам научной индукции: метод единственного сходства, метод единственного различия, метод сопутствующих изменений и т.д.

Поскольку объект криминологии частично совпадает с объектом других социальных наук, то в криминологии могут применяться методы этих наук, которые относятся к разряду частнонаучных:

- социологические — анализ первичной документации (изучение уголовных дел), опрос (осужденных, потерпевших, сотрудников правоохранительных органов), экспертные оценки, социометрический метод (анализ внутригрупповых отношений);

- психологические — биографический, тестирование;
- статистические — статистическое наблюдение, статистический анализ (группировка, факторный и регрессионный анализ).

В криминологии как эмпирической науке одним из основных способов доказательства (опровержения) теоретических положений является гипотетико-дедуктивный метод. Из какого-либо утверждения или предположения (гипотезы), не поддающегося прямой проверке, логическим (дедуктивным) путем выводятся эмпирически проверяемые (верифицируемые) следствия. Если следствия, вытекающие из гипотезы, подтверждаются на практике, то гипотеза получает статус истинного утверждения.

Естественно, в криминологии применяются и всеобщие методы научного познания — системный, исторический, сравнительный и т.д.

1.3. Место криминологии в системе наук

Уяснив специфику объекта, предмета и методов криминологии, можно определить ее место в системе общественных наук и взаимоотношения с ними. По этому вопросу существуют три точки зрения: 1) криминология — часть уголовного права; 2) криминология — часть социологии; 3) криминология — самостоятельная наука.

Первой точки зрения придерживались русские криминологи до-революционного периода, а также такие известные советские юристы, как А.А. Герцензон и А.А. Пионтковский. Эта позиция не обоснована в силу того, что криминология не является юридической наукой, у криминологии и уголовного права разные объекты изучения (а если у каких-то наук разные объекты, то это заведомо разные науки).

Объектом науки уголовного права являются уголовное право (отрасль права) как регулятор общественных отношений, юридические нормы и институты; объектом криминологии — социальная деятельность людей и социальных групп. Поэтому методы, применяемые в этих науках, имеют принципиально различный характер, и, соответственно, различаются их предметы

Но в общем такая позиция вполне объяснима как исторически (криминология «вышла» из уголовного права, большинство криминологов — юристы по образованию), так и логически (именно уголовное право определяет понятие преступного). По традиции до сих пор во многих учебниках курс криминологии структурируется аналогично курсу уголовного права — на Общую и Особенную части.

Вторая точка зрения доминирует в американской криминологии. У социологии и криминологии действительно частично совпадают и объект, и некоторые методы. Но их предметы все же разли-

чаются. Криминология — комплексная наука, предметом ее изучения являются и социально-психологические аспекты преступности, и индивидуально-психологические особенности личности преступника. Поэтому предмет криминологии не может быть включен в предмет социологии.

В настоящее время наибольшее признание имеет третья точка зрения, сторонники которой считают, что криминология — самостоятельная наука. Но самостоятельность науки криминологии не означает, что она не имеет связей с другими науками.

Хотя криминология и не является юридической наукой, она тесно связана с уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, криминалистикой и т.д. Эта связь обусловлена прежде всего тем, что при всех различиях методов и характера решаемых задач они имеют общую цель — научно обеспечить борьбу с преступностью. Особая связь криминологии с уголовным правом объясняется и тем, что именно уголовное право определяет, какие деяния являются преступными, и тем самым очерчивает границы преступности как явления. А преступность и является основным элементом предмета криминологии. В то же время именно криминологические исследования дают необходимый материал для выработки уголовной политики, научного обоснования криминализации (декриминализации) деяний.

С уголовно-исполнительным правом криминологию связывает то, что наказание является одним из факторов предупреждения преступлений. Криминология, изучая причины пенитенциарной и рецидивной преступности, эффективность разных видов наказаний, предоставляет уголовно-исполнительному праву информацию, необходимую для совершенствования процесса исполнения наказания и исправления осужденных.

Связь криминологии с социологией, психологией, социальной психологией обусловлена сходством объекта и применяемых методов. Как криминология может использовать материалы этих наук, так и криминологические данные могут служить более глубокому изучению проблем соответствующих наук. Социология исследует закономерности отклоняющегося поведения (пьянство, бродяжничество и т.д.). Криминологию также интересуют эти явления, но не сами по себе, а в их связи с преступностью. Во многих случаях такое поведение является условием для совершения преступлений. Социологические и криминологические исследования взаимно обогащают друг друга.

Криминология связана и с другими науками. Связь со статистикой обусловлена тем, что преступность как массовое явление может быть представлена как статистическая совокупность. Связь с педагогикой — тем, что криминология изучает процесс формирования

личности преступника, а формирование личности — проблема педагогическая. Такие связи можно проследить практически со всеми социальными (да и не только) науками.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит качественное отличие объекта и предмета науки?
2. В чем заключается комплексный характер криминологии?
3. Какова специфика применения в криминологии общенаучных методов?
4. Что является объективной основой для применения в криминологии социологических методов?
5. Почему криминология не является частью (разделом) науки уголовного права?
6. Почему криминология не является частью социологии?
7. Чем обуславливается связь криминологии с уголовным правом?
8. Чем обуславливается связь криминологии с социологией и психологией?
9. В чем состоит принципиальное различие уголовно-правового и криминологического подходов к изучению преступлений?

Литература

1. *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. Минск, 1993.
2. *Даньшин И.Н.* Криминология: понятие, предмет, задачи и система криминологической науки. Харьков, 1995.
3. *Зелинский А.Ф.* Методика криминологических исследований. Киев, 1992.
4. *Кондрашков Н.П., Забрянский Г.И.* Количественные методы в криминологии. М., 1972.
5. *Косоплечев В.Н.* Методы криминологического исследования. М., 1983.
6. *Курганов С.И.* Основания криминологической теории. М., 1999.
7. *Курс советской криминологии.* М., 1985. Т. 1.
8. *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975.
9. *Панкратов В.В.* Методология и методика криминологических исследований. М., 1972.
10. *Стручков Н.А.* Введение в криминологию. Л., 1977.

Глава 2

История криминологии.

Становление криминологии как науки

Изучение истории науки дает возможность понять логику ее развития, объективно оценить достижения и ошибки прошлого. Без знания истории невозможно осмыслить современное состояние науки, выявить происхождение многих «революционных» идей. История предостерегает нас и от повторения ошибок, и от повторных открытий.

Криминология возникла как закономерный результат эволюции теоретических представлений о преступности и практических подходов к ее предупреждению. Не случайно криминология как самостоятельная наука сложилась именно в XIX в., когда естественнонаучные методы стали распространяться и на изучение общественных явлений. В XIX в. возникла и первая опытная наука об обществе — социология. Так что криминология формировалась не в стороне от «столбовой дороги» современного ее научного познания. Но всякая история науки имеет свою предысторию.

2.1. Ранняя история криминологии

Преступность возникла в рабовладельческом обществе вместе с государством как особым органом управления обществом и правом как регулятором общественных отношений. С тех пор люди пытаются понять происхождение и природу преступности, выработать средства борьбы с ней. Но интерпретация этих проблем, естественно, была различной в разные исторические периоды.

Уже в трудах Платона и Аристотеля были обозначены принципиальные подходы к пониманию связи преступлений с социальными условиями. Эти подходы не потеряли своего значения до настоящего времени, хотя, конечно, древние греки не анализировали феномен преступности в современном понимании этого термина.

Великие древнегреческие философы связывали массовость нарушения законов с правильным (справедливым) устройством государства. Справедливое государственное устройство, которое воспитывает у граждан уважение к законам и отвращает от их нарушения, должно обладать по крайней мере следующими чертами: отсутствием чрезмерного социального и экономического неравенства; стабильностью законов; борьбой с мздоимством (коррупцией) должностных лиц; созданием возможности для граждан, особенно молодежи, иметь высокооплачиваемую работу.

Аристотель первым обосновал социальную роль «среднего класса» как основы стабильности государства. Эти положения вполне соответствуют принципам социального рыночного государства, которое стремится построить Россия.

В Средние века преступник рассматривался в качестве грешника, искушаемого дьяволом к нарушению божественных заповедей. Преступление рассматривалось как грех, ересь. Способ воздействия — кара, но, исходя из принципа христианского милосердия, наказание должно быть гуманным, без пролития крови (сожжение на костре). Цель наказания — изгнать дьявола, очистить от ереси, спасти христианскую душу (путем умерщвления тела) от враждебного влияния.

Революция в сфере духа, произведенная Просвещением, имела одним из следствий новое понимание сущности человека. Человек не есть игрушка в руках внешних сил (дьявола), он является разумным и наделенным свободной волей существом. В эпоху Просвещения человек рассматривался как разумный эгоист, желающий получать удовольствия и стремящийся избежать страданий.

Преступник, совершая преступление, стремится получить выгоду от содеянного. Цель наказания — сделать совершение преступлений невыгодным. Отсюда вытекает и пропорциональная система наказаний: преступник должен испытать страдания пропорционально содеянному. Человек как существо разумное может нарушать естественный порядок вещей только из-за незнания этого порядка, вследствие своего невежества. Поэтому для предупреждения преступлений надо просвещать людей, доводить до их сведения содержание разумных законов.

В работах просветителей XVIII в. Шарля Монтескье «О духе законов» (1748) и Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (1764) были изложены фундаментальные идеи, которые впоследствии во многом определили развитие криминологии, — о факторах преступности, о примате предупреждения над наказанием, о роли социальных институтов в предупреждении преступлений и т.д. Монтескье отмечал, что мудрый законодатель заботится не столько о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений. Беккариа основным средством предупреждения преступлений считал воспитание, которое пусть и самое трудное, но зато самое верное средство. Главными субъектами воспитания являются семья и государство.

Кроме идеи предупреждения, Монтескье заложил основы теории факторов. Он считал, что поведение людей, в том числе преступное, определяется разного рода факторами. К таким факторам он относил образ правления, характер законодательства, климат, качество почвы, образ жизни, религию, численность населения, обычаи и т.д. Теория факторов сыграла огромную роль в становлении криминологии как науки, она было господствующей методологией

на ранних этапах развития криминологии, да и в настоящее время имеет своих сторонников.

Но ни Монтескьё, ни Беккариа, несмотря на сформулированные ими принципиальные положения, не могут считаться основателями криминологии. И дело не в том, что Монтескьё в своем трактате уделял основное внимание проблемам философии права, а Беккариа — уголовного права. Само понимание просветителями сущности права и природы преступного поведения являлось рационально-умозрительным, что не позволяло выработать представление о преступности как объективно существующем явлении. А без этого не может быть объекта научного исследования.

Отцами-основателями криминологии считают итальянского профессора медицины *Чезаре Ломброзо* (1835—1909) и бельгийского астронома и математика *Адольфа Кетле* (1796—1874). Ч. Ломброзо рассматривал преступность как естественное природное явление, подобно рождению и смерти, А. Кетле — как объективное социальное явление. С их именами связано формирование двух основных направлений (школ) в криминологии — антропологического и социологического. Они впервые при изучении преступности применили научные методы: Кетле — статистические, Ломброзо — антропометрические. Тем самым они сформировали предмет криминологии. Однако насколько примененные методы были адекватны объекту, и каким стал в дальнейшем предмет этой науки?

XIX век — это век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Наука не знает границ, естественнонаучным методам познания подвластно все, в том числе мораль, право, общественное устройство, — все то, что раньше было предметом метафизики и спекулятивных умозрительных построений. Стилю научного мышления XIX в. были одинаково чужды как обскурантизм Средневековья, так и морализаторство просветителей. Говоря современным языком, лидерами естествознания в XIX в. были физика (механика И. Ньютона) и биология (эволюционная теория видов Ч. Дарвина). Именно эти науки определяли стиль научного мышления своей эпохи. Особенности этого стиля мышления наложили зримый отпечаток на сам процесс формирования криминологии — понимание объекта исследования, применяемых методов и т.д.

2.2. Антропологическое направление в криминологии

Как известно, эволюционная теория Ч. Дарвина оказала огромное влияние на науку своего времени. Основные положения его теории, особенно учение о естественном отборе, были применены и для изучения развития общества (социал-дарвинизм).

Ч. Ломброзо перенес некоторые положения эволюционной теории Дарвина на область исследования преступности. В своей работе «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» (1876) он истолковал преступление и личность преступника в терминах биологии и антропологии. Первоначально Ломброзо руководствовался идеями френологии — концепции, которая утверждала, что отдельные психические способности локализуются в определенных участках мозга, и эти участки имеют свои специфические проявления на внешнем рельефе черепа.

И вот однажды Ломброзо обнаружил на черепе каторжника целую серию атавистических ненормальностей, аналогичных тем, которые имеются у приматов. Он понял, что проблема сущности и происхождения преступности для него разрешена. Преступник — это атавистическое существо, которое воспроизводит в своей личности инстинкты первобытного человека и животных. Позднее к причинам преступного поведения наряду с атавизмом он относил эпилепсию и нравственное помешательство.

Преступниками не становятся, а рождаются. Причинами преступного поведения являются врожденные индивидуальные качества. Прирожденного преступника легко отличить по внешнему виду: у него скошенный лоб, высокие скулы, огромные челюсти, выдающиеся надбровные дуги и т.д. Этими чертами обладают преступники, дикари и обезьяны. Как и дикари, преступники любят татуировать свое тело. Говоря языком современной биологии, Ломброзо считал, что существует вполне определенный преступный генотип, который выражается во вполне определенном фенотипе.

Ломброзо разработал таблицу признаков (стигм) преступного типа, многие из которых можно выявить путем непосредственного измерения и изучения тела человека. На этой основе он создал типологию преступников (убийц, воров, насильников, мошенников), в которой каждому типу соответствуют лишь ему присущие черты. Как иронизировали современники Ломброзо, рекомендации его теории по обращению с преступниками весьма просты: измерить, взвесить... и повесить.

Взгляды Ломброзо претерпели значительную эволюцию во многом под влиянием *Энрико Ферри* (1856—1929), профессора права Римского университета. В частности, он отказался от понятия «преступный человек» и стал говорить о прирожденных преступниках, которые не составляют большинства среди всех преступников.

Э. Ферри принял пятичленную классификацию преступников: 1) душевнобольные; 2) прирожденные; 3) привычные; 4) по страсти; 5) случайные. Он стал признавать существенную роль неантропологических факторов (выделил 16 групп факторов такого рода), осо-

бенно в отношении привычных и случайных преступников, и перестал фатально связывать антропологические особенности прирожденного преступника с его поведением, признав корректирующую роль благоприятных социальных условий.

Ферри в работе «Уголовная социология» (1881) систематизировал эти факторы и дал им определения, которые стали классическими. Считая, что все поступки человека являются продуктом его физиологической и психической организации и физической и социальной среды, в которой он растет, Ферри выделил три категории факторов преступности: 1) антропологические, или индивидуальные, 2) физические; 3) социальные.

Антропологические факторы Ферри делил на три подкласса. Первый касается органического строения преступника: аномалии черепа и мозга, рефлекторной деятельности, особенности физиогномики, татуировки. Второй подкласс — психическое строение, умственные и психические аномалии, жаргон. Третий — личные признаки: возраст, пол, род занятий, образование, гражданское состояние. К физическим факторам он относил климат, почву, метеосостояние, времена года. К социальным — плотность населения, состояние промышленности, законодательство, экономический и политический строй, распространение алкоголизма, общественные нравы и религию.

Ферри сформулировал закон «насыщения общества преступностью». Этот закон говорит о наличии определенной пропорциональности между численностью населения, живущего в определенной среде, и количеством совершаемых преступлений. Из этого закона следует, что для преступности существуют как верхний предел, «порог насыщения», так и нижний: в любом обществе всегда будет совершаться определенное количество преступлений, вызываемых наследственными, антропологическими факторами. Социальная среда и прирожденные наклонности людей являются весьма устойчивыми феноменами, не поддающимися быстрым изменениям.

Исходя из детерминированности поведения человека биологическими и социальными факторами, Э. Ферри в диссертации «Теория невменяемости и отрицание свободной воли» подверг критике центральный постулат классической школы уголовного права — принцип свободы воли как основание уголовной ответственности. Если поведение человека не зависит от его воли, то понятия вины и воздаяния за содеянное становятся бессмысленными. Обществу нужно не наказывать преступников (они не виноваты), а защищаться от них (и оно в этом не виновато). Место наказания должны занять «меры социальной защиты»: лечение, изоляция или уничтожение преступников. Наказание (репрессия), даже самое суровое, в борьбе с

увеличивающейся преступностью демонстрирует свою полную неэффективность.

Ферри разработал концепцию эквивалентов (заменителей) наказания, действительно способных сдержать рост преступности. Эти эквиваленты, говоря современным языком, представляли собой систему общесоциальных и специальных мер предупреждения: от ограничения монополий, борьбы с безработицей, сокращения производства и продажи алкоголя до устройства ночного освещения улиц и применения рентгена при досмотре багажа.

Ферри разработал понятие «опасное состояние личности» как показателя индивидуального агрессивного потенциала, свидетельствующего о возможности лица совершить преступление. Причем опасное состояние может реализоваться не только в преступлении, но и в других антиобщественных поступках.

Английский исследователь Ч. Горинг провел обширное сравнительное статистическое исследование антропологических типов среди заключенных английских тюрем, студентов и солдат. В работе «Английский заключенный» (1913) он достаточно доказательно опроверг положения учения Ломброзо о прирожденном преступнике. В результате этого и других исследований ломброзианская теория стала терять кредит доверия среди криминологов.

Чаще всего идеям Ломброзо дается однозначно отрицательная оценка, что не вполне справедливо. И если вклад антропологической школы в теорию уголовного права (понятие опасного состояния личности, концепция социальной защиты и т.д.) действительно вызывает весьма неоднозначные оценки, то для криминологии значение его работ, впервые поставивших в центр научных исследований личность преступника, сомнений не вызывает.

В заслугу Ломброзо можно поставить и то, что на основе своих исследований он создал прообраз современного полиграфа (детектора лжи) — сфигмограф, который фиксировал некоторые физиологические параметры (изменение циркуляции крови) организма преступника.

Ломброзианские идеи в XX в. развивала так называемая клиническая криминология (Б. ди Туллио). Она считает преступность медицинской проблемой, а преступника — больным человеком, нуждающимся не в наказании, а в лечении.

Клиническая криминология исходит из концепции «опасного состояния личности», измерить которое может не судья, а эксперт-клиницист. Ему, а не судье должна принадлежать главная роль при определении вида и размера наказания (и, соответственно, приговор должен быть неопределенным, до излечения преступника). Предлагаемые сторонниками клинической криминологии меры предупреждения не всегда отличались гуманностью (лоботомия, электрошоковое воздействие, стерилизация и т.д.).

Антропологи в объяснении преступности и ее причин стояли на позициях антропологического детерминизма — сводили социальное к биологическому. С противоположных позиций — позиций социального детерминизма — объясняли преступность представители другого направления — социологического. Но социологи, также как антропологи, в объяснении причин преступности придерживались методологии теории факторов.

2.3. Социологическое направление в криминологии

В рамках социологической школы были сформированы принципиальные положения о зависимости преступности от условий социальной среды, об устойчивости основных параметров преступности и о возможности ее прогнозирования.

Сообразуясь с научными идеалами своего времени, А. Кетле отмечал: «Цель моя — показать, что в мире, где многие упорно видят только беспорядочный хаос, существуют всесильные и неизменные законы». Законы, управляющие социальными процессами, столь же точны и неизменны, как законы механики, и аналогичны им (действие равно противодействию; общество, как и любая система, стремится к равновесию и т.д.). Эти законы едины для всех эпох и народов». Поэтому не случайно и главный труд Кетле назывался «Человек и развитие его способностей, или Опыт социальной физики».

Законы можно сформулировать только для устойчивых, повторяющихся явлений. С феноменом постоянства и цикличности социальных явлений Кетле столкнулся при изучении демографической статистики. Применив тот же статистический метод к изучению преступности, он понял, что число совершаемых преступлений из года в год остается почти постоянным, да и структура преступности является стабильной. Из этого он делает далеко идущий вывод: «Мы можем с полной достоверностью подсчитать, сколько человек запачкают свои руки кровью ближнего, сколько будет подлогов, отравлений; мы можем это сделать почти с такой же точностью, с какой предсказываем количество смертных случаев и рождений в ближайший год». Преступления, учтенные в большом масштабе, говорил Кетле, обнаруживают такую же закономерность, как и явления природы.

Признание прогнозируемости преступности означает признание и ее детерминированности, причем чисто социальной: «Общество заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие». Действия преступника так же подчинены социальным законам, как падение камня — закону всемирного тяготения.

Поскольку причины преступности кроются главным образом в общественном устройстве, то для Кетле вполне очевидно и основное направление борьбы с ней: «Нет сомнения, что достаточно было бы изменить причины, управляющие нашей социальной системой, чтобы изменились также печальные результаты, встречаемые ежегодно в летописи убийств и самоубийств». Повлиять на преступность можно посредством изменения (реформирования) социальных учреждений, повышения уровня образования населения и т.д.

Эти положения социальной физики Кетле легли в основу социологического направления (школы) в криминологии. В русле этого направления акцент делается на изучение не отдельного преступления или преступника, а преступности как массового явления, подчиняющегося статистическим закономерностям. Говоря философским языком, социальный детерминизм Кетле был по своему характеру механистическим.

Преодолеть механицизм Кетле попытался французский криминолог Габриэль Тард (1843—1904), директор статистического бюро Министерства юстиции Франции. Он обратил особое внимание на такое свойство преступности, как ее историческая изменчивость: «Система добродетелей так же, как и система преступления и порока, меняется вместе с ходом развития истории». Как и все криминологи социологического направления, он считал, что причиной преступлений является низкий уровень материальной обеспеченности, культуры, образования населения. Значит, согласно теории факторов, повышение благосостояния и образованности населения должно уменьшить преступность.

Однако анализ уголовной статистики за 50 лет, проведенный Тардом в работе «Сравнительная преступность» (1886), показал, что вместе с ростом благосостояния и уровня образования населения растет и преступность. Причем в более бедных и промышленно менее развитых департаментах страны уровень преступности ниже по сравнению с богатыми. Как объяснить тот факт, спрашивал Тард, что благосостояние и довольство распространились и прогрессировали в одно время с эпидемией убийств? Почему при уменьшении краж хлеба одновременно возросло число краж драгоценностей? Хотя Тард и не смог ответить на им же поставленный вопрос, он, видимо, понял, что нет прямого непосредственного воздействия социальных факторов на преступное поведение, что механизм этого воздействия более сложен и включает в себя какие-то опосредующие факторы. И как нельзя все социальные болезни объяснить болезненным состоянием индивидов, так и закономерности индивидуального преступного поведения нельзя объяснить прямым действием социальных факторов.

Таким образом, Г. Тард первым поставил принципиальный для криминологии вопрос о характере связи социальных факторов (ни-

щеты, безработицы) и параметров преступности. Ответить на этот вопрос попытался представитель антропологического направления Р. Гарофало. Он выдвинул весьма перспективную идею о том, что мотивирующую роль в совершении преступления играет не уровень бедности как таковой (это величина относительная), а неблагоприятное соотношение между растущими потребностями и возможностью их удовлетворения: рабочему может не хватать заработка, а капиталисту — прибылей.

Русский криминалист М.П. Чубинский возражал Р. Гарофало, поскольку с этой точки одинаково нуждающимися окажутся и бедняк, у которого мало пищи и одежды, и богатч, которому его доходов не хватает на шампанское, рысаков и гаванские сигары. Но дело ведь не в содержании «нехватки», а в самом ее факте. Если голод может подтолкнуть бедняка к краже колбасы из магазина, то желание заиметь рысаков заставляет богача подделывать векселя, уклоняться от уплаты налогов и т.д. Поэтому рост благосостояния сам по себе ведет не к снижению преступности, а к изменению ее форм: если раньше крали галоши и часы, то теперь — компьютеры и музыкальные центры.

Если XIX в. был веком преступности бедных, «синих воротничков», как выражаются американские криминологи, то XX в. породил новый феномен — невиданный рост «беловоротничковой» преступности (этот термин ввел Э. Сатерленд), т.е. преступности представителей высших классов, людей состоятельных, уважаемых, «столпов общества». Позднее Э. Дюркгейм обратил внимание на то, что если биологические потребности имеют свои естественные пределы в свойствах самого организма, то социальные таковых не имеют, они ненасыщаемы, и рост материального благосостояния общества всегда отстает от роста потребностей своих членов.

Еще основоположники марксистской криминологии указывали на значение не самого по себе уровня удовлетворения потребностей, а степени различия в возможности их удовлетворения для разных людей. «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно так же малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастет дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины».

Современные криминологические исследования территориальных различий преступности подтверждают, что социальная неудовлетворенность как криминогенный фактор обуславливается не абсолютным, а относительным значением уровня удовлетворения потребностей. Состояние преступности коррелируется не с различием в уровне материальной обеспеченности разных социальных групп, а с размером, остротой этого различия.

Прямое использование в криминологических исследованиях данных официальной статистики без их дополнительного анализа не всегда оправданно. Это относится и к статистическим данным об уровне жизни и черте бедности. Повышение среднего уровня благосостояния еще не свидетельствует об уменьшении бедности как таковой: количество бедных может даже увеличиться за счет увеличения разрыва в доходах между богатыми и бедными. Кроме того, бедность как таковую (как криминогенный фактор) характеризует не только ее распространенность (количество бедных), но и глубина (бедность в богатых и бедных странах — не одно и то же) и интенсивность (количество не просто бедных, а самых бедных).

В криминологических исследованиях должна учитываться не только абсолютная бедность (уровень доходов ниже некоторого определенного минимума). Если люди (группы людей) считают свой уровень жизни существенно и неоправданно более низким, чем у других, или ниже, чем свой уровень жизни в прошлом, то такие люди (и целые группы) будут чувствовать и вести себя как находящиеся в ситуации бедности независимо от абсолютной величины их доходов. Это относительная бедность.

Г. Тард первым обратил внимание на такие каналы опосредованного социального влияния, как религия, мода, традиции, значение которых было осознано криминологами только после изучения работ Дюркгейма. Тард ввел в криминологический оборот и такой социально-психологический феномен, как подражание. В работе «Законы подражания» (1890) он отмечал, что социальный организм является по своему существу подражательным, и подражание в обществе играет роль, аналогичную наследственности в живом организме. Эта идея впоследствии легла в основу теории дифференцированной связи Э. Сатерленда.

Таким образом, с Тарда началось сближение социологического и антропологического подходов, в область криминологических исследований было вовлечено недостающее звено — социокультурные феномены как продукты групповой социальной деятельности людей.

Решающий вклад в это внес, несомненно, выдающийся французский социолог Эмиль Дюркгейм (1858—1917). Для него социальные явления также объективны, как и природные, и их можно изучать научными методами. Социальные явления должны изучаться как вещи, т.е. как внешние по отношению к индивиду реальности. К таким явлениям (или социальным фактам) относятся традиции, религия, мода, моральные нормы и т.д. Они объективны в том смысле, что индивид при появлении на свет застает их уже в готовом виде, они существуют независимо от его индивидуального сознания.

В работе «Самоубийство» (1897) Дюркгейм пришел к выводу о том, что источником самоубийств и преступлений является ослабле-

ние социальной сплоченности, солидарности между людьми, т.е. социальная дезорганизация. Состояние общества, которое характеризуется отсутствием социальной сплоченности или резким ее ослаблением, Дюркгейм обозначил термином «аномия» (безнормативность). Аномия как важнейший социальный факт свидетельствует о том, что общество перестало быть регулирующей силой по отношению к своим членам, а люди перестали верить в ценности общества и по этой причине оказались дезориентированными, не способными понять, «что такое хорошо, а что такое плохо». Аномия определяет состояние многих социальных процессов, в том числе преступности.

Для Дюркгейма аномия также связана с коллизией потребностей и средств их удовлетворения. При нормальном состоянии общества существует определенное равновесие между потребностями (их границами) и степенью их удовлетворения. И если биологические потребности находят ограничение в свойствах самого организма, то границы социальных потребностей могут быть только социальными. Таким регулирующим, ограничительным началом для индивида является общество, но не всякое общество, а обладающее моральным авторитетом. Когда же общество теряет моральную власть над своими членами, способность регулирования и ограничения ненасытных потребностей индивидов, наступает дезорганизация, хаос, аномия.

Состояние аномии вызывает такой рост преступности, что его следует признать ненормальным. Но ненормальным является слишком высокий уровень преступности, а не само ее существование. Как и Ломброзо, преступность Дюркгейм рассматривал как естественное явление, но, в отличие от него, считал преступность не патологическим, а нормальным явлением, неотъемлемой частью любого здорового общества. Так же, как и Кетле, Дюркгейм придавал большое значение такому свойству преступности, как устойчивость, но в своих выводах пошел значительно дальше. Преступность существует во всех обществах всех типов. Нет другого феномена, который обладал бы столь бесспорными признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого общества. Человеку не нравится боль точно так же, как обществу не нравится преступность, и все же боль — функция нормальной физиологии.

Но если какое-то явление устойчиво и постоянно, если оно присуще любому обществу, то в соответствии с концепцией структурно-функционального анализа (одним из основоположников которого был Дюркгейм) оно должно выполнять определенную социальную функцию, функциональное объяснение социального факта должно выявить значение этого факта для сохранения или развития того или иного социального института. Дюркгейм выявил эту функцию преступности, и надо сказать, что это был один из самых смелых его выводов.

Социальная функция преступности, по Дюркгейму, — эволюционная. Уровень преступности может служить индикатором уровня социального развития. Развитие — это отклонение от установленных норм и правил. Общество должно давать свободу для возникновения отклонений, но свобода невелика: она предоставляет возможность возникновения как положительных, так и отрицательных отклонений. Если общество не дает такой свободы своим членам (традиционные общества, тоталитарные режимы), то уровень преступности снижается, но при этом замедляется и развитие общества. Ненормальным является как слишком высокий уровень преступности (аномия), так и слишком низкий (стагнация, застой). С этой точки зрения объяснимо, почему уровень преступности в социалистических странах был много меньше, чем в капиталистических. За свободу и демократию приходится платить, в том числе ростом преступности.

Преступность является не только индикатором общественного развития, она может выступать в роли непосредственно эволюционного фактора, способствующего прогрессивному развитию. Нередко преступления (преступление Сократа в античности, преступления еретиков в Средние века) подготавливают почву для становления новых форм морали (веротерпимость, свобода совести) и права. Если нарушение какого-нибудь уголовно-правового запрета приобретает массовый характер, это дает повод задуматься: а соответствует ли этот запрет изменившимся общественным потребностям, не становится ли он тормозом для социального развития?

Если довести концепции антропологов и социологов до логического конца, то в первом случае мы имеем «преступного человека» (Ч. Ломброзо), во втором — «преступное общество» (Э. Шур). Антропологическая и социологическая школы сложились в период становления криминологии как науки, но и на более поздних этапах, в новых криминологических концепциях и теориях всегда можно обнаружить проявление этих подходов к изучаемым объектам.

Таким образом, в криминологии изначально сложились два разных подхода к изучению феномена преступности. Они различались философскими основаниями (социальный и антропологический детерминизм), объектами (общество и человек), методами (статистические и антропометрические), предметами исследования (преступность как социальное явление и личность преступника), характером рекомендуемых мер предупреждения (социальные реформы и лечение преступников). Но при всех различиях их нельзя считать абсолютно несовместимыми. И социологическое, и антропологическое направления характеризуются методологическим единством, поскольку оба основывались на «теории факторов». И как Кетле признавал значимость антропологического фактора, так и Ломброзо (не говоря уже о Ферри) не было чуждо социальное реформаторство.

2.4. Этапы развития отечественной криминологии

Как правило, в учебниках описание отечественной криминологии начинается с 1917 г. Тем самым ставится знак равенства между «советским» и «отечественным». При этом неоправданно предается забвению дореволюционный опыт в развитии отечественной криминологии, игнорируется вклад дореволюционных криминологов (которые называли себя криминалистами) в развитие отечественной криминологической мысли.

Становление криминологических исследований в России в конце XIX в. связано с кризисом классической школы уголовного права и возникновением социологической школы. Хотя еще в 1823 г. академик К.Ф. Герман на заседании Академии наук прочитал доклад «Изыскание о числе самоубийств и убийств в России в 1819—1820 гг.». Но такого рода исследования властью были признаны политически вредными.

Представители новой школы — М.В. Духовской, И.Я. Фойницкий, М.Н. Гернет, Е.Н. Тарновский, М.П. Чубинский — подвергли критике классическую школу уголовного права за то, что она ограничивается изучением юридических конструкций, и провозгласили главной задачей уголовного права изучение зависимостей между социальной средой и преступностью.

Поскольку первыми русскими криминологами были представители социологической школы уголовного права, то в русской криминологии господствовало социологическое направление, ломброзианство практически не имело влияния. В объяснении причин преступности господствовала теория факторов. Об этом говорят даже названия работ: «Учение о факторах преступности» (Х.М. Чарыхов, 1906 г.), «Влияние времени года на распределение преступлений» (И.Я. Фойницкий, 1898 г.), «Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России» (Е.Н. Тарновский, 1898 г.). Большое внимание в исследованиях уделялось статистике. Показатели преступности в разных губерниях сравнивались с ценами на зерно, распространенностью пьянства, бродяжничества и т.д., и отсюда выводились факторы преступности.

Так же как и их западные коллеги, отечественные криминологи считали главными причинами преступности тяжелое материальное положение и невежество масс, но дополняли перечень и российской спецификой — пьянством. В российской криминологии более, чем в западной, придавалось значение экономическим факторам и социальному неравенству.

Российские криминологи более реалистично смотрели на перспективу искоренения преступности. Они призывали к проведению социальных реформ, но полагали, что это может ослабить зло, но

не ликвидировать его полностью: во-первых, есть пределы улучшения социального строя, во-вторых, социальные реформы могут лишь косвенно влиять на антропологические и физические факторы. Русские криминологи активно сотрудничали со своими зарубежными коллегами: в 1897 г. была создана Русская группа Международного союза криминалистов (руководитель И.Я. Фойницкий). В тот период уровень развития отечественной криминологии вполне соответствовал общеевропейскому.

После октябрьского переворота 1917 г. ситуация кардинально изменилась, отечественная криминология начинает свой новый этап как бы с чистого листа. Преобладающим становится влияние идей ломброзианства и «социальной защиты». Этот крутой поворот можно объяснить следующими обстоятельствами. В первую очередь, желанием «отречься от старого мира». А «старый мир» стоял на социологических позициях. Дореволюционные криминологи «левого» направления (М.М. Исаев, М.Н. Гернет, Х.М. Чарыхов) приняли революцию и заложили основы советской криминологии. Они подвергли беспощадной критике своих бывших товарищей за буржуазно-либеральный уклон.

Ученые желали соответствовать идеологии. Идеология провозглашала, что с уничтожением эксплуататорского строя и эксплуататорских классов должна исчезнуть и преступность. Получалось, что если при социализме нет социальных корней преступности, а преступность есть, то ее причины следует искать в личности, в «родимых пятнах» капитализма.

Сотрудники новых советских криминологических учреждений были в большинстве медиками, а не юристами, как криминологи дореволюционной школы, им профессионально ближе было изучение личности.

После октября 1917 г. стали создаваться кабинеты и клиники по изучению преступности и преступника. В 1922 г. в г. Саратове был создан Кабинет криминальной антропологии и судебно-медицинской экспертизы с тремя секциями: 1) изучение преступности и преступника; 2) воспитательное воздействие на заключенных; 3) производство экспертиз. В 1923 г. был создан Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности (характерно, что работал он при Мосздравотделе). В дальнейшем стали создаваться криминологические кабинеты по всей стране (Киев, Харьков, Ленинград, Ростов, Баку, Тифлис).

В 1925 г. при НКВД был образован Государственный институт по изучению преступности и преступника, директором которого был назначен начальник Главного управления местами заключения НКВД Е.Г. Ширвиндт. В институт входило четыре секции: 1) социально-экономическая; 2) пенитенциарная; 3) биопсихологическая;

4) криминалистическая, а также статистическое бюро. Задача института состояла в координации и проведении криминологических исследований в стране и оказании научно-методической помощи криминологическим кабинетам в других городах, которые были преобразованы в его филиалы.

В 1920-х гг. вышли в свет работы М.Н. Гернета «Моральная статистика» (1922), «Преступный мир Москвы» (1928), издавались сборники «Проблемы преступности», «Преступник и преступность», «Современная преступность». Криминологами были собраны весьма ценные материалы. Но в начале 1930-х гг. по обвинению в «идеологических извращениях» и «протаскивании буржуазных теорий» криминология подверглась гонениям.

Старт кампании дискредитации положила статья С. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии» (1929). В 1931 г. Государственный институт по изучению преступности и преступника был реорганизован в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики, который, в свою очередь, в 1936 г. преобразован во Всесоюзный институт юридических наук. Криминологические исследования были свернуты, криминологические кабинеты на местах ликвидированы, криминология изъята из программ юридических вузов. В ЦСУ ликвидировали отдел моральной статистики. Статистика преступлений была переведена в разряд государственной тайны.

Следующий этап развития отечественной криминологии, а точнее — возрождение криминологических исследований в стране, начался во второй половине 1950-х гг. В выступлениях А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, А.С. Шляпочникова ставился вопрос о необходимости возобновления криминологических исследований. К этому времени были «реабилитированы» социология, генетика, кибернетика. В 1963 г. Институт криминалистики Прокуратуры СССР был преобразован во Всесоюзный институт по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступности, его первый директор — И.И. Карпец. В настоящее время это Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ.

После принятия постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки...» (1964 г.) криминология включается в программы юридических вузов. В 1966 г. вышел первый учебник по криминологии.

Были изданы монографии А.Б. Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» (1961); А.А. Герцензона «Введение в криминологию» (1965) и «Уголовное право и социология» (1970); В.Н. Кудрявцева «Причинность в криминологии» (1968) и «Причины правонарушений» (1976); И.И. Карпеца «Про-

блемы преступности» (1969) и «Современные проблемы уголовного права и криминологии» (1976); Н.Ф. Кузнецовой «Преступление и преступность» (1969); А.М. Яковлева «Преступность и социальная психология» (1970). В 1960-х гг. стали разрабатываться проблемы виктимологии (П.С. Дагель, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская, Л.В. Франк). В 1984 г. группа ведущих криминологов (И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Б. Сахаров, А.М. Яковлев) за создание основ советской криминологии стали лауреатами Государственной премии СССР.

Была создана Криминологическая ассоциация (президент — А.И. Долгова), которая способствовала развитию и практическому применению криминологических знаний. Ассоциация организует семинары и конференции, издает специальную литературу, участвует в криминологической экспертизе законопроектов, поддерживает связи с зарубежными учеными и международными организациями.

В 1985—1986 гг. вышел первый «Курс советской криминологии» в двух томах (т. 1 «Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник»; т. 2 «Предупреждение преступности»), который подвел итог этого этапа отечественной криминологии.

В 1990-х гг. начинается новый этап в развитии отечественной криминологии. Коренные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в России, не могли не сказаться на состоянии криминологических исследований. Необходимо было переосмыслить методологические основы науки, по-новому взглянуть на истоки преступности и перспективы ее искоренения, приступить к изучению новых видов преступности (организованной, экологической и т.д.). В короткий срок при активном участии криминологов подготовлены проекты законов, без которых немислима борьба с современной преступностью: «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», «Об ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов». В Уголовном кодексе 1996 г. нашли отражение многие идеи, разрабатывавшиеся криминологами, — о преступном сообществе (ст. 35), об уменьшенной (ограниченной) вменяемости (ст. 22) и др.

По инициативе криминологов в настоящее время регулярно разрабатываются общедоинформальные и региональные программы борьбы с преступностью. Криминологические исследования стали приобретать все большую практическую направленность

Более тесными и плодотворными стали международные контакты российских криминологов. Свидетельством возросшего авторитета отечественной криминологии стало проведение в России международных конференций и симпозиумов по проблемам преступности и защите жертв преступлений.

Контрольные вопросы

1. Какие принципиальные криминологические идеи были высказаны в трудах просветителей Ш. Монтескьё и Ч. Беккариа?
2. Почему Ч. Ломброзо и А. Кетле считаются основателями науки криминологии?
3. В чем заключается основное содержание концепции Ч. Ломброзо?
4. Каков вклад Э. Ферри в развитие антропологической школы?
5. Почему понятие «душевнобольной преступник» для ломброзианства не являлось внутренне противоречивым?
6. В чем проявился механистический характер социального детерминизма А. Кетле?
7. Каков вклад Г. Тарда в развитие социологического направления?
8. В чем, по Э. Дюркгейму, заключается социальная функция преступности?
9. Почему в отечественной криминологии дореволюционного периода господствовало социологическое направление?
10. Чем характеризуется послереволюционный период отечественной криминологии?
11. Каковы основные этапы развития отечественной криминологии, в чем их своеобразие?

Литература

1. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство (социологический этюд). СПб., 1912.
3. *Иванов Л.О., Ильина Л.Ф.* Пути и судьбы отечественной криминологии. М., 1991.
4. *Иниаков С.М.* Зарубежная криминология. М., 1997.
5. *Криминология.* Исправительно-трудовое право (История юридической науки). М., 1977.
6. *Курс советской криминологии.* М., 1985.
7. *Ломброзо Ч.* Преступление. М., 1994.
8. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
9. *Тард Г.* Сравнительная преступность. М., 1907.
10. *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 1908.
11. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.

Глава 3

Зарубежные теории преступности

В советской криминологии самостоятельным направлением являлась критика буржуазной криминологии. В основном западных криминологов обвинили за незнание диалектического материализма и невнимание к методологии вообще, за увлеченность конкретными исследованиями. Подобная критика при всей идеологической узколюбости делала весьма полезное дело: знакомила, пусть неполно и предвзято, с достижениями западной криминологической мысли и способствовала использованию, пусть и анонимному, результатов зарубежных криминологов в исследованиях отечественных криминологов.

В зарубежной криминологии существуют теории, исходящие из разного понимания природы преступности и причин ее возникновения, — социологические и биологические. В современной криминологии наибольшее признание имеют теории социологического направления.

3.1. Теории преступности социологического направления

Теория дифференцированной связи (ассоциации). Автором этой теории является американский криминолог Эдвин Сатерленд. Эта теория исходит из «закона подражания», сформулированного Г. Тардом, и говорит о том, что преступному поведению, как и любому другому, обучаются у тех, с кем имеют более тесную связь. Основа механизма этого обучения — подражание тому, кто является для подростка идеалом, авторитетом (в этом пункте теория дифференцированной связи соприкасается с теорией референтной группы).

Иногда эту теорию иронически называют теорией «дурной компании». Влияние на человека тех или иных образцов поведения зависит от степени его связи с определенным лицом или группой лиц. Общаясь преимущественно с преступниками, индивид, скорее всего, станет преступником; общаясь с законопослушными лицами — законопослушным. Это называется дифференцированной связью. В бедных районах, пораженных преступностью, намного легче стать преступником: обучиться соответствующим приемам, подыскать соучастников, сбыть краденое и т.д.

Человек не наследует преступных наклонностей. Индивидуальные различия между людьми если и влияют на преступность, то лишь в той мере, в какой обуславливают частоту и устойчивость

контактов с образцами преступного поведения. Эмоциональные стрессы в семье сказываются на поведении, поскольку гонят человека из дому и толкают его на контакты с правонарушителями.

Теория дифференцированной связи является описательной, а не объяснительной: она описывает механизм усвоения образцов поведения, воздействию которых подвержен индивид, но не объясняет, откуда берется то преступное поведение, которое перенимают. Теория Э. Сатерленда была одной из первых эмпирически подтвержденных криминологических теорий, описывающих процесс воспроизводства преступности. Она вызвала серьезные научные дискуссии и способствовала развитию криминологических теорий социологического направления.

Теория асоциальных субкультур. Большой вклад в изучение асоциальных (по американской терминологии — делинквентных) субкультур внесли американские криминологи А. Коэн и В. Миллер. Теория субкультур говорит о том, что у преступников складывается своя особая асоциальная субкультура, т.е. своя мораль, своя система ценностей и норм, противостоящая ценностям общества, в которой само преступление является морально оправданным. В ней возможно, например, такое противоречивое понятие, как «честный вор». Личность развивается и действует в соответствии с ценностями и нормами своего криминального окружения, не воспринимая ценностей культуры общества в целом. Конечно, по своему содержанию она скорее является контркультурой, а не субкультурой. Но общепринято выражение «асоциальная субкультура».

В. Миллер считал, что асоциальная субкультура чаще развивается в низших слоях общества. Ее ценности и установки возникают в результате иммиграции из других стран, внутренней миграции из сельской местности в город, перемещения из одной социальной группы в другую, когда мигрант не может (или не хочет) быстро освоить ценности новой среды. Субкультура развивается, поскольку существует проблема адаптации (приспособления) к другой культуре, но это приспособление носит конфликтный характер. Возникновение субкультуры обусловливается потребностью в адаптации к непривычной среде, а ее носителями являются маргиналы — лица, утратившие старую культуру, но не сумевшие усвоить новую.

Теория субкультур широко используется при изучении рецидивной и профессиональной преступности, особенно в пенитенциарной криминологии при изучении преступности в местах лишения свободы. Считается, что основным фактором, продуцирующим преступность в исправительных учреждениях, является именно асоциальная субкультура осужденных: большинство преступлений связано или с нарушением норм сообщества осужденных, или со стремлением отстоять либо повысить свой статус в сообществе.

В отечественной и зарубежной криминологии выдвигались различные гипотезы по объяснению причин возникновения асоциальной субкультуры осужденных. Одни ученые видят причины этого явления в остаточном действии воровских традиций. Конечно, социальное наследование играет свою роль, однако факт существования традиций не объясняет ни причин их возникновения, ни то, почему в них заложено то или иное содержание.

Представители иной точки зрения (Я. Курчевский) объясняют возникновение субкультуры воздействием сексуальной изоляции, которая делит людей на активных и пассивных гомосексуалистов, позволяя первым морально оправдывать сексуальную эксплуатацию вторых. Из этой гипотезы следует, что сексуальная изоляция должна вызывать проявления асоциальной субкультуры везде, где свобода разнополых сексуальных контактов ограничена.

Польские криминологи (А. Подгурецкий, Б. Холыст) подвергают критике эту гипотезу как весьма ограниченную. Действительно, условия сексуальной изоляции не всегда ведут к возникновению субкультуры (полярники на зимовке). В то же время она проявляется в закрытых учреждениях для подростков 11—12 лет, у которых сексуальные устремления еще не сориентированы. Представляется более естественным, что истоки возникновения субкультуры осужденных связаны с изменением характера жизнедеятельности личности в условиях лишения свободы. И субкультура осужденных является по своей социальной сущности адаптивным, приспособительным механизмом.

Для мест лишения свободы асоциальная субкультура есть явление закономерное и объективное. Ее не следует считать продуктом «злой воли» преступников, объяснять социально-нравственной запущенностью осужденных. Специфичность субкультуры определяется уникальностью взаимосвязанных факторов, присущих в полной мере только наказанию в виде лишения свободы, а именно: принудительной изоляцией индивидов от общества; включение индивидов в однополые группы на уравнительных началах; жесткой регламентацией поведения во всех сферах жизнедеятельности.

Действие этих факторов постоянно и принципиально неустраимо, поскольку они являются необходимыми элементами лишения свободы. Все это нарушает привычные способы жизнедеятельности, лишает или резко ограничивает человека в удовлетворении целого ряда элементарных потребностей, снижает возможность получения новых впечатлений, делает жизнь монотонной. Осужденные пытаются найти новые способы выполнения ведущих социальных функций или же найти такие заменители, которые давали бы возможность реализоваться потребностям в общении, самоутверждении, самоуважении и т.д.

Таким образом, источником возникновения асоциальной субкультуры являются существенное отличие условий жизни на свободе от условий исправительного учреждения и стремление осужденных приспособиться к новым условиям, восстановить, насколько возможно, привычные формы жизнедеятельности (хотя это приспособление может осуществляться в необычных, на наш взгляд, формах). Социальные факторы являются объективными, внешними по отношению к социальной среде мест лишения свободы.

Однако существуют и внутренние социально-психологические факторы. Общество осудило и изолировало осужденных и тем самым противопоставило их основной массе законопослушных граждан. Общность социального положения, наличие общезначимых ценностей (свобода, справедливость) способствуют тому, что осужденные начинают себя осознавать членами единого сообщества («мы»), имеющего общие интересы, и противопоставленного людям, живущим на свободе («они»). Здесь действует универсальный социально-психологический механизм формирования реальной человеческой общности: отличие от других общностей и групп людей вовне и одновременно уподобление в чем-либо людей друг другу внутри общности.

Если межкультурное сравнение может порождать этноцентризм и ксенофобию, то межгрупповое сравнение порождает корпоративность и групповой фаворитизм: «наши» обязательно в чем-то отличаются в лучшую сторону от «не наших». Если различия между группами реально существуют, они преувеличиваются, а различия людей внутри группы приуменьшаются. На этой почве обычно формируются социальные стереотипы и предрассудки.

Сообщество, имеющее особые интересы и ценности, вырабатывает и специальные нормы, направленные на защиту этих интересов и ценностей и сплочение самого сообщества. Нормы субкультуры вполне обычны: «не лги», «не кради», «почитай старших». Только эта нормативная система несет ярко выраженную печать корпоративности: «не лги своим», «не кради у своих». Да и с нарушителями своих норм сообщество осужденных поступает обычным образом: их подвергают социальному клеймению (особые татуировки, клички) и социальной изоляции (каста «опущенных»).

Ценности и нормы являются центральными элементами в структуре субкультуры. Но, как и любая культура, она содержит и другие элементы, или атрибуты, выполняющие определенную социальную функцию. Это специфический язык (уголовный жаргон), выполняющий коммуникативную, сигнальную и конспиративную функции. Это клички, имеющие сигнальную и стратификационную (социального клеймения) функции. Это татуировки, выполняющие стратификационную, сигнальную и обособительную функции. Это

обряды и ритуалы, обладающие сильным эмоционально-психологическим воздействием и способствующие усвоению групповых ценностей и норм (ритуалы «прописки», «опускания», принесения клятвы и т.д.). Эстетическую сторону субкультуры выражает блатной фольклор — песни, стихи, поговорки, игры и т.д.

По своим основным чертам субкультура осужденных весьма схожа с архаичными, дописьменными культурами — широкое использование табу, проклятий, кличек, татуировок. Вспомним, что у Ч. Ломброзо это был один из аргументов в пользу уподобления преступников дикарям.

Теория нейтрализации. Итак, теория асоциальных субкультур объясняет нарушение преступниками общепринятых норм наличием у них своей особой, асоциальной системы ценностей и норм, противостоящих официальным (это реальный факт). Но почему некоторые преступники, особенно несовершеннолетние, нарушают правовой запрет, необходимость которого они в принципе признают (и это тоже реальный факт)? Почему, не отрицая самого факта содеянного, преступник часто не признает своей вины? Один из возможных ответов на этот вопрос содержится в теории нейтрализации американских криминологов Г. Сайкса и Д. Матзы.

Теория нейтрализации исходит из того, что социальные правила, или нормы, призывающие к должному поведению, в большинстве своем не выражаются в категорической форме. Эти нормы скорее представляют собой принципы, снабженные оговорками и ограниченные в своем применении условиями места, времени, круга лиц и социальной обстановки (фактически авторы говорят о гипотезе нормы). Это верно практически для любых моральных и правовых запретов, включая запрет убийства, отчуждения собственности и т.д. Нормативная система — отнюдь не жесткий свод правил, выполнение которых обязательно для любого в любых обстоятельствах, она обладает свойством гибкости. Есть заповедь «не лги». Но ведь морально оправданна и «ложь во спасение». Даже заповедь «не убий» не является абсолютной: она не распространяется на действия солдата на войне.

Подобного рода гибкость присуща и уголовному закону. В нем содержатся нормы, устраняющие ответственность по таким основаниям, как невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость. Преступное поведение в значительной степени определяется сознательным или бессознательным расширением сферы действия этих смягчающих обстоятельств. Правонарушители не вырабатывают свою систему норм, а используют особенности существующей нормативной системы для оправдания своего поведения.

Правонарушители, распространяя смягчающие обстоятельства на свой конкретный случай, «нейтрализуют» действие правовых норм в

отношении себя. Оправдание своего поступка снимает для правонарушителя вопрос о собственной вине. Механизм оправдания Г. Сайкс и Д. Матза называют нейтрализацией и считают, что она осуществляется пятью способами (или приемами): 1) отрицанием ответственности; 2) отрицанием вреда; 3) отрицанием наличия жертвы; 4) осуждением осуждающих; 5) обращением к более важным обязательствам.

Отрицание ответственности. Правонарушитель рассматривает себя как объект чьего-либо воздействия, как жертву обстоятельств (плохая семья, плохие друзья, материальные затруднения и т.д.) и этим подготавливает почву для отклонения от нормы, которую он в принципе не отвергает. Отрицание ответственности как бы разрывает связь между субъектом и его действиями, снимает вопрос о вине и последствиях деяния. Уголовное право отвергает принцип «объективного вменения», ответственность без вины: какими чудовищными не были бы последствия деяния, субъект не подлежит уголовной ответственности, если не установлена его вина (в виде умысла или неосторожности).

Нарушитель, не отрицая факта содеянного и наступивших последствий, пытается доказать отсутствие своего злого умысла или переложить ответственность на других. Но когда вина слишком очевидна, если ответственность за содеянное отрицать невозможно, нарушители применяют другой прием — отрицание вреда.

Отрицание вреда. Для нарушителя вопрос о преступности поведения тесно связан с наличием реального вреда или ущерба, причиненного его действиями. Причем этот вред может им толковаться самыми различными способами: хулиганство как озорство, драка как выяснение отношений между «своими», угон автомобиля соседа как неудачная шутка и т.д. Главное, что какого-либо ощутимого вреда его действия никому из посторонних не причинили. Действительный вред, с точки зрения преступника, был причинен ему самому (попал в колонию) или его семье. На такой вопрос один осужденный ответил: «Своим преступлением я причинил вред только самому себе: у меня рухнули все планы на дальнейшую жизнь».

Интересно отметить, что нарушители склонны рассматривать в качестве преступных только деяния, говоря юридическим языком, с материальным составом. Наличие же в законе формальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за действия независимо от наступивших последствий, ими игнорируется.

Если невозможно подвергнуть сомнению факт нанесения реального ущерба, нарушители прибегают к следующему приему — отрицанию наличия жертвы.

Отрицание наличия жертвы. Даже если нарушитель признает свою ответственность за неправильные действия и готов допустить,

что они причинили кому-нибудь вред, он пытается акцентировать внимание на личности жертвы, представляя свое деяние как вид справедливого возмездия или наказания: жертва превращается в злодея, а преступник — в благородного мстителя. Этот прием можно назвать комплексом Робин Гуда: если вор у вора дубину украл, это уже и не воровство, а восстановление социальной справедливости. Среди опрошенных осужденных 45,4% считают, что не нужно быть справедливым с несправедливым человеком; 57,3% полагают, что нечестных людей можно обманывать.

Широкому использованию такого способа самооправдания способствует его глубокая укорененность в обыденной морали и народной культуре. Мораль любого народа порицает обман, но народный же фольклор нередко показывает, что обмануть обманщика — не грех, а доблесть. Романтизация плутов и мошенников присутствует и во многих шедеврах мировой литературы («Декамерон», «Золотой теленок»).

Своеобразную социальную солидарность с преступниками в этом отношении нередко проявляют как простые граждане, так и сотрудники правоохранительных органов. В обыденной морали оценка тяжести преступления во многом зависит от личности потерпевшего. Когда преступники сводят счеты друг с другом в многочисленных «разборках», когда подрывают в машине очередного «вора в законе», мы с удовлетворением говорим: туда им и дорога, воздух станет чище. Но это опасная позиция: во-первых, она отрицает универсальность права и антихристианская по сути, во-вторых, надежды на очищение воздуха иллюзорны. В процессе социальной селекции, если ему не препятствовать, возвращается порода еще более опасных и жестоких преступников.

Если правонарушителю все же не удастся опорочить жертву, применяется следующий прием — осуждение осуждающих.

Осуждение осуждающих. Нарушитель может переместить внимание со своих действий на действия (или личность) осуждающих его людей: те, кто меня осуждает, сами плохие и несправедливые люди (судья-взяточник, милиционеры-садисты). Когда нарушитель видит явную (или мнимую) аморальность других людей, ему легче приуменьшить неблагоприятность собственного поведения.

Недаром в исправительных колониях наибольшей популярностью пользуются газетные статьи и телепередачи о преступлениях и аморальных поступках сотрудников правоохранительных органов и представителей власти. Если чиновники берут огромные взятки, строят роскошные дачи и при этом остаются безнаказанными, то почему в тюрьме оказался я? Ведь моя вина по сравнению с их виной ничтожна. Значит, общество поступило со мной явно несправедливо и тем самым освободило меня от всех моральных обяза-

тельств перед ним. Правильно замечено, что осужденным вина общества перед ними нужна не меньше, чем обществу — раскаяние преступников.

Когда все эти способы не срабатывают, нарушители прибегают к следующему приему — обращению к более важным обязательствам.

Обращение к более важным обязательствам. Внешний и внутренний контроль может быть нейтрализован также в результате того, что требования общества в целом приносятся в жертву интересам группы, к которой принадлежит нарушитель. Он вовсе не обязательно отвергает официальную нормативную систему, а скорее рассматривает себя как человека, столкнувшегося с нравственной дилеммой. К сожалению, она может быть разрешена только нарушением «неразумного» закона (я не мог бросить друга, я не мог показаться трусом и т.д.). В этом проявляется прагматическое отношение к морали и праву: нормы следует соблюдать, но до тех пор, пока это выгодно, пока позволяют обстоятельства. Каждый второй из опрошенных правонарушителей считал, что бывают ситуации, когда нарушения нормы оправданны.

Утверждения «я не хотел этого», «я никому не причинил вреда», «они сами это заслужили», «я это сделал не для себя», часто применяемые правонарушителями в свое оправдание, сама потребность в нем говорит о том, что в противоправном поведении нарушители руководствуются не какими-то особыми ценностями и нормами. Они усваивают не нормы субкультуры, а используют свойства существующей нормативной системы для обоснования и оправдания своего поведения.

Конечно, защитные механизмы, как бы они ни были сильны, недостаточны для того, чтобы полностью нейтрализовать влияние усвоенных субъектом ценностей и неодобрительную реакцию на его поступки со стороны других лиц. Но широкое использование личностью защитных механизмов показывает ее неспособность к трезвой самооценке, объективному анализу своего характера и поведения, что существенно влияет на регуляцию поведения.

Теория аномии. Автор этой теории — американский криминолог Роберт Мертон — рассматривал аномию не только в социальном аспекте как состояние дезорганизации общества, но и в индивидуальном — как состояние деморализации личности. Р. Мертон видит общие истоки преступности в противоречии между культурой и социальной структурой общества, а именно между целями и идеалами, определяемыми культурой, и законными средствами достижения этих целей (тоже определяемыми культурой), которые предоставляются социальной структурой общества.

Степень противоречия определяется прежде всего жесткостью социальной структуры: насколько она предоставляет (или ограни-

чивает) законные средства для достижения провозглашаемых целей основной массе населения (бесплатное образование, высокооплачиваемая работа и т.д.). Но дело не только в структуре. В традиционных обществах (касты, сословия) социальная структура довольно жесткая и имеет большое количество ограничений. Но в этих обществах нет общих идеалов, целей, и символы успеха свои для каждого класса (граф должен жить во дворце, а крестьянин — в хижине), поэтому состояния аномии там не возникает.

Когда же декларируются общие социальные идеалы, например, идеал равенства (чистильщик сапог может стать президентом), и пропагандируются общие для всего населения цели и символы общественного преуспевания (материальное благосостояние, богатство), то даже незначительные структурные ограничения вызывают аномию и способствуют преступному поведению. Преступное поведение имеет место тогда, когда превыше всего ставятся определенные символы успеха, общие для населения в целом, а социальная структура ограничивает или вообще устраняет доступ к законным средствам достижения этих целей для значительной части населения. Дезорганизация общества, утрата прежних ценностей, потеря нравственных ориентиров оказывают глубокое психологическое воздействие на личность, деморализуют ее и отчуждают от общества.

Р. Мертон выделяет пять типов адаптации к состоянию аномии, т.е. реакции на нее, которые по отношению к социально одобряемым ценностям, целям и нормам можно разделить на нормативные и ненормативные.

К *нормативным* относятся:

- конформизм — принятие любых целей, ценностей и норм;
- инновация — согласие с целями, но неприятие традиционных средств их достижения;
- ритуализм — безразличие к целям и покорное следование нормам.

К *ненормативным* относятся:

- ретретизм — отказ как от общепринятых ценностей, так и от норм (деклассирование и люмпенизация);
- мятеж — может воплощаться в революционных выступлениях, означает не только отказ от существующих ценностей и норм, но и стремление заменить их новыми.

Как считают некоторые социологи, в настоящее время наше общество пребывает в состоянии аномии: одна ценностно-нормативная система отброшена, другая еще не сформировалась. Люди не доверяют ни одному социальному институту и в то же время страдают от того, что никому и ничему нельзя верить. Лишь

в религии некоторые ищут утешение. Многие, не находя своего достойного места в обществе, отчуждаются от него.

В таких условиях проявляются два типа массовой реакции на аномию: ненормативная и нормативная. Ненормативная проявляется в нигилизме по отношению к нормам как законным средствам достижения целей и может выражаться как в социальном цинизме (все средства хороши для достижения цели), так и в экстремизме (особенно хороши насильственные средства, как наиболее эффективные). Нормативная реакция выражает потребность в установлении хоть каких-нибудь общепринятых и понятных правил. Она проявляется как в традиционализме (ностальгия по прошлому, желание вернуть старую привычную систему), так и в авторитаризме (тоска по твердой руке, которая навела бы новый, но строгий порядок).

Теория стигматизации. Название этой теории происходит от слова «стигма» (*stigma* — клеймо, тавро, ярлык). Теория стигматизации (Ф. Танненбаум, Э. Лемерта) исходит из того, что именно право определяет понятие преступного и в определенном смысле «творит» преступления, а следовательно, и преступников. Главное не само деяние, а его оценка со стороны общества. Как отмечал поэт М. Волошин, «закона нет — есть только принуждение. Все преступленья создает закон».

Факт социального клеймения решающим образом влияет на личность: человек с клеймом «преступник» и вести себя будет как преступник. Стигматизация может служить катализатором преступной карьеры. Арест подозреваемого приводит к потере им своего социального статуса, ограничению возможностей получения образования и работы, другим осложнениям. Такие обстоятельства подталкивают человека к дальнейшим и более серьезным правонарушениям (психологически это можно интерпретировать как вызов или месть обществу за проявленную несправедливость). Фактически эта теория подвергает сомнению постулат о безнаказанности преступников как факторе рецидива («главное — не тяжесть наказания, а его неотвратимость»).

Теория стигматизации применима в основном для изучения рецидивной преступности: неоднократно отбывающие наказание преступники отличаются от впервые осужденных именно тем, что они уже прошли процесс стигматизации, причем стигматизации не только правовой, но и нравственной. Существующий в обыденном общественном сознании стереотип преступника создает морально-психологический барьер между преступниками и законопослушными гражданами. Чем он выше, чем четче стигма преступника, тем труднее этот барьер переступить, тем ниже первичная преступность. Но тогда выше рецидивная преступность, поскольку отбывшим наказание труднее адаптироваться в обществе, которое их отвергает. И

наоборот: чем ниже барьер, тем выше первичная преступность и ниже рецидивная. Трудно сказать, что лучше.

Теория стигматизации гуманистична по своей сути и достаточно практична. Во-первых, она предоставляет не только нравственные, но и криминологические аргументы для отказа от телесных, позорящих и чрезмерно строгих наказаний. Во-вторых, она оказала большое воздействие на уголовную политику и законодательство многих государств в плане ограничения тюремного заключения (как наиболее стигматизирующего наказания) и поиска ему альтернативных мер, характеризующихся меньшим карательным содержанием.

Осознанием важности этой проблемы явились разработка и принятие Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). В этом же русле происходят и изменения в российской уголовной политике: в Уголовном кодексе предусмотрены новые виды наказаний, альтернативные лишению свободы, — обязательные работы, ограничение свободы, арест (проблемы введения их в действие связаны в основном с экономическими причинами).

К криминологическим теориям социологического направления относятся также «радикальная» криминология, теория регулирования, теория референтной группы, теория научно-технического прогресса и др.

3.2. Теории преступности антропологического направления

Авторы большинства антропологических (биологических) теорий преступности исходят из основной ломброзианской идеи о биологической (врожденной) аномальности преступника и подобно Ч. Ломброзо используют достижения современной биологии для обоснования своих воззрений. Это и теория эндокринного предрасположения человека к преступному поведению (Р. Фунес), которая причину преступлений видит в аномалиях желез внутренней секреции, и теория конституционального предрасположения к преступному поведению (Э. Кречмер), согласно которой существует связь между физической конституцией человека, психическим складом и типом поведения.

В конце XIX — начале XX в. (еще при жизни Ломброзо) весьма распространенной была точка зрения об умственной отсталости (неполноценности) преступников. Американские исследователи Р. Дагдейл и Г. Готтард провели монографическое исследование нескольких поколений двух семей (Джуксы и Калликаксы), в которых слабоумие передавалось по наследству. Во всех поколениях в

этих семьях преобладали правонарушители и десоциализированные личности.

Возникновение генетики придало «второе дыхание» поискам наследственных факторов преступного поведения. Весьма удобным (и наглядным) для этого оказался так называемый близнецовый метод. Как известно, однояйцевые близнецы обладают идентичным набором генов (генотипом), а разнаяйцевые — нет. Исследования показали (Й. Ланге, Ф. Штумпфль), что среди однояйцевых пар вероятность того, что если один из близнецов является преступником, то им станет и другой, намного (в 5—7 раз) выше, чем среди разнаяйцевых пар. Отсюда был сделан вывод о том, что генетическая предрасположенность к преступлению существует.

Однако эти исследования характеризовались существенными методологическими недостатками: во-первых, недостаточной репрезентативностью, во-вторых, был полностью исключен фактор влияния социальной среды. Для того чтобы избавиться от этого недостатка, надо было найти однояйцевые пары близнецов, разделенных в младенчестве и воспитывавшихся в разных условиях. Если бы и в таких случаях близнецы демонстрировали однотипное (преступное) поведение, то вывод о преступных задатках генетического характера стал бы более доказательным. И такая работа была проведена, было изучено более 100 пар близнецов, которые оказались разлученными с детства. Но среди них не оказалось ни одного преступника, и вопрос о гене преступности остался открытым.

Наиболее популярной среди биологических теорий являлась хромосомная теория. Генотип человека состоит из 46 хромосом, из которых две являются половыми: у женщин наличествуют половые хромосомы типа «XX», у мужчин — «XY». Когда в 1950-х гг. при генетическом обследовании осужденных у убийц была выявлена хромосомная аномалия (у некоторых из них хромосомный набор составлял 47 хромосом — «XY^Y»), то был сделан вывод о том, что наличие лишней мужской хромосомы «Y» определяет преступное поведение, т.е. человек с этой хромосомой более сексуален, более агрессивен и т.д. Но дальнейшие исследования показали, что эта аномалия встречается и у законопослушных граждан.

К биологическим можно отнести и психоаналитическую теорию преступности. Правда, сам З. Фрейд не занимался проблемой преступности, это сделали его последователи. По этой теории, внутри личности («я») происходит перманентный конфликт между социальным «сверх-я» и бессознательным иррациональным «оно», между усвоенными моральными установками и глубинными инстинктами (разрушения, самосохранения). Этот конфликт имеет следствием не только неврозы, но и совершение преступлений.

К биологическим теориям относится и клиническая криминология.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается, согласно теории дифференцированной связи, механизм формирования преступного поведения?
2. Какова социальная функция субкультуры?
3. Какие свойства существующей нормативной системы, по теории нейтрализации, используют правонарушители для оправдания своего поведения?
4. Какие существуют способы нейтрализации? Дайте их краткую характеристику.
5. В чем главное различие теории субкультур и теории нейтрализации?
6. В чем, по мнению Р. Мертона, источник преступного поведения?
7. Какие формы реакции на аномию могут реализоваться в преступном поведении?
8. Как процесс стигматизации влияет на первичную и рецидивную преступность?
9. Что является общим для биологических теорий преступности?
10. Из какого научного факта исходит хромосомная теория преступности?

Литература

1. Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965.
2. Иниаков С.М. Зарубежная криминология. М., 1997.
3. Криминологические исследования в мире. М., 1995.
4. Проблемы буржуазной криминологии. М., 1981.
5. Социология преступности (Современные буржуазные теории). М., 1966.
6. Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск, 1999.
8. Шнайдер Г. Криминология. М., 1994.
9. Шур Э. Наше преступное общество. М., 1977.
10. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985.

Глава 4

Преступность: природа, свойства, причины

Задача криминологии — изучение преступности, ее свойств и закономерностей, причин возникновения, существования и изменения. Преступность является специфическим предметом криминологии. Она тесно связана со всеми сторонами жизни общества, поэтому криминология обращается к анализу самых различных по характеру социальных явлений. Это предполагает необходимость тесного сотрудничества криминологов с представителями других общественных наук — статистиками, экономистами, социологами и др.

4.1. Понятие, природа и свойства преступности

Существует два взгляда на происхождение преступности: одни криминологи полагают, что она имеет биологическую природу, другие — что социальную. В отечественной криминологии общепризнано, что по своей природе и характеру преступность — социальное явление. Она социальна не только потому, что имеет социальное значение. Социальное значение могут иметь и биологические по природе явления, например, смерть человека, особенно влиятельного и знаменитого. Преступность социальна потому, что возможна только в человеческом обществе. Ч. Ломброзо, например, считал, что преступность существует и в природе: животные также убивают, насилюют и т.д.

Ни одно человеческое деяние само по себе, даже убийство, на основании лишь его внешних объективных характеристик не может быть признано преступным. Оно становится таковым исключительно в результате социальной оценки, которая всегда относительна и зависит от конкретных социальных условий.

В понятии преступности как социального явления отражается то обстоятельство, что она несводима к сумме преступлений, что преступность — это другое социальное качество по сравнению с преступлением, она имеет свои особые свойства, не присущие отдельным преступлениям.

Преступность — массовое, относительно устойчивое, социально обусловленное, исторически изменчивое, общественно опасное социально-правовое явление, выражающееся во множестве совершаемых преступлений. Поскольку в этом определении отражаются признаки объекта, из него можно выделить основные свойства преступности.

Свойство массовости означает, что это явление имеет статистическую природу, т.е. закономерности функционирования явления в

целом не выводимы из закономерностей поведения отдельных его элементов.

Устойчивость преступности проявляется в том, что она существует во всех общественных формациях, кроме первобытнообщинной, что в рамках одного общества она относительно стабильна по основным показателям (вспомним, что говорил об этом А. Кетле).

Социальная обусловленность означает, что причины возникновения, существования и изменения преступности имеют социальный характер, что преступность порождается самим обществом.

Историческая изменчивость проявляется в том, что разным историческим периодам в развитии общества соответствует свой тип преступности. Меняется правовая оценка деяний (например, богохульство, спекуляция), появляются новые виды преступлений (автотранспортные, компьютерные). Об эволюции права и преступности весьма образно сказал К. Маркс: «В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот».

Общественная опасность подразумевает, что преступность наносит вред общественным отношениям, отрицательно сказывается на развитии общества.

Характеристика преступности как социально-правового явления означает, что оно относится к определенной области социальных явлений. Существуют также явления социально-экономические, социально-политические, социально-культурные и т.д.

Некоторые криминологи (Г.А. Аванесов, С.Е. Вицин) считают, что преступность обладает и таким свойством, как системность (или целостность). Преступность — не просто социальное явление, а явление, представляющее собой систему, в которой все элементы объединены определенными связями и отношениями, в результате чего и само явление приобретает новые качества, не имеющиеся у отдельных элементов.

Эта точка зрения в настоящее время не является общепризнанной. Многие криминологи считают, что пока можно говорить о том, что преступность обладает лишь некоторыми признаками системы. Но независимо от того, является ли в действительности преступность системой или нет, при ее изучении может применяться системный подход.

Из сравнения свойств преступления и преступности можно выявить различия между этими явлениями. Из таких признаков преступления, как общественная опасность, уголовная противоправность, виновность, наказуемость, только один признак, а именно общественная опасность, присущ и преступности.

Но содержание и характеристика этого общего признака различаются. Так, последствия преступления (для материальных составов) включают в себя только прямой, непосредственный вред, охватывае-

мый умыслом виновного, поскольку уголовное право отрицает принцип объективного вменения. Общественная опасность преступности включает в себя весь материальный и моральный вред, причиненный обществу. Общественная опасность преступности не сводится к сумме общественной опасности отдельных преступлений. Общественная опасность преступности заключается и в том, что способна к самовоспроизводству.

На это обратил внимание еще Э. Ферри в работе «Уголовная социология»: «Некоторые преступления постоянно сопровождаются другими придаточными преступлениями, которые сначала являются последствием, а затем, в свою очередь, становятся стимулом для совершения преступлений того рода, которыми они были вызваны. Так, с учащением краж учащается покупка краденого, укрывательство, с учащением убийств и нанесений ран — ношение запрещенного оружия». Кроме того, самим фактом своего существования преступность заражает, вовлекает в преступную деятельность неустойчивых лиц, а у правопослушных граждан вызывает чувство неуверенности и страха.

К социальным последствиям преступности относят и то, что общество вынуждено создавать и содержать специальный аппарат для борьбы с преступностью, тратя на это значительные средства.

Преступность — явление закономерное, а отдельное преступление — случайное, оно могло произойти, а могло и не произойти. Конечно, отдельное преступление случайно только по отношению к преступности как целому. Взятое само по себе, оно также не случайно и причинно обусловлено.

4.2. Основные показатели преступности

Преступность как социальное явление обладает определенными качественными и количественными характеристиками, которые статистически отражаются в показателях. К количественным показателям относятся состояние, уровень и динамика преступности, к качественным — ее структура и характер.

Некоторые криминологи (Н.А. Стручков, Г.И. Забрянский) под состоянием понимают комплексную характеристику преступности, статистически выражающуюся в показателях уровня и структуры. В криминологии нет устоявшейся и общепринятой терминологии, и у разных авторов можно встретить различные интерпретации одного и того же показателя.

Состояние преступности — это число совершенных преступлений (и лиц, их совершивших) на определенной территории за определенный промежуток времени. Этот показатель выражается в абсолютных цифрах, например: «В городе N в 1990 г. совершено 10 тыс. преступлений».

Состояние преступности в России характеризуют нижеприведенные данные. За точку отсчета взят 1980 г., когда преступность преодолела психологически важный рубеж: число зарегистрированных преступлений превысило 1 млн.

Таблица 4.1. Состояние преступности в России

<i>Год</i>	<i>Количество преступлений</i>	<i>Год</i>	<i>Количество преступлений</i>
1980	1028 284	1992	2760 652
1981	1087 908	1993	2799 614
1982	1128 558	1994	2632 708
1983	1398 239	1995	2755 669
1984	1402 694	1996	2625 081
1985	1416 935	1997	2397 311
1986	1338 424	1998	2581 940
1987	1185 914	1999	3001 748
1988	1220 361	2000	2952 367
1989	1619 181	2001	2968 255
1990	1839 451	2002	2526 305
1991	2167 964	2003	2756 398

Показатель состояния, взятый сам по себе, не позволяет оценить, велика или мала преступность, сравнить данные во времени или по территориям.

Подобное сравнение можно произвести с помощью такого показателя, как уровень преступности — отношение числа преступлений к количеству населения. Если показатель состояния дает нам просто количество совершенных преступлений, то показатель уровня — количество преступлений, приходящихся на душу населения.

Уровень преступности выражается относительным числом, называемым коэффициентом преступности ($K_{пр}$), и рассчитывается на 100 тыс. населения (в малонаселенных регионах коэффициент может рассчитываться на 10 тыс. или на 1 тыс. населения) по формуле

$$K_{пр} = П \times 100\ 000: Н,$$

где П — количество преступлений;

Н — количество населения данной территории.

В 2003 г. в России коэффициент преступности составил 1926,2. Более точен коэффициент преступности, рассчитанный не ко всему населению, а к населению с возраста наступления уголовной ответственности (в 2003 г. он составил 2253,5).

Можно рассчитать коэффициент преступности для отдельных социальных групп (женщин, несовершеннолетних), который пока-

зывает степень пораженности преступностью этой социальной группы. Могут быть выявлены (рассчитаны коэффициенты) и дополнительные показатели. Так, показатель преступной активности какой-либо социальной группы (коэффициент) рассчитывается путем деления доли преступников из исследуемой группы в общей массе преступников на долю этой социальной группы в населении в целом.

К количественным показателям также относится такой показатель, как динамика преступности. Динамика преступности дает представление об изменении преступности во времени и выражается в темпах прироста (снижения). Темп прироста вычисляется в процентах и показывает, насколько увеличился (уменьшился) определенный показатель в данный промежуток времени по сравнению с базовым. Сравнение может идти с каким-то определенным годом (неподвижная база) или с предыдущим (подвижная база). Так, темпы прироста зарегистрированных преступлений к 1985 г. (неподвижная база) составили: в 1999 г. — 111,8, в 2000 г. — 108,4, в 2001 г. — 109,5, в 2002 г. — 78,3 и в 2003 г. — 94,5.

Структура преступности — это ее строение, определяемое соотношением долей различных видов преступлений во всей преступности, выделенных по уголовно-правовым или криминологическим признакам.

На изменение структуры преступности влияют как внешние факторы (причины и условия), так и характер действующего законодательства (криминализация — декриминализация). Любой объект обладает множеством связей и отношений, и, соответственно, в нем может быть выявлено множество структур.

Преступность может быть структурирована по разным признакам, и поэтому неправильно говорить о существовании какой-то одной структуры преступности или о каком-то определенном фиксированном количестве структур. В зависимости от цели исследования преступность может быть разделена по следующим признакам: тяжести преступления, повторности, форме вины, объекту посягательства и т.д. Структура преступности не искусственно конструируется исследователем, а имеет основание в действительности.

Через структуру преступности выявляется ее характер: сравнение по какому-либо признаку определенных видов преступлений во всей преступности или сравнение по какому-либо признаку всей преступности во временном или пространственном отношении. Говорят, например, что преступность стала более тяжелой по своему характеру, что характер рецидивной преступности более корыстный по сравнению с первичной. Характер преступности в зависимости от выбранного критерия может определяться различным способом.

Анализ и оценка преступности будут объективными и достоверными только при использовании комплекса показателей. Но в любом случае ее адекватная оценка существенно затрудняется как наличием разных систем регистрации и учета в органах МВД России и в органах юстиции, их несовершенством, так и существованием латентной преступности.

4.3. Латентная преступность

Зарегистрированная, или официальная, преступность не отражает действительного положения, поскольку не обо всех совершенных преступлениях становится известно. Совокупность преступлений, не ставших известными правоохранительным органам и (или) не нашедших отражения в уголовной статистике, называется *латентной* (или скрытой, неявной) преступностью.

Очень часто соотношение зарегистрированной и латентной преступности образно сравнивают с надводной и подводной частями айсберга. По разным оценкам, подводная (латентная) часть превышает надводную в 4—7 раз.

Различают три вида латентности: 1) естественную; 2) искусственную; 3) пограничную (промежуточную). К *естественной латентности* относятся случаи, когда потерпевшие (и иные лица) по каким-либо причинам не сообщают в компетентные органы о совершенном преступлении.

По данным исследований, основными мотивами не обращения в милицию являются:

- недоверие к правоохранительным органам, критическая оценка их способности найти и наказать преступника;
- неправильная квалификация совершенного посягательства как не преступного или незначительность понесенного ущерба;
- боязнь огласки или мести со стороны преступников или их соучастников.

К этой категории можно отнести и так называемую легальную латентность (по делам частного обвинения).

К *искусственной латентности* относятся случаи, когда компетентный орган (должностное лицо) по каким-либо причинам не регистрирует ставший ему известным факт преступления (укрывательство преступлений). Сюда же можно отнести и так называемую формально учтенную латентность, т.е. те случаи, когда заявление потерпевшего регистрируется, но по нему уголовное дело не возбуждается, а оформляется отказной материал.

К *пограничной латентности* относятся случаи, когда должностное лицо добросовестно заблуждается при правовой оценке собы-

тия: нередко трудно выяснить, явился ли, например, пожар поджогом или несчастным случаем.

Латентная преступность складывается из двух частей: 1) текущая латентность, т.е. преступления, совершенные в данном отчетном периоде и не нашедшие отражение в официальной статистике; 2) кумулятивная латентность, т.е. преступления, совершенные ранее и до сих пор не зарегистрированные (в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности).

Разные виды преступлений отличаются по степени латентности. Так, убийство имеет гораздо меньшую степень латентности (низколатентно), чем дача взятки.

Коэффициент латентности преступления рассчитывается путем деления количества всех совершенных преступлений данного вида (оценочная величина) на число зарегистрированных.

Не следует путать латентные и нераскрытые преступления: раскрытым или нераскрытым может быть только зарегистрированное преступление.

Иногда причину существования латентной преступности видят только в плохой работе уголовной юстиции. Это, конечно, имеет место, но не является определяющим. Латентность — неотъемлемая характеристика преступности.

Существование латентной преступности влечет ряд неблагоприятных последствий:

- не соблюдается принцип неотвратимости наказания, что порождает мнение о безнаказанности преступников и стимулирует противоправное поведение иных лиц;
- подрывается доверие населения к правоохранительным органам и органам власти вообще;
- затрудняется выявление причин и условий совершаемых преступлений, искажается реальное представление о существующей преступности, что затрудняет возможности прогнозирования преступности и разработки мер по ее предупреждению.

Объективной основой для познания латентной преступности служит то обстоятельство, что ее «скрытность» имеет не абсолютный, а относительный характер. О том, что скрытый характер латентной преступности не является непреодолимым препятствием для ее исследования, а значит, изучения характеристик преступности в целом, свидетельствуют следующие моменты. Во-первых, факт совершения преступления скрыт от официальных органов, но известен потерпевшим, свидетелям, не говоря уже о самих преступниках, их родственниках и знакомых. Во-вторых, объективные социальные факторы одинаково действуют на преступность независимо от того, является ли она зарегистрированной или латентной.

В-третьих, при невозможности прямых методов изучения можно использовать косвенные.

К *методам изучения* латентной преступности относятся:

- экстраполяция — перенесение характеристик учтенной преступности на латентную; моделирование — учтенную преступность рассматривают в качестве модели латентной;
- экспертные оценки — изучение мнения компетентных специалистов (часто применяется при изучении искусственной латентности);
- виктимологический метод — опрос потерпевших и потенциальных жертв преступлений;
- косвенное наблюдение — изучение материалов бюро судебно-медицинских экспертиз, регистрационных книг больниц и травмопунктов, документов страховых компаний;
- метод выборки — зарегистрированную преступность можно рассматривать как выборочную совокупность по отношению к преступности в целом (генеральная совокупность) и переносить характеристики выборки и на латентную преступность, и на преступность в целом.

Последний метод достаточно часто используется, но его недостаток в том, что он отвлекается от того обстоятельства, что преступления различаются по степени латентности и поэтому структуры выборочной и генеральной совокупностей не могут в принципе совпасть.

4.4. Причинность в философии и криминологии

Причинная связь (причинность) — одна из форм объективной связи явлений, при которой одно явление (причина) порождает другое (следствие). Суть причинного действия состоит в переносе вещества, энергии или информации с одной вещи (причины) на другую (следствие). В социальной сфере преобладает информационная форма причинности. Причинности присущи такие свойства, как объективность, всеобщность, необратимость, пространственная и временная непрерывность, по своему характеру она является генетической (порождающей, производящей). Причина всегда предшествует следствию.

Среди других видов связи наиболее близка к причинности функциональная связь, т.е. когда с изменением одного параметра определенным образом меняется другой (например, радиус и площадь круга), и связь состояний, т.е. отношение различных состояний одной и той же вещи (лед, жидкость, пар как состояния воды). Научное исследование стремится от познания функциональной связи

и связи состояний прийти к познанию причинной связи, так как именно она раскрывает механизм возникновения и развития явлений. Причинное объяснение наиболее ценно с практической точки зрения. Оно не только позволяет прогнозировать изменение явления, но и показывает возможности воздействия на процесс этого изменения.

Причина порождает следствие не сама по себе, а во взаимодействии с определенными условиями. Условия не порождают следствия, но влияют на способ действия причины и тем самым на некоторые характеристики следствия. Причины и условия часто называют факторами, или детерминантами.

Поскольку следствие наступает только при совокупном воздействии причины и условий, то возникает вопрос: в чем их различие? Объективным критерием различия причин и условий служит генетический характер причинной связи: вещество, энергию или информацию переносит причина, а условие способствует или препятствует такому переносу. Причем в крайних случаях условие может полностью блокировать наступление следствия и в этом отношении стать причиной. Но — и это очень важно — не причиной наступления следствия, а причиной его ненаступления. Так, открытая дверь способствует краже, закрытая — препятствует, но не остановит подготовленного вора. Однако некоторые современные средства защиты лишают самого квалифицированного преступника физической возможности проникнуть в жилище. Эти свойства причин и условий учитываются при предупреждении преступлений: деятельность субъектов профилактики, исходя из практической целесообразности, в одних случаях направляется на причины, в других — на условия преступлений.

В философии существует точка зрения, в принципе отрицающая отличие причин и условий (кондиционализм): причина есть сумма всех условий, которые равнозначны, ибо равно необходимы для наступления следствия. В криминологии на кондиционализме основывается «теория множественности факторов», понимающая под причиной преступления совокупность любых обстоятельств (факторов), влияющих на его совершение.

В свое время, на раннем этапе развития криминологии, теория факторов сыграла положительную роль, способствовала систематизации обширного эмпирического материала, обеспечивала сравнимость результатов разных исследований. Но описательный этап развития науки закончился, и в настоящее время эта теория как методологическая основа криминологических исследований устарела. Хотя и сейчас можно встретить утверждения о равнозначности таких факторов, как плотность населения, нищета, физический тип, жилищные условия, развитие эндокринных желез, продажа комиксов и т.д.

Теория факторов достаточно уязвима как с теоретической, так и с практической точки зрения. С теоретической потому, что выявление причин подменяется вычислением коэффициентов корреляции (тесноты связи) между отдельными факторами и преступностью. Но наличие корреляции между явлениями еще не говорит о причинной связи между ними. Не всегда свидетельствуют о причинной связи и статистические данные, полученные методом индуктивного обобщения. Так, из того, что 99% убийц ели огурцы, не следует, что потребление огурцов способствует убийствам.

С практической точки зрения применять эту теорию нецелесообразно потому, что, не давая критерия различия случайного и необходимого, главного и второстепенного, она не указывает главных направлений, на которых нужно концентрировать силы и средства. А учесть все обстоятельства, так или иначе влияющие на преступность, трудно даже в теории.

Но, говоря о различии причин и условий, следует помнить, что это различие относительно, оно устанавливается только на одном уровне, в одном отношении, для одной конкретной связи. В разных отношениях, на разных уровнях одно и то же явление может быть и причиной, и условием. Так, дефицит товаров при социализме считался причиной хищений в целом, в отношении отдельного хищения он рассматривался как условие. Или алкоголизм рассматривался как условие корыстно-насильственных преступлений в целом, но может быть причиной конкретного грабежа (с целью добычи средств на спиртное).

Объективная закономерная связь между причиной и следствием также может быть различной по своему характеру: динамической или статистической. Динамические (однозначные, жестко детерминированные) закономерности действуют в отношении любого явления определенного класса. Так, закон всемирного тяготения действует в отношении любых материальных тел. Статистические, вероятностные закономерности действуют в отношении всего класса явлений как законы-тенденции, не распространяясь на каждое явление данного класса.

Криминология имеет дело в основном со статистическими закономерностями. Поскольку многие социальные системы представляют собой системы с управлением, то криминологическая причинность включает в себя понятие не только прямой, но и обратной связи: следствие может как усиливать воздействие причины (положительная обратная связь), так и ослаблять ее (отрицательная связь).

Иногда говорят, что общей причиной преступности являются социальные противоречия. Противоречия являются движущей силой любого развития, но способы разрешения противоречий могут быть различны. Так, часто упоминаемое противоречие между по-

требностями и возможностями их удовлетворения не обязательно разрешается противоправным способом. Напротив, большинство людей разрешают это противоречие законным образом — путем поиска высокооплачиваемой работы, дополнительного заработка и т.д. К собственно причинам и условиям преступности относятся те факторы, которые обусловили именно противоправный способ удовлетворения потребностей.

Противоречия, конечно, связаны с преступностью, но эта связь не причинная, а более сложная, опосредуемая множеством социальных факторов. Любое социальное явление противоречиво, имеет положительную и отрицательную стороны.

4.5. Классификация причин и условий преступности

В криминологии часто вместо понятия «причины и условия преступности» употребляют синонимичные термины «криминогенные факторы (факторы преступности)», «криминогенные детерминанты».

Поскольку причины и условия преступности весьма многообразны, то предпринимались различные попытки по их систематизации и классификации. Классификация может производиться по различным основаниям. В теории факторов криминогенные детерминанты классифицировались по их происхождению на индивидуальные (антропологические), социальные и физические.

По характеру криминогенные факторы делят на объективные и субъективные. К первым относят такие, которые в настоящее время не поддаются непосредственному устранению, например уровень надежности техники. Их профилактика связана с нейтрализацией, блокированием и т.д. К субъективным обычно относят разного рода недостатки, которые могут быть устранены. Это недостатки в деятельности правоохранительных органов, плохой учет материальных ценностей, недостатки воспитания в семье и т.д.

По глубине действия причины и условия подразделяют на коренные и некоренные, главные и неглавные (или на причины первого порядка и причины второго порядка). К коренным относятся те причины, которые оказывают воздействие на все стороны жизни общества и могут быть устранены только путем его трансформации.

В советской криминологии была принята такая схема главных причин существования преступности при социализме: а) историческая обусловленность социальных явлений, или социальное наследование (преступность пришла из капитализма); б) действие объективного закона отставания сознания от бытия (пережитки прошлого в сознании людей); в) наличие и влияние антагонистической форма-

ции (капитализма). Недостатком такой схемы является ее предельно общий характер, настолько общий, что она применима к объяснению существования преступности в любой формации, в том числе при капитализме. Исходя из нее, буржуазный криминолог может заключить, что:

- а) преступность пришла из феодализма;
- б) еще не изжиты пережитки феодального сознания;
- в) капитализм испытывает подрывное влияние социализма.

Кроме того, подобная схема в конечном счете основывается на предположении об отсутствии внутренних социальных причин преступности при социализме. И если одни советские криминологи (И.С. Ной) вообще отрицали существование при социализме социальных причин преступности, то в данном случае такие причины просто выносились вовне.

По полноте учета всех обстоятельств причины классифицируют на полные и специфические (ближайшие, непосредственные). Полная причина — это совокупность всех обстоятельств, вызывающих следствие. Специфическая — это и есть собственно причина, это одно обстоятельство из всей совокупности, которое генетически связано со следствием. Такая классификация наиболее близка к кондиционализму, но не тождественна ему, поскольку в ней не стираются различия между причиной и условиями.

Есть классификация, исходящая из комплексного характера предмета криминологии и разделяющая криминогенные факторы по уровням действия. Эта классификация подразделяет причины на три иерархических уровня: 1) причины преступности как социального явления в целом; 2) причины видов преступности; 3) причины конкретных преступлений.

В соответствии с качественным различием этих уровней качественно различается и характер детерминации: для преступности это социально-экономический, для видов преступности — социально-психологический, для отдельного преступления — нравственно-психологический (личностный). Более высокий уровень детерминант выступает для низшего в качестве возможного (как условие проявления). Действительное (явление низшего уровня) прямо из него вывести нельзя. Хотя причины на всех уровнях разнопорядковые, все они имеют социальную природу.

Иерархическую связь причин можно проследить на следующем условном примере. Безработица рассматривается в качестве общей социальной причины как преступности, так и других негативных социальных явлений — пьянства, самоубийств, распада семей. Но безработица оказывает различное воздействие на разные социальные группы. Безработица отрицательнее всего сказывается на молодежи (низкая квалификация, отсутствие побочных заработков, социальная

незрелость и т.д.). Молодежь в силу ее социально-психологических особенностей склонна объединяться в группы. Незанятость, наличие большого количества свободного времени приводят к тому, что для них участие в делах группы становится основной формой деятельности.

Природа не терпит пустоты, и группа, не имеющая социально полезной цели, всегда находит другую цель — она может трансформироваться в шайку. Шайка может промышлять кражами, угонами автомобилей и т.д. Но не всякий безработный попадает в шайку, и не все члены шайек совершают преступление. Это зависит и от личных качеств человека (отсутствие трудолюбия, желание быстро и «легко» заработать, степень конформности и т.д.). Так, социально-экономические факторы взаимодействуют с социально-психологическими, социально-психологические — с личностными, и таким образом замыкается цепь причин.

В зарубежной и отечественной криминологии существует точка зрения, что нет каких-то особых, специфических причин и условий преступности, поскольку она есть крайняя форма отклоняющегося (девиантного) поведения. Есть общие причины отклоняющегося поведения, а какую форму примет социальное отклонение — зависит от конкретных обстоятельств. Так, человек, потерявший работу (фактор безработицы), может покончить жизнь самоубийством, или может стать алкоголиком, или может стать преступником.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается социальная природа преступности?
2. Какими свойствами обладает преступность как социальное явление?
3. В чем различие таких явлений, как преступление и преступность?
4. Каковы количественные и качественные показатели преступности?
5. В чем недостаток такого показателя, как «состояние преступности»?
6. Что такое латентная преступность и какие ее виды существуют?
7. Каковы методы изучения латентной преступности?
8. В чем заключается различие причин и условий для преступлений?
9. В чем недостаток «теории факторов» для объяснения причин преступности?
10. Какие существуют классификации причин и условий для преступности?

Литература

1. *Горяинов К.К., Исиченко А.П.* Латентная преступность. М., 1994.
2. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.
3. *Коган В.М.* Социальные свойства преступности. М., 1977.
4. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. М., 1968.
5. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969.
6. *Курс советской криминологии.* М., 1985. Т. 1.
7. *Латентная преступность: познание, политика, стратегия.* М., 1993.
8. *Ли Д.А.* Преступность как социальное явление. М., 1997.
9. *Лунеев В.В.* Преступность века: мировой криминологический анализ. М., 1997.
10. *Лунев В.В.* Юридическая статистика. М., 1999.
11. *Новиченко А.С.* Методологические основы познания преступности. М., 1991.
12. *Стручков Н.А.* Преступность как социальное явление. Л., 1979.

Глава 5

Личность преступника и жертва преступления

Личность преступника является одним из элементов предмета криминологии, и это показывает, какое значение придает криминология личностному фактору для понимания причин преступного поведения. При изучении личности преступника и причин преступного поведения в криминологии можно выделить два противоположных подхода: 1) вульгарно-социологический (бихевиористский), который всякую активность личности сводит к схеме «внешний стимул—реакция» (как говорят некоторые психологи, человек в этом случае предстает «большой белой крысой»); 2) ему противоположный, который, отрывая личность от социальной среды, причины преступного поведения находит в основном в индивидуальных особенностях личности, чаще всего биологического порядка.

5.1. Понятие «личность преступника»

Под личностью преступника понимается такая относительно устойчивая совокупность социальных свойств и отношений лица, совершившего преступление, которые во взаимодействии с внешними факторами обусловили его преступное поведение. В этом понятии говорится именно о личностных (т.е. не врожденных, а социально приобретенных) и криминологически значимых (т.е. как-то связанных с преступлением) свойствах.

Проблема личности преступника в криминологии весьма сложна и дискуссионна, а сложность проблемы предопределяет и существование разных точек зрения по этому вопросу. Сам термин «личность преступника» в криминологии является достаточно устоявшимся, и споры вызывают именно его содержание и сфера применимости.

Одни криминологи (Г.М. Резник, И.И. Карпец, А.М. Яковлев) считают, что нет никакой теоретической ценности или практической полезности в общем понятии «личность преступника». Все лица, совершившие преступление, имеют только одно общее свойство, притом юридического порядка, — каждый из них нарушил закон. А для этого достаточно традиционного и очень точного по своему содержанию понятия «субъект преступления». Хотя они не отрицают, что понятие «личность преступника» можно применять к отдельным категориям преступников — злостным, особо опасным, профессиональным и т.д.

Другие криминологи (Ю.М. Антонян, Н.С. Лейкина, В.Д. Филимонов), говоря о недостаточности понятия «субъект преступления» для целей криминологического анализа, подчеркивают необходимость изучения социально-демографических, уголовно-правовых, психологических и иных особенностей лиц, совершивших преступление, для понимания причин и механизма преступного поведения. В понятие «личность преступника» они включают не признаки субъекта преступления, которые имеют значение для определения оснований уголовной ответственности (определенный возраст и вменяемость), и не все многообразие свойств личности, а только криминологически значимые свойства — такие особенности личности, которые в совокупности с иными обстоятельствами обусловили совершение преступления.

Изучение личности преступника позволяет выявить свойства личности, которые должны быть объектом профилактического воздействия, а также социальные условия, которые сформировали эти свойства. Кроме того, «субъект преступления» — понятие уголовного права, оно используется для определения оснований уголовной ответственности. «Личность преступника» — криминологическое понятие, используется для изучения причин преступлений и выработки мер для их предупреждения.

Это формальное, хотя и весьма существенное, различие данных понятий. Из него проистекает и различие методов. Личность преступника изучается психологическими и социологическими методами: наблюдением, тестированием, монографическим (биографическим) опросом (осужденных, сотрудников правоохранительных органов), анализом первичной документации (изучение уголовных дел, заключений психологических и судебно-психиатрических экспертиз), сравнительным анализом (методика контрольных групп) и т.д.

Трудности определения общего понятия «личность преступника» достаточно очевидны. С одной стороны, включение в это понятие каких-то особых, присущих только преступникам, личностных свойств фактически ведет к морально-психологической форме ломброзианства. С другой — если оно характеризуется только одним признаком — виновность в совершении преступления, то нельзя разграничить понятие «личность преступника» с понятием «субъект преступления». Не случайно в вопросе об интервале существования личности преступника нет единодушия. Одни криминологи считают, что эта личность существует с момента совершения преступления и до отбытия наказания, другие — с момента осуждения и до момента исправления.

Среди сторонников личности преступника существуют разные трактовки содержания этого понятия. Одни рассматривают его как некоторую научную абстракцию, необходимую для теоретического

анализа, поскольку в этом понятии обобщаются реальные криминогенные качества, выявленные у отдельных преступников. Другие считают, что в понятии «личность преступника» отражается тот реальный факт, что преступникам присущи некоторые типичные черты, отличающие их от других людей, т.е. преступник — это специфический социальный тип личности.

В личности преступника многие криминологи пытаются выделить главный компонент, наиболее отчетливо выражающий ее социальное качество. Таковым качеством является состояние повышенной готовности (предрасположенности) к преступному поведению (Б.В. Волженкин, А.Б. Сахаров, В.Д. Филимонов). Для обозначения этой предрасположенности используются разные термины: «асоциальная направленность», «антиобщественная установка», «общественная опасность».

Такой подход, особенно понятие «общественная опасность» личности преступника, вызывает категорическое возражение некоторых криминологов (Ю.Д. Блувштейн, И.И. Карпец, А.М. Яковлев), поскольку это означает возврат к теории «опасного состояния», превентивному уголовному праву и подрывает режим законности.

Именно представление о преступнике как об особом социальном типе и вызывает в криминологии наибольшие споры. Как известно, эту проблему обозначил Ч. Ломброзо (и в этом его заслуга), но он рассматривал преступника как особый антропологический тип.

5.2. Структура личности преступника

Следует различать криминологическую характеристику преступника и структуру личности преступника, хотя эти понятия и взаимосвязаны. *Криминологическая характеристика* преступника представляет собой систему признаков, которые в совокупности характеризуют лицо, совершившее преступление, и прямо или косвенно связаны с его совершением. Эта характеристика, как правило, включает в себя:

- социально-демографические признаки — пол, возраст, образование, род занятий, семейное положение и т.д.;
- уголовно-правовые признаки — форма вины, повторность, соучастие и т.д.;
- социально-нравственные признаки — взгляды, убеждения, ценностные ориентации и т.д.;
- психофизиологические признаки — особенности эмоциональных, волевых и интеллектуальных качеств.

Личность — не набор отдельных, изолированных свойств, а система взаимосвязанных качеств, имеющая определенную структуру.

Структура личности преступника (она соответствует общей структуре личности) есть соотношение основных сфер (подструктур)

личности, формирующихся в деятельности и в ней же проявляющихся. Это три основные подструктуры: 1) потребностно-мотивационная; 2) ценностно-нормативная; 3) статусно-ролевая.

Потребностно-мотивационная подструктура. Основными ее элементами являются мотивы, потребности, интересы. Потребность — это состояние нуждаемости в чем-либо, некоторой нехватки чего-либо, которую организм пытается восполнить. Потребности являются источником человеческой активности. Мотив — это внутреннее побуждение к деятельности, направленной на удовлетворение потребности. Так, голод как мотив побуждает человека к поиску пищи (предмет потребности). Побуждения могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми (бессознательными), поэтому не бывает безмотивных преступлений, но есть преступления немотивированные, когда субъект не может объяснить (даже самому себе) побудительные мотивы своих действий.

Психологическое понятие «мотив» широко используется и в уголовном праве, и в криминологии. В уголовном праве мотив — это факультативный признак субъективной стороны, а по некоторым составам он является и предметом доказывания. В криминологии мотив — это то, что предшествует преступному деянию, а некоторые криминологи рассматривают мотив как субъективную причину преступления. Особенно часто потребности и мотивы привлекаются для объяснения таких разнородных преступлений, как преступления против собственности (корыстный мотив) и сексуального характера (сексуальная потребность).

Ценностно-нормативная подструктура. Основными ее элементами являются ценности, ценностные ориентации, взгляды, убеждения, нормы. В криминологии весьма распространена точка зрения, что у преступников в наибольшей степени деформирована именно эта сфера. Преступники могут различаться мотивами, интересами, социальными статусами и т.д., а общее у них одно — деформация ценностно-нормативной сферы.

Сам факт совершения преступления свидетельствует об этом. Поскольку отношение к ценностям и охраняющим их нормам в наиболее систематизированном виде выражается в правовом (и нравственном) сознании личности, то дефектность (искаженность) правосознания является достаточно достоверным индикатором деформации ценностно-нормативной сферы.

С этих позиций и вопрос о личности преступника можно сформулировать по-другому. Вопрос не в том, есть ли у преступников хоть одно какое-то особое свойство, которого нет у других людей (это не доказано и, возможно, недоказуемо), а в том, есть ли у всех преступников хоть одно общее свойство, не обязательно присущее только им. С высокой степенью вероятности можно предположить, что об-

щим свойством является искаженность правосознания, хотя его дефекты могут встречаться и у людей, не совершавших преступления.

Статусно-ролевая подструктура. Основные ее элементы — социальные статусы, роли, функции. Статус — это положение (позиция), которое занимает индивид (или группа) в социальной структуре и которое характеризуется определенными правами и обязанностями. Роль — это модель поведения, реализующая статусные предписания.

В уголовном праве статусно-ролевые характеристики учитываются и при квалификации преступлений (специальный субъект), и при назначении наказания (лишение права занимать определенные должности; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград). В криминологии статусы и роли имеют значение и для выделения видов преступности (преступность несовершеннолетних; должностная преступность), и для выявления причин и условий для преступлений.

Поскольку человек обладает множеством статусов и исполняет множество ролей, то возможна ситуация, при которой предписания и обязательства одного статуса (роли) вступают в противоречие с предписаниями другого статуса. Это называется статусно-ролевым конфликтом. Такой конфликт типичен, например, для осужденных в исправительных учреждениях. Или если вспомнить теорию нейтрализации, то один из приемов («обращение к более важным обязательствам») сводится к попытке оправдать свое поведение наличием именно такого конфликта.

Иными словами, структура показывает нам срез личности в трех аспектах: 1) психологическом; 2) социально-психологическом; 3) социологическом. В такой структуре нет биологического фактора. И это не случайно, поскольку личность — явление чисто социальное, социально детерминировано, и даже биологические потребности у человека социализированы.

Говорить о каком-то соотношении социального и биологического в личности, в том числе преступника (как это иногда делается), бессмысленно. Личностью не рождаются, ею становятся: человек рождается как организм, а формируется как личность. Личность — это мера социального в человеке. Но реально действует именно человек, а он — существо биосоциальное. Вопрос о соотношении социальных и биологических начал в человеке и его поведении, в том числе преступном, вполне правомерен и должен являться предметом криминологического исследования.

Влияние биологических, в том числе генетических, особенностей человека на его поведение несомненно. Личность формируется только на определенной биологической основе. Но вопрос заключается в том, могут ли причины специфически человеческого пове-

дения, которым, в частности, является преступное, иметь биологическую природу. Принципиальный ответ на него состоит в том, что если поведение человека определяется главным образом его биологическими, природными свойствами, то такое поведение не может быть признано преступным. За поступки, которые не поддаются контролю сознанием и волей человека, он не несет ответственности. Биологические особенности преступника могут рассматриваться лишь в качестве условий для преступления.

Воздействие биологического фактора на общее состояние преступности не может быть значительным и потому, что преступность непрерывно изменяется, а биологическая природа человека остается неизменной. И хотя объектом криминологического познания является человек в целом, для понимания причин преступного поведения ведущую роль играет изучение личности преступника.

5.3. Классификация преступников

Классификация есть разделение изучаемого множества объектов на классы по какому-либо признаку, называемому основанием классификации. При классификации необходимо соблюдать два обязательных условия: во-первых, основание должно быть одно и не меняться в процессе классификации; во-вторых, в классификации требуется представить все объекты изучаемого множества, а не какую-то их часть. Кроме того, криминологическая классификация, в том числе преступников, должна удовлетворять еще одному условию — способствовать познанию причин преступного поведения.

Любой признак криминологической характеристики преступника может быть основанием для классификации. Преступников можно разделить по признаку пола (мужчины и женщины), возраста (взрослые и несовершеннолетние), образованию и т.д. Такие классификации имеют важное научно-практическое значение, показывают степень распространенности того или иного признака среди преступников, но ничего не говорят о том, является ли этот признак существенным (типичным) для личности преступника. Поэтому криминологи пытаются построить классификации, разделяющие преступников на группы, существенно отличающиеся по своим характеристикам (такая классификация называется типологией).

Одна из первых классификаций преступников была предложена Э. Ферри: прирожденные, привычные, случайные, по страсти, душевнобольные. Наиболее распространена (в обыденной жизни и правоприменительной практике) классификация преступников на два полярных типа: «случайные» и «зlostные» (неисправимые). Еще в XIX в. Гриффитс, главный тюремный инспектор Англии, выступая на Женевском конгрессе по уголовной антропологии, предложил

этот принцип классификации: «Необходимо разделить преступников на две большие категории: тех, которые никогда не должны были бы входить в тюрьму, и тех, которые никогда не должны были бы выходить из нее. Для случайных преступников тюрьма бесполезна. Для привычных преступников тюрьма недостаточна».

Весьма популярна классификация, исходящая из мотива и способа действия: насильственный, корыстный и корыстно-насильственный тип преступника.

Распространенным основанием классификации является степень сформированности отрицательных личностных качеств преступника (степень их влияния на совершение преступления). А.Б. Сахаров выделяет пять типов: 1) случайный; 2) ситуационный; 3) неустойчивый; 4) злостный; 5) особо опасный.

А.Г. Ковалев выделяет три типа личности преступника по степени криминальной зараженности: 1) глобальный, с полной криминальной зараженностью; 2) парциальный, с частичной зараженностью; 3) предкриминальный, для которого характерно решающее влияние ситуации.

А.И. Долгова говорит о криминогенном типе личности и выделяет три его подтипа: 1) последовательно-криминогенный, со стойкой антиобщественной установкой (представители этого типа не только используют подходящую ситуацию, а активно «приспосабливают» ее для своих преступных целей); 2) ситуативно-криминогенный, с неустойчивой антиобщественной установкой (представители этого типа используют подходящую ситуацию, но редко создают ее сами); 3) ситуативный (представители этого типа совершают преступления под решающим влиянием ситуации).

Есть и более детальные классификации. Так, Ю.М. Антонян всех корыстных преступников на основе их мотивации и личностного смысла преступной деятельности разделяет на пять типов: 1) утверждающийся; 2) дезадаптивный; 3) алкогольный; 4) игровой; 5) семейный.

Теоретическое значение классификации заключается в том, что она является первым необходимым шагом по упорядочиванию эмпирического материала и его теоретическому осмыслению. Практическая значимость классификации преступников обусловлена тем, что, с одной стороны, система предупреждения преступлений не может ориентироваться на представление о преступниках как о некоей однородной массе, требующей одинаковых средств воздействия. С другой — практически нельзя учесть индивидуальную неповторимость каждого преступника, хотя, разумеется, в работе по перевоспитанию преступников всегда учитываются индивидуальные особенности. Необходимы определенные классификации преступников, решающие как диагностические, так и прогностические задачи.

5.4. Жертва преступления

Для более глубокого понимания причин преступного поведения криминология изучает не только лиц, совершивших преступление, но и потерпевших от них. Как уже указывалось, раздел криминологии, занимающийся изучением жертв преступлений, называется *виктимологией* (от лат. *victima* — жертва).

Виктимологическое понятие «жертва преступления» не тождественно уголовно-процессуальному понятию «потерпевший». Они не совпадают по объему (не всякая жертва признается потерпевшим и не всякий потерпевший является непосредственной жертвой, т.е. находившейся в контакте с преступником) и применяются в разных целях.

Виктимология изучает особенности личности и поведения жертв преступлений и их роли в механизме преступления, рассматривает криминологически значимые связи и отношения между преступником и жертвой, разрабатывает меры виктимологической профилактики. Возникновение виктимологии свидетельствует о развитии предмета криминологии.

В криминологии виктимологическая проблематика стала разрабатываться после выхода работ Б. Мендельсона (им был предложен и сам термин «виктимология») и монографии американского криминолога Г. фон Гентига «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности» (1948).

Виктимология исходит из того, что существует взаимодействие (интеракция) между преступником и жертвой, что жертва не пассивный объект воздействия, а она сама определенным образом направляет и обуславливает поведение преступника. Г. Гентиг, предлагая особое внимание уделять жертве, исходил из практического соображения: в большинстве случаев преступник скрывается, а жертва известна. При знании взаимосвязи между ними будет открыт новый подход к обнаружению причин преступлений, а возможности предупреждения преступлений существенно расширятся. Следовательно, для предупреждения преступлений имеет значение выявление не только факторов преступности, но и факторов виктимности.

В виктимологии повышенная способность (предрасположенность) в силу некоторых обстоятельств стать жертвой преступления называется *виктимностью*. Любой человек является потенциальной жертвой преступления. Но есть люди (и даже целые группы), которые чаще других становятся жертвами преступлений, т.е. обладают повышенной виктимностью. В зависимости от характера этих обстоятельств, от того, что определяет эту предрасположенность, различают три вида виктимности: 1) индивидуальную (личностную); 2) ролевую (профессиональную); 3) ситуативную.

Индивидуальная (личностная) виктимность. Виктимность обусловливается индивидуальными качествами (легкомыслие, вспыльчивость) или особенностями поведения (как аморального, так и правового).

Ролевая (профессиональная) виктимность. Виктимность обусловлена не особенностями личности, а характером социальной роли (сторож, таксист, инкассатор). Причем представители разных социальных (профессиональных) групп могут быть виктимными по отношению к разным видам преступных посягательств.

Ситуативная виктимность. В некоторых случаях сама ситуация, независимо от личности жертвы и ее социальной роли, может облегчить (спровоцировать) совершение преступления (темный безлюдный переулок, неохраняемая автостоянка).

Эти виды виктимности могут сочетаться, один вид может дополняться и усиливаться другим. Так, человек, постоянно злоупотребляющий спиртным, уснул вечером на скамейке в парке и был ограблен. Здесь налицо и индивидуальная (пьянство), и ситуативная (безлюдный парк) виктимность. Иногда трудно определить, какой вид преобладает, особенно в группах риска (проститутки, наркоманы).

В зависимости от того, какую роль играет жертва в механизме преступного поведения, виктимность (виктимное поведение) можно классифицировать на две формы — виновную и невиновную.

Виновная виктимность имеет место тогда, когда жертва провоцирует, способствует или облегчает совершение преступления (вина потерпевшего). Понятие вины потерпевшего употребляется не в уголовно-правовом смысле как психическое отношение лица к содеянному, а в виктимологическом как характеристика (отрицательная) поведения потерпевшего. Поведение потерпевшего характеризует обстоятельства совершения преступления и относится к объективной стороне состава преступления; вина субъекта преступления относится к субъективной стороне состава преступления. В тех случаях, когда поведение потерпевшего является активным элементом ситуации, когда включено в психологический механизм преступления, то наличие вины потерпевшего может иметь уголовно-правовое значение.

Поведение потерпевшего может влиять и на квалификацию преступления (аффект, вызванный противоправными или аморальными действиями потерпевшего, — ст. 107 УК РФ; убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, — ст. 108), и на назначение наказания (противоправность или аморальность поведения потерпевшего является смягчающим наказанием обстоятельством — п. «з» ч. 1 ст. 61). Конечно, оценка поведения жертвы как провоцирующего исходит из общепринятых представлений, а не из представления об этом преступника. Преступник в

качестве провоцирующего может оценить любое обстоятельство (неодобрительный взгляд, короткая юбка и т.д.).

Но вина потерпевшего может выражаться не только в провоцирующем поведении, но и в излишней доверчивости (при мошенничестве), неосмотрительности (при краже личных вещей) и т.д. Хотя такое поведение и не имеет уголовно-правовой оценки, но рассматривается как виновное в виктимологическом смысле, поскольку облегчает преступнику совершение преступления. Понятие вины потерпевшего предполагает, что у жертвы (как и у преступника) есть свобода выбора: она могла предупредить, предотвратить, пресечь совершение преступления или вообще не поставить себя в опасность причинения вреда.

Жертва своим поведением может никак не способствовать совершению преступления (она пассивный элемент ситуации), но в силу каких-либо причин быть обременительным (подлежащим устранению) или удобным объектом для преступника (охранник, человек в беспомощном состоянии). Здесь имеет место случай невиновной виктимности. Чаще всего невиновностью характеризуется ролевая и ситуативная виктимность. Но опять же могут быть и пограничные случаи: жертва оценивает свое поведение как виновное, хотя оно таковым не является (и потому она не обращается в милицию). Или же преступник может сам создать виктимную ситуацию (приводит жертву в беспомощное состояние, чтобы потом совершить преступление).

Еще одно важнейшее понятие виктимологии — виктимизация. Виктимизация рассматривается в индивидуальном (единичном) и социальном (массовом) аспектах. В индивидуальном аспекте она означает процесс превращения лица в реальную жертву преступления. Содержанием этого процесса является или формирование индивидуальных виктимных качеств, или изменение социального статуса, или систематическое воспроизведение виктимной ситуации. В социальном аспекте виктимизация рассматривается и как процесс превращения социальной группы или общества в целом в «жертву» преступности, и как конечный результат этого процесса, как совокупный результат последствий преступности, который может быть измерен (число потерпевших, сумма понесенного ущерба и т.д.). Этот результат выражается индексом виктимизации.

Уровень виктимизации показывает степень риска стать жертвой преступления для представителей разных социальных групп и населения в целом и выражается коэффициентом виктимизации. Коэффициенты виктимизации могут быть рассчитаны и в отношении отдельных видов преступлений. При оценке и характеристике преступности необходимо учитывать и уровень виктимизации, и уровень преступности.

Во многих развитых странах регулярно проводятся национальные обзоры виктимизации (в США — с 1972 г.), а с 1989 г. — и международные (с 1992 г. в них участвует и наша страна). Обзоры виктимизации не только являются источником данных о латентной преступности, но и позволяют выявить готовность граждан заявлять об известных им преступлениях, оценить страх населения перед преступностью, а также степень удовлетворенности работой правоохранительных органов, т.е. определить эффективность работы правоохранительной системы. Как показывают результаты многочисленных опросов, большинство российских граждан, к сожалению, не доверяют милиции.

Основные направления виктимологической профилактики определяются характером обстоятельств, обуславливающих виктимизацию. В отношении индивидуальной виктимности — это беседы, лекции, психологический тренинг, информирование населения о наиболее распространенных приемах, используемых преступниками, о типичных виктимных ситуациях-ловушках. В последнее время стало много издаваться различных виктимологических рекомендаций и памяток: «Как защитить себя от преступника», «Как обезопасить свое жилище» и т.д.

В отношении ролевой виктимности — это обучение и тренировки, обеспечение физической защиты сотрудников и объектов, предоставление сотрудникам средств индивидуальной защиты и т.д. В отношении ситуативной виктимности — освещение дворов и подъездов, установка систем наблюдения и сигнализации, усиление патрульно-постовой службы и т.д.

Необходимым обеспечивающим компонентом профилактики является достоверная и полная информация о жертвах преступлений и нанесенном ущербе. К сожалению, официальная статистика содержит только сведения о причиненном материальном ущербе, о числе погибших, некоторые социально-демографические признаки потерпевших и мотивы совершенных преступлений.

За непродолжительное время проблема жертвы преступления превратилась из узконаучной в общесоциальную. Виктимологические исследования оказали огромное влияние на общественное мнение, уголовную политику государств, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Ведь практически во всех правовых системах традиционно основное внимание уделялось преступнику, а жертва оставалась на втором плане. (Да и сейчас, когда правозащитники говорят о правах человека, то чаще всего имеют в виду права обвиняемого, осужденного, а не потерпевшего.)

Многие государства приняли законы (например, в США — Билль о правах жертв, 1984 г.), разработали государственные программы по компенсации нанесенного жертвам преступлений ущер-

ба, создали специализированные органы по защите и социальной поддержке потерпевших от преступлений. В нашей стране Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» принят только 20 августа 2004 г., да и то в нем идет речь не о компенсации ущерба от преступления, а о компенсации за причиненный потерпевшему вред здоровью (единовременное пособие) в связи с его участием в уголовном судопроизводстве.

Международным сообществом разработаны и приняты основополагающие международно-правовые акты: Декларация ООН «Об основных принципах отправления правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью», 1985, Европейская конвенция «О государственной компенсации ущерба жертвам насильственных преступлений», 1984 г.

22 февраля отмечается Международный день поддержки жертв преступлений.

Возникло множество национальных общественных организаций, ставящих своей целью поддержку и социальную защиту жертв преступлений. В 1979 г. под эгидой ООН основано Всемирное виктимологическое общество (первый президент — Б. Мендельсон). В 1992 г. создана Российская ассоциация поддержки жертв преступлений (президент — В.Е. Квашис).

Контрольные вопросы

1. Какие две основные точки зрения существуют по вопросу о личности преступника?
2. В чем различие понятий «субъект преступления» и «личность преступника»?
3. Что относится к криминологической характеристике личности преступника?
4. Отличается ли структура личности преступника от структуры личности вообще?
5. Какие имеются критерии классификации преступников?
6. Что входит в содержание ценностно-нормативной сферы личности преступника?
7. Для чего разрабатываются классификации преступников?
8. От каких факторов зависит виктимность?
9. Дайте характеристику видов и форм виктимности.
10. Может ли ролевая виктимность быть виновной?
11. В чем состоит различие понятий «жертва» и «потерпевший»?
12. Как связаны виктимизация и преступность?

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Изучение личности преступника. М., 1982.
2. *Бабаяев М.М.* Социальные последствия преступности. М., 1982.
3. *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. Минск, 1983.
4. *Бурлаков В.Н.* Личность преступника как объект профилактической деятельности органов внутренних дел. СПб., 1995.
5. *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1977.
6. *Квашис В.Е.* Основы виктимологии. М., 1999.
7. *Курс советской криминологии.* М., 1985. Т. 1.
8. *Личность* преступника. М., 1975.
9. *Личность* преступника как объект психологического исследования. М., 1979.
10. *Ривман Д.В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975.
11. *Ривман Д.В.* Криминальная виктимология. СПб., 2002.
12. *Филимонов В.Д.* Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970.
13. *Франк Л.В.* Виктимность и виктимология. Душанбе, 1972.
14. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
15. *Черносвитов Е.В.* Пенитенциарная медицина. М., 2002.

Глава 6

Индивидуальное преступное поведение

В криминологии различают уголовно-правовое понятие «преступление» и криминологическое понятие «преступное поведение». Они различаются качественно и количественно. Понятие «преступление» как общественно опасное противоправное и виновное деяние» используется для определения оснований уголовной ответственности, понятие «преступное поведение» — для изучения причин и механизма преступления.

Изучение индивидуального преступного поведения тесно связано с проблемой личности преступника. Поскольку различаются понятия «преступление» и «преступное поведение», различаются и понятия «субъект преступления» и «субъект преступного поведения» («личность преступника»).

6.1. Понятие «преступное поведение»

Преступное поведение — процесс, развертывающийся в пространстве и во времени и включающий в себя не только сами действия, изменяющие внешнюю среду (акт преступления), но и предшествующие им психологические явления и процессы, детерминирующие эти действия. Конечно, само преступление также развертывается в пространстве и во времени, но в сравнении с масштабом предшествующих ему процессов может быть представлено как одномоментное событие. Криминологию интересует не столько сам преступный акт, сколько предшествующие ему обстоятельства: формирование мотивов, постановка целей, выбор средств и т.д. Подобные обстоятельства в процессе их формирования еще не образуют состава преступления, однако включаются в понятие «преступное поведение», которое охватывает как формирование преступного намерения, так и его осуществление.

В объяснении преступного поведения отечественная криминология отвергает дилемму «среда или личность» и исходит из принципа двухфакторной детерминации: преступное поведение детерминируется личностью и средой, оно есть результат взаимодействия личностных качеств и особенностей конкретной ситуации. Но принцип двухфакторной детерминации ничего не говорит о том, какие факторы являются определяющими в этом взаимодействии, что относится к причинам, а что к условиям.

В криминологии исходят из того, что поведение человека, в том числе преступное, причинно обусловлено, детерминировано. Но со-

вместимо ли такое понимание поведения с постулатом «свободы воли», служащим основой уголовной ответственности? Совместим ли криминологический принцип детерминизма с уголовно-правовым принципом свободы воли? В свое время Э. Ферри отверг принцип «свободы воли» как несовместимый с детерминистическим пониманием преступного поведения. Такой же точки зрения придерживаются и некоторые отечественные криминологи (А.М. Яковлев).

Если исходить не из волюнтаристского толкования свободы воли («что хочу, то и ворочу»), а из практического, трактующего свободу воли как свободу выбора, то можно показать совместимость этих принципов. Более того, без детерминизма обосновать ответственность на основе свободы воли невозможно: человек должен предвидеть последствия своих действий, чтобы отвечать за них. Лица, которые не в состоянии это делать, не несут ответственности (душевнобольные; лица, не достигшие определенного возраста). Индетерминизм (беспричинность) же фактически лишает выбор свободного характера, так как субъект, не зная последствий своего выбора, может действовать только случайно, наобум.

Свободный выбор не есть неограниченный произвол в силу того, что с философской точки зрения свобода заключается в познании необходимости и ее использовании для своих целей. Значит, изначально свободный выбор ограничен объективно и субъективно как необходимостью, так и возможностью ее познания и использования.

Свобода выбора ограничена тремя группами факторов:

1) самой необходимостью, включающей в себя набор объективно возможных в данной ситуации поступков. В каждой конкретной криминогенной ситуации набор правомерных вариантов поведения всегда конечен и чаще всего достаточно мал;

2) возможностью познания этой необходимости, включающей в себя способность субъекта адекватно оценить ситуацию, осознать общественную опасность своих действий и предвидеть их последствия. Эта возможность зависит от возрастных и психоинтеллектуальных особенностей субъекта (душевная болезнь, расстройство мыслительной деятельности и т.д.);

3) возможностью использования познанной необходимости для своих целей, включающей в себя оценку преступного варианта поведения как выгодного, целесообразного, допустимого. Эта возможность зависит от социальных качеств субъекта (взгляды, идеалы, ценностные ориентации и т.д.).

Возможные в данной ситуации варианты поведения не являются для субъекта равноценными. Они неравноценны как объективно (не каждый из них может привести к желаемому результату), так и субъективно (одна и та же возможность для разных людей имеет не-

одинаковые смысл и значение). Субъект поступает в соответствии со своими представлениями о ситуации, реагирует на нее в соответствии с особенностями своего характера и взглядов.

Свободный выбор ограничивается разными факторами, но что детерминирует сам выбор? Этот вопрос является ключевым для понимания причин индивидуального преступного поведения. Если выбор определяется факторами первой группы, т.е. внешней средой, то уголовная ответственность не наступает (крайняя необходимость, необходимая оборона, физическое принуждение), если второй группы (возрастные или биологические особенности субъекта) — то уголовная ответственность также не наступает в силу невменяемости субъекта.

И в первом, и во втором случаях детерминированность поведения присутствует, но отсутствует свобода выбора. Если выбор детерминируется факторами третьей группы, т.е. социальными свойствами субъекта, то можно говорить и о детерминированности поведения, и о свободе выбора, поскольку выбор варианта поведения на основе своих взглядов и убеждений является осознанным и добровольным.

Многие криминологи (А.И. Долгова, А.Р. Ратинов) источником преступного поведения считают ценностно-нормативную сферу личности. Деформация ценностно-нормативной сферы рассматривается ими в качестве специфической (ближайшей, непосредственной) причины преступного поведения. Но именно ближайшей, показывающей степень противоречия ценностей личности и общества, меру отчуждения личности от общества.

Однако указание на эту причину и ее изучение являются недостаточными. Необходимо дальнейшее изучение комплекса социальных условий, вызвавших отчуждение, т.е. необходимо познание «причины причин». С этой точки зрения особенности ситуации не могут быть причиной преступления, а являются только его условием. В уголовном праве элементы ситуации редко включаются в число обстоятельств, определяющих уголовную ответственность, а чаще относятся к смягчающим (или отягчающим) наказание обстоятельствам. То же можно сказать и о биологических особенностях индивида, которые, как и особенности ситуации, являются объективными, но, в отличие от них, постоянно действующими. Это верно и в отношении так называемых психических аномалий (разного рода психопатии, олигофрения и т.д.).

За последнее время было проведено немало исследований, которые установили, что среди преступников от 25 до 70% лиц (по разным данным) имеют психические аномалии. Казалось бы, можно сделать вывод о том, что преступления в основном совершают люди с аномалиями. Но это не совсем так (и разноречиво в данных исследований не случаен).

Во-первых, многие аномалии имеют не наследственный, а приобретенный характер, и очень часто социально-нравственную запущенность личности квалифицируют как психическую аномалию (особенно у подростков).

Во-вторых, обычно приводимые цифры об аномалиях являются не официальными данными психологических или судебно-психиатрических экспертиз, а данными выборочных исследований, проводимых по различным методикам. По данным последней специальной переписи осужденных (1999 г.), в исправительных учреждениях страдают психическими расстройствами 2,1% осужденных.

В-третьих, большинство исследований проводилось среди осужденных к лишению свободы. Но, как известно, условия мест лишения свободы являются мощным психотравмирующим фактором, отрицательно влияющим на психику человека. Обычные методики не позволяют выявить, когда возникли аномалии, до совершения преступления или после, в период отбывания наказания. Конечно, психические аномалии существенно влияют на поведение человека, поскольку осложняют процесс социализации (трудно дается учеба, сложно овладеть современной профессией и т.д.).

6.2. Механизм преступного поведения

Для криминологии важно не только «почему совершается преступление», т.е. причинный аспект, но и «как оно совершается» (инструментальный аспект). Для анализа этой проблемы выработано понятие «механизм преступного поведения». Структурно он состоит из трех последовательных внутренне связанных элементов (звеньев): 1) формирование решения (мотивация); 2) принятие решения (планирование, постановка целей и выбор средств); 3) исполнение решения (акт преступления). Эта схема применима к преднамеренным преступлениям. Для неосторожных, некоторых умышленных (совершенных в состоянии аффекта) преступлений механизм работает в «свернутом» виде, с пропуском некоторых элементов. Дефекты возможны в любом элементе механизма, и профилактическое вмешательство можно осуществить на любом этапе.

Особую роль играет первый элемент механизма (мотивация), и он чаще других привлекает пристальное внимание исследователей. Термин «мотивация» имеет два значения: 1) как совокупность мотивов; 2) как процесс формирования мотива. В данном случае он употребляется в обоих значениях. В криминологии проблема мотивации преступного поведения формулируется следующим образом: являются ли мотивы (и порождающие их потребности) внутренними субъективными причинами преступления? И, соответственно, должны ли мотивы и потребности быть объектом профилактического

го воздействия? По этой проблеме существуют две противоположные точки зрения.

Одни криминологи (У.С. Джекебаев, С.А. Тарарухин) считают, что существуют преступные мотивы и порождающие их преступные, извращенные потребности, которые являются причинами преступного поведения. Но чаще всего говорят не о преступных мотивах (это ведет к чрезмерной психологизации причин преступления), а о преступных, или антисоциальных, извращенных потребностях, являющихся источником этой мотивации: потребность в самоутверждении, потребность хулиганить и воровать, сексуальная потребность, эгоцентризм, потребность в алкоголе и т.д.

Логика здесь проста: все потребности подразделяют на два класса: 1) на низшие (или низменные, примитивные, физиологические, извращенные); 2) высшие (или духовные, творческие, моральные). В первых видят источник преступного поведения, во-вторых — правомерного. Многочисленные исследования показывают, что у преступников структура потребностей деформирована, в ней преобладают потребности материального характера.

Другие криминологи (А.Ф. Зелинский, А.М. Яковлев) считают, что мотивы и потребности как психические образования нейтральны в этическом плане, к ним неприменима социальная оценка. Даже такой классический «преступный» мотив, как корысть, взятый вне преступления, не может рассматриваться как антисоциальный. Ведь понятно, что удовлетворение потребности в материальных благах может осуществляться отнюдь не обязательно путем преступных действий. Кроме того, связь между потребностью и мотивом не является строго однозначной: одна потребность может порождать разные мотивы, а один мотив может быть вызван разными потребностями.

В психологии обычно выделяют три основные группы человеческих потребностей:

1) базисные, или органические, определяемые биологической природой человека: потребность в пище, тепле, сексуальная и т.д.;

2) социальные, определяемые социальной природой человека: потребность в общении, самоутверждении и т.д.;

3) духовные, или идеальные: потребность в труде, творчестве, нравственные.

В этой классификации нет места так называемым извращенным, преступным потребностям, и это не случайно: преступными (антисоциальными) являются не сами потребности, а средства их удовлетворения. И то, какое средство изберет в данный момент субъект, зависит не от потребности как таковой, а от особенностей его личности и характера ситуации, которая содержит определенный набор реальных возможностей удовлетворения этой потребности. Поэтому объектом профилактического воздействия (нейтрали-

зация, подавление и т.д.) являются не сами потребности, а социальные условия и особенности личности, которые сформировали анти-социальный характер средств удовлетворения потребности. А то, что называют в качестве антисоциальных потребностей, или вовсе не являются потребностями (потребность хулиганить, эгоцентризм), или не являются отрицательными (сексуальная потребность, потребность в самоутверждении).

С этой точки зрения и часто определяемые в качестве извращенных потребностей тяга к алкоголю и наркотикам не есть собственно потребности, их можно назвать псевдопотребностями. Они не относятся ни к органическим (отсутствуют у животных), ни к социальным, ни к духовным потребностям. Они возникают как следствие неудовлетворенности других потребностей — и социальных (отчуждение, непонимание, отвержение), и духовных (потеря смысла жизни, кризис веры, неразделенная любовь).

Они же выступают и как средства (или их заменители) удовлетворения других потребностей. Так, подросток начинает курить не потому, что испытывает потребность в никотине, а потому, что испытывает потребность в общении и признании со стороны группы: там все курят, это признак взрослости. Многие люди пьют не потому, что испытывают потребность в алкоголе, а соблюдая традиции или потому, что это (на их взгляд) облегчает общение. Конечно, возможны случаи, когда тяга к алкоголю и наркотикам действительно начинает детерминировать поведение: псевдопотребности становятся органическими. Но тогда меняется и природа явления, развивается болезнь, патология, требующая применения мер не криминалогического, а медицинского характера.

Всякий поведенческий акт обычно направлен на лучшее приспособление к среде, и преступление не составляет исключения. Но, с точки зрения общества, преступление обладает неадекватной адаптивной функцией. С позиции же субъекта оно выглядит как достигающее определенных необходимых целей — разрешить конфликтную ситуацию, улучшить материальное положение и т.д.

В такой неадекватности отражения социальной среды специфическим образом проявляются причины и условия преступного поведения. Изучение механизма преступного поведения не подменяет и не снимает проблему изучения его причин, а предполагает необходимость такого изучения.

Контрольные вопросы

1. Что такое преступное поведение?
2. В чем различие понятий «преступление» и «преступное поведение»?
3. В чем смысл принципа двуфакторной детерминации?

4. Чем ограничивается свобода выбора человека?
5. Почему решающую роль в детерминации преступного поведения играют социальные свойства субъекта?
6. Какова роль биологических особенностей субъекта в его преступном поведении?
7. Из каких элементов состоит механизм преступного поведения?
8. Какова специфика механизма неосторожных преступлений?
9. Могут ли человеческие потребности быть общественно опасными?
10. Какова роль «извращенных» потребностей в формировании преступного поведения?

Литература

1. *Антонян Ю.М., Бородин С.В.* Преступность и психические аномалии. М., 1998.
2. *Антонян Ю.М.* Причины преступного поведения. М., 1992.
3. *Волков Б.С.* Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975.
4. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика. Поведение. Ответственность. М., 1989.
5. *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991.
6. *Криминальная мотивация.* М., 1986.
7. *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998.
8. *Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного общества. М., 2002.
9. *Механизм преступного поведения.* М., 1981.
10. *Номоконов В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989.
11. *Яковлев А.М.* Индивидуальная профилактика преступного поведения. Горький, 1977.

Глава 7

Предупреждение (профилактика) преступлений

Изучение криминологией преступности и ее причин, механизма преступного поведения, личности преступника и потерпевшего, зарубежных теорий и опыта борьбы с преступностью — все это является необходимой теоретической базой для разработки общей теории предупреждения преступлений. Мы употребляем термин «предупреждение преступлений», а не «предупреждение преступности» потому, что предупредить (предотвратить) можно только отдельное конкретное преступление. Преступность как объективное социальное явление можно не «предупредить», а контролировать, воздействовать на нее различными мерами или, как часто пишут, бороться с ней. И лучший способ борьбы — предупреждение преступлений.

7.1. Предупреждение преступлений

Предупреждение преступлений — особый вид социальной деятельности. Она осуществляется путем нейтрализации или устранения криминогенных факторов, т.е. причин и условий совершения преступлений, или формирования (стимулирования) антикриминогенных факторов.

Чаше всего «предупреждение» и «профилактика» рассматриваются как синонимы, но некоторые авторы проводят различие между понятиями «предупреждение» и «профилактика» соответственно стадиям совершения преступления. С этой точки зрения предупреждение как более широкое понятие включает в себя профилактику (стадия формирования намерения), предотвращение (стадия приготовления), пресечение (стадия покушения).

Криминология разрабатывает общую теорию предупреждения преступлений, включающую в себя:

- направления и уровни предупредительной деятельности;
- социально-экономические и организационно-правовые основы ее осуществления;
- систему субъектов предупреждения и механизм их функционирования;
- планирование и организацию предупредительной деятельности;
- формы и методы предупреждения.

Проблема предупреждения преступлений в соответствии со спецификой объекта криминологии также исследуется на трех уровнях:

- 1) индивида — возможно предупреждение отдельных преступлений;
- 2) социальной группы, или региона, или отрасли — возможно предупреждение целых групп преступлений и видов преступности;
- 3) общества — возможно воздействие на преступность в целом.

Предупредительная деятельность на каждом уровне имеет свои особенности, различается характером и способами применяемых мер.

В деятельности по предупреждению преступлений выделяют две стороны — объект предупреждения, т.е. на что направлена эта деятельность, и субъект предупреждения, т.е. кто осуществляет эту деятельность. Общим объектом предупреждения являются причины и условия для преступлений, т.е. криминогенные социальные явления, негативные процессы в микросреде и сама личность. Часто можно встретить утверждение о том, что объектом предупреждения является преступление. Но здесь смешиваются объект и цель предупредительной деятельности. Воздействовать на преступление нельзя — оно уже произошло. Воздействовать можно только на обстоятельства, предшествовавшие преступлению и обусловившие его, т.е. на причины и условия.

Субъектом предупреждения являются государственные органы, общественные организации и отдельные граждане. Граждане осуществляют эту деятельность как непосредственно (воспитание в семье), так и через участие в соответствующих организациях. Сложность и многообразие предупредительной деятельности определяют и разнообразие субъектов этой деятельности, которые объединяются в сложную многоуровневую и многофункциональную систему. Входящие в нее субъекты можно различать по разным признакам.

По *характеру* функции различают субъекты специализированные, для которых функция предупреждения является основной или одной из основных (органы МВД России), и неспециализированные, для которых предупреждение является подчиненной, производной от главной функции (школа, семья). Можно выделить и частично специализированные субъекты (контрольно-ревизионные органы, нотариат), на которые функция предупреждения прямо не возлагается, но органично присуща их деятельности.

По *масштабу (уровню)* деятельности выделяют субъекты общегосударственные (совет министров), региональные и отраслевые (управление внутренних дел, орган финансового контроля), локальные (трудовой коллектив).

По *сферам деятельности*, или компетенции, различают субъекты правового регулирования и властного, государственно-правового управления:

- органы государственной власти в центре и регионах;
- субъекты планирования, управления и координации — министерства, службы, специализированные контролирующие органы;
- субъекты непосредственного осуществления предупредительной деятельности — службы и должностные лица правоохранительных и контролирующих органов, члены общественных организаций, отдельные граждане.

Предупредительная деятельность является объектом правового регулирования, которое осуществляется по двум направлениям. Первое состоит в воздействии с помощью правовых средств (частное определение суда) на криминогенные факторы с целью их устранения или нейтрализации. Второе — в закреплении прав и обязанностей субъектов предупредительной деятельности, установлении содержания и порядка осуществления профилактических мероприятий.

Все меры предупреждения по их содержанию разделяются на два основных вида: 1) общесоциальные; 2) специальные, т.е. *общесоциальная профилактика* и *специальная (криминологическая) профилактика*. Общесоциальные меры направлены не только и даже не столько на предупреждение преступлений, сколько на достижение иных социально полезных результатов. Но их осуществление позитивно сказывается на состоянии преступности. Это могут быть меры и общегосударственного уровня (например, программа создания новых рабочих мест), и отраслевого (внедрение новых технологий), и индивидуального (улучшение воспитательной работы в коллективе).

Криминологическая профилактика (специальные меры) имеет главной целью предупредить преступления. Эти меры также осуществляются на разных уровнях, и в зависимости от этого различают общую профилактику (цель воздействия — преступность), групповую профилактику (вид преступности) и индивидуальную профилактику (отдельное преступление). К мерам общей профилактики можно отнести принятие уголовного закона, к мерам групповой — установку противоугонных систем (для предупреждения угонов автотранспорта), к индивидуальной профилактике — профилактическую беседу.

Чаще всего, когда говорят об индивидуальной профилактике, в качестве объекта воздействия рассматривают личность и ее микросреду. Меры предупреждения могут быть обращены как к личности (беседа, постановка на профилактический учет), так и к ее социальному окружению (лишение родительских прав). В индивидуальной профилактике иногда выделяют две формы: непосредственную и раннюю профилактику. Первая проводится в отношении лица, которое уже совершило преступление или какие-либо серьезные

проступки, вторая — в отношении лиц, чье поведение только приобретает отрицательные черты (подросток перестал посещать школу).

Особым видом является виктимологическая профилактика, обращенная к потенциальным жертвам преступлений. Она широко используется для предупреждения неосторожных преступлений, в которых потерпевшие нередко играют провоцирующую роль. Так, изучение правил дорожного движения в детских садах и школах — ранняя виктимологическая профилактика автотранспортных преступлений.

Деятельность по предупреждению преступлений включает в себя не только непосредственную работу по проведению профилактических мероприятий. Ее необходимыми компонентами являются планирование, определяющее конкретные цели и сроки различных мероприятий и обеспечение ресурсами; координация, объединяющая деятельность субъектов, не связанных управленческой подчиненностью, с целью не допустить дублирование в работе и распыление сил. К таким обеспечивающим компонентам можно отнести прогнозирование преступности.

7.2. Криминологическое прогнозирование

С философской точки зрения прогнозирование — это вид «опережающего отражения». Прогнозирование можно рассматривать как разновидность предвидения или предсказания, которое может строиться как на научной, так и на псевдонаучной основе (астрология) и на простом угадывании. Научный прогноз есть научное предвидение, основывающееся на знании причинной связи прогнозируемого явления с другими явлениями, доступными наблюдению.

Криминологический прогноз — это вероятностное суждение (качественная или количественная оценка) о будущем состоянии преступности, изменении ее уровня, структуры, динамики. Объектом прогноза может быть преступность в целом, виды преступности и индивидуальное преступное поведение. Криминологический прогноз обеспечивает деятельность по предупреждению преступлений — в этом его практическое значение. Точный прогноз позволяет правильно планировать стратегию и тактику предупреждения преступлений, рационально использовать для этого имеющиеся силы и средства.

Криминологическое прогнозирование — это вид социального прогнозирования. Преступность обусловлена социальными процессами и вторична по отношению к ним. Криминологический прогноз также вторичен, он идет вслед за прогнозированием факторов, влияющих на преступность, как криминогенных, так и антикриминогенных. Причем следует учитывать, что в силу инерционности социальных процессов соответствующие изменения в преступности

могут запаздывать. Прогноз строится на учете не только внешних факторов, но и внутренних закономерностей функционирования преступности.

Достоверность прогноза зависит от качества и полноты исходной информации, правильного выбора учитываемых факторов (устойчивы они или изменчивы), глубины проникновения в сущность явлений. Прогноз всегда носит вероятностный характер. И это связано не столько с неполнотой наших знаний, несовершенством методик или недостоверностью статистического материала (что имеет место), а с тем, что сами социальные процессы имеют вероятностную (статистическую) природу.

Криминологическое прогнозирование не только допускает, но и предполагает наличие разных вариантов прогноза. Поскольку существует обратная информационная связь между прогнозом и конечными условиями прогнозируемого процесса, возможны самосбывающиеся и несбывающиеся прогнозы. Несбывшийся прогноз не всегда недостоверный. Именно на основании прогноза могли быть приняты определенные меры, чтобы прогнозируемое явление не наступило.

По срокам криминологические прогнозы классифицируют на краткосрочные (до года), среднесрочные (пять лет) и долгосрочные (10—20 лет). Долгосрочные прогнозы представляют для разработчиков наибольшую трудность, но они же наиболее важны в социально-экономическом плане.

Особым видом криминологического прогнозирования является индивидуальное прогнозирование, т.е. прогноз будущего поведения человека в определенный промежуток времени. Индивидуальный прогноз также является вероятностным и основывается на учете двух основных факторов: особенностей личности и специфики ее микросреды. Индивидуальное прогнозирование широко используется на практике: следствием (избрание меры пресечения), судом (выбор меры наказания), органами исполнения наказания (условно-досрочное освобождение). Разработка надежных методов индивидуального прогнозирования имеет большое практическое значение.

Основными методами криминологического прогнозирования являются экстраполяция, экспертные оценки, моделирование и социально-правовой эксперимент.

Контрольные вопросы

1. Что означает профилактика преступлений?
2. Что является объектом, а что — субъектом профилактики?
3. Что рассматривает общая теория предупреждения преступлений?
4. Какова система субъектов профилактики?

5. Как классифицируются меры предупреждения преступлений?
6. Что такое виктимологическая профилактика?
7. Что такое криминологический прогноз?
8. В чем заключается практическая значимость прогнозирования индивидуального поведения?
9. Какие методы используются в прогнозировании преступности?

Литература

1. *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990.
3. *Гаухман Л.Д.* Правовые основы предупреждения преступлений. М., 1990.
4. *Голоднюк М.Н., Зубкова В.И.* Предупреждение преступности. М., 1990.
5. *Закалюк А.П.* Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1996.
6. *Игошев К.Е., Шмаров И.В.* Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М., 1981.
7. *Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века.* М., 2000.
8. *Криминология и организация предупреждения преступлений.* М., 1995.
9. *Курс советской криминологии.* М., 1986. Т. 2.
10. *Полубинский В.И.* Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980.
11. *Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью.* М., 2002.
12. *Рябыкин Ф.К.* Криминология и предупреждение преступности. М., 1993.
13. *Токарев В.Ф.* Криминологическое прогнозирование и планирование предупреждения преступлений. М., 1990.

Глава 8

Виды преступности

В криминологии понятия «преступление» и «преступность» различаются. Отсюда следует, что должны различаться и понятия «вид преступлений» и «вид преступности». Но обычно в учебниках такое различие не проводится, и эти термины употребляют как синонимы; например, преступления, совершаемые женщинами, — это женская преступность. Но оценка состояния преступности, исходящая только из самих преступлений, является неполной.

В понятие «преступность» включаются не только преступления, но и лица, их совершившие, а также наступившие общественно опасные результаты. Это и дает критерий отличия вида преступности от вида преступлений. Но в некоторых случаях, например, при анализе статистических показателей преступности, эти понятия вполне могут употребляться как синонимы.

8.1. Классификация преступлений

Классификация преступлений может быть разной по характеру и целям и, как следствие, иметь различные основания (классификационные признаки). Уголовно-правовая классификация служит целям дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. Преступления классифицируются по степени тяжести, форме вины, объекту посягательства и т.д. Результатом уголовно-правовой классификации является выделение вида преступлений, т.е. группы однородных (относительно данного признака) преступлений. Любой признак состава преступления может быть основанием уголовно-правовой классификации.

Криминологическая классификация преступлений предназначена для обеспечения предупредительной деятельности, и в связи с этим она должна отражать причины и условия преступлений. Как основание криминологической классификации берется признак, который позволяет выделить преступления, объединяемые не только некоторыми общими уголовно-правовыми признаками, но и сходством криминогенных факторов, их детерминирующих.

Результатом криминологической классификации является выделение вида преступности, т.е. группы криминологически однородных (имеющих сходные причины и условия) преступлений. Криминологической классификацией считается деление преступности на преступность взрослых и несовершеннолетних, первичную и рецидивную и т.д. Чем детальнее классификация, тем более конкретно

отражает соответствующие причины и условия. Криминологическая классификация может не совпадать с уголовно-правовой.

Криминологическая характеристика вида преступности включает в себя: количественные и качественные показатели соответствующего вида преступности; сравнительные особенности преступлений; характеристику лиц, их совершающих. Криминологическая характеристика показывает, какие у данного вида преступности общие свойства и закономерности с преступностью в целом, а какие (и это имеет особое значение) специфичные. В конечном счете криминологическая характеристика нужна для того, чтобы определить, какие предупредительные меры наиболее эффективны именно в отношении данного вида преступности.

Классифицируя преступления по форме вины, можно выделить преступность по неосторожности (преступления, совершенные по неосторожности); по объекту — экономическую преступность (преступления в сфере экономики); по способу совершения — насильственную (преступления, совершенные путем насилия). Эти виды преступлений существуют в любом обществе. В совокупности они охватывают большинство всех совершаемых преступлений. Заметим, что эта классификация не криминологическая и проведена по разным основаниям.

8.2. Насильственная преступность

Насильственными являются преступления, совершенные путем физического насилия или угрозы такого насилия (психическое насилие). Правда, некоторые авторы используют понятия «имущественное насилие», «интеллектуальное насилие», но такой подход не является общепризнанным. К насильственным преступлениям относятся убийство, причинение вреда здоровью, истязание, изнасилование и т.д. В насильственных преступлениях насилие выступает в качестве элемента мотивации, а не только способа достижения преступной цели (инструментальное насилие).

Основным объектом посягательства в насильственных преступлениях является личность. Иногда к насильственной преступности относят разбой, вымогательство и т.д. Но в этих преступлениях посягательство на личность является только средством достижения иной преступной цели (корыстной).

Хотя за последние годы число насильственных преступлений и выросло, в общей структуре преступности доля насильственных преступлений относительно невелика — 5—7%. В структуре самой насильственной преступности превалирует умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, но наиболее тяжким, естественно, является убийство. За последние 10 лет ежегодно регистрируется более 30 тыс.

убийств. Коэффициент убийств в России один из самых высоких в мире. Динамика убийств характеризуется весьма неблагоприятными тенденциями: наблюдается рост преднамеренных убийств; с использованием огнестрельного оружия и взрывчатых веществ; двух и более лиц. Убийства всегда считались низкократными преступлениями, но в настоящее время, когда число пропавших без вести и число неопознанных трупов измеряется десятками тысяч, эта характеристика требует корректировки.

Особенностью насильственных преступлений является то, что они в большинстве совершаются в процессе межличностного неформального общения. Действия преступников не связаны обычно с их ролью в официальных организациях.

Отличительная черта насильственной преступности — ситуационный, импульсивный характер, часто с внезапно возникающим умыслом. Ситуационность этих преступлений проявляется и в орудиях преступления: чаще всего это предметы, случайно оказавшиеся на месте события. Ситуационный характер во многом объясняется и состоянием опьянения, в котором пребывает большинство преступников. В отличие от экономических, для насильственных преступлений не характерно соучастие, за исключением изнасилования. Более 90% насильственных преступлений совершаются в производственной сфере.

С криминологической точки зрения целесообразна классификация насильственных преступлений по областям производственной сферы: преступления в сфере быта и преступления в сфере досуга.

В основе бытового преступления обычно лежит конфликт между преступником и потерпевшим, связанными между собой лично-бытовыми отношениями (соседи) или общественно-бытовыми (покупатель, продавец). Особенностью бытовых преступлений является близкое знакомство преступника и потерпевшего: четыре из каждых пяти потерпевших принадлежат к числу родственников или знакомых преступника. В структуру бытовых преступлений в основном входят убийство, причинение вреда здоровью, истязание, побои.

Для досуговых преступлений, т.е. совершаемых во время развлекательного или бесцельного времяпрепровождения, характерно то, что они направлены против лиц, плохо знакомых преступнику или вообще посторонних. В структуру досуговых преступлений в основном входят изнасилование, причинение вреда здоровью, сопряженное с насилием хулиганство. По сравнению с бытовыми досуговые преступления в большей степени характеризуются соучастием, но, как правило, без образования устойчивых групп.

Объектом предупредительного воздействия в насильственных преступлениях являются личность, ее микросреда и условия быта и досуга. Соответственно выделяются три общих направления профилак-

тики: 1) воспитательное и правовое воздействие на личность; 2) оздоровление микросреды; 3) улучшение условий быта и досуга.

С насильственной преступностью наиболее тесно связаны пьянство и алкоголизм. Борьба с пьянством в разных формах положительно сказывается как на бытовой, так и на досуговой преступности. В настоящее время, когда растет число насильственных преступлений с применением оружия, актуальным является вопрос об укреплении разрешительной системы, усилении контроля над реализацией и хранением охотничьего и спортивного оружия, повышении ответственности за незаконное изготовление, хранение и ношение огнестрельного оружия.

Бытовые конфликты имеют, как правило, длительный и открытый характер. Своевременное реагирование на административные правонарушения и другие проступки может предупредить перерастание конфликта в преступление. Большую роль в этом могут сыграть общественность по месту жительства, органы опеки и попечительства, участковые инспекторы.

Предупреждение досуговых преступлений связано с улучшением форм и методов досуга молодежи (занятия творчеством, спортом и т.д.), совершенствованием инфраструктуры досуга (парки, клубы, стадионы) и ее доступностью. Должны приниматься меры, затрудняющие использование мест привычного времяпрепровождения для преступных целей: освещение дворов и подъездов домов, контроль над подвалами, чердаками и т.д.

8.3. Экономическая преступность

Экономические преступления являются наиболее распространенными, они составляют 2/3 общего числа регистрируемых преступлений. Классификационная группа преступлений в сфере экономики — экономическая преступность также криминологически неоднородна и может быть разбита на две подгруппы.

Первая подгруппа — это преступления против собственности (гл. 21 УК РФ). В нее входят деяния, которые характеризуются прямым незаконным завладением чужим имуществом, причем без использования преступником своего служебного положения, и не связанные с нарушением хозяйственных связей и отношений в сфере экономики. Эти деяния обычно называют общеуголовной корыстной преступностью (кража, грабеж, разбой, мошенничество). Вторая подгруппа — это преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ, кроме ст. 175, 184, 190). Деяния этой подгруппы посягают на установленный порядок осуществления экономической деятельности и экономические права физических и юридических лиц со стороны субъектов, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений.

Криминологическая характеристика экономической преступности в целом и ее сравнительный анализ объективно затруднены в силу ряда обстоятельств. Одни деяния, ранее относившиеся к экономическим преступлениям (частное предпринимательство, коммерческое посредничество), перестали быть преступлениями. Другие же ранее не рассматривались как преступления в сфере экономики (хищение личной собственности). В УК РФ введено много новых составов (лжепредпринимательство, фиктивное банкротство и т.д.), по которым еще нет достаточной судебной практики. Кроме того, экономические преступления, особенно в сфере экономической деятельности, характеризуются повышенной латентностью.

Но все же охарактеризовать в определенной мере особенности экономических преступлений можно. Эта возможность связана с тем, что основную долю в экономических преступлениях (свыше 90%) составляют преступления против собственности (кража, грабеж, разбой, мошенничество, вымогательство). А такой вид преступления, как кража, является самым распространенным: кражи составляют более 40% в общей структуре преступности. Особенности преступлений против собственности являются во многом определяющими для характеристики всего класса преступлений в сфере экономики.

В производственной сфере наиболее распространенной разновидностью преступлений против собственности являются мелкие хищения («несуны»). Это, пожалуй, самый высоколатентный вид правонарушений. Уголовно-правовые методы борьбы с ними малоэффективны, поскольку эти правонарушения не осуждаются общественной моралью, и здесь весьма подвижна граница между дисциплинарными, административными и уголовно-правовыми мерами. Но суммарный ущерб от мелких хищений превышает, по экспертным оценкам, материальный ущерб от всех других видов хищений, вместе взятых. Ранее считалось, что смена отношений собственности, переход от государственной, «ничейной» ее формы к частной изменит психологию и идеологию людей и их экономическое поведение, а тем самым окажет положительное воздействие на динамику данного вида хищений. Но этого не произошло, и этот криминологический факт показывает, что одна из главных целей реформы экономики — создание нового слоя собственников, «среднего класса», являющегося опорой социальной стабильности, — еще далеко не достигнута.

Большинство преступлений против собственности (кража, грабеж, разбой, вымогательство, мошенничество) обладает ярко выраженными особенностями. Это, во-первых, повышенный уровень рецидива; во-вторых, групповой характер значительной части преступлений с выраженной устойчивостью и организованностью пре-

ступных групп; в-третьих, криминальная профессионализация многих преступников.

Специальные меры предупреждения этих преступлений включают в себя создание условий, затрудняющих хищение: установка технических средств сигнализации и охраны; защита документов от подделок; создание системы постоянного контроля: ревизии, проверки, инвентаризации; меры информационного характера, формирующие у населения убеждение в реальности и неотвратимости ответственности расхитителей: выездные заседания судов, публикации в прессе. Достаточно эффективным средством являются меры оперативно-розыскной профилактики, воздействие на сами асоциальные группы с целью их разложения или переориентации. Это достигается путем изоляции наиболее активных членов, компрометации лидера и т.д.

К общесоциальным стратегическим мерам предупреждения экономических преступлений относятся меры борьбы с безработицей и бедностью, уменьшение степени социально-экономического расслоения населения. По официальным данным, в России разрыв в доходах 10% самых бедных и самых богатых (так называемый децильный коэффициент) составляет 1:15,5 (по экспертным оценкам — 1:20), а с учетом укрываемых от налогообложения доходов — и того больше. В развитых странах децильный коэффициент 1:15 считается порогом социального взрыва.

К общим мерам можно отнести и создание адекватной законодательной базы, регулирующей рыночные экономические отношения, вопросы налогообложения и т.д. Промедление с принятием необходимых законов, противоречивость существующей правовой базы способствуют криминализации ключевых секторов отечественной экономики: банковской, внешнеэкономической, ресурсодобывающей.

8.4. Неосторожная преступность

К неосторожной преступности относятся преступления с достаточно разнородными объектами, совершающиеся в самых различных сферах деятельности и обуславливаемые самыми различными факторами: преступления против личности (причинение смерти по неосторожности), против общественной безопасности (нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики), против безопасности движения и эксплуатации транспорта (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). экологические (загрязнение вод).

С криминологической точки зрения в зависимости от характера причинно-следственных связей преступления, совершенные по не-

осторожности, можно разделить на две большие группы: 1) преступления, совершаемые в процессе межличностного взаимодействия; 2) преступления, совершаемые в процессе взаимодействия с техническими и природными системами.

Хотя в структуре всей преступности преступления по неосторожности составляют относительно небольшую долю (около 10%), следует учитывать, что большинство из них являются высоколатентными. В структуре такой преступности доминируют преступления против безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, которые составляют около 3/4 всей совокупности.

Данные преступления в наибольшей степени связаны с последствиями научно-технического прогресса и имеют тенденцию к росту: интенсифицируется воздействие на окружающую среду, увеличивается число и мощность источников повышенной опасности в экономике и быту. Все это повышает общественную опасность ошибочных решений при эксплуатации техники. В результате совершения преступлений по неосторожности растет опасность наступления тяжких последствий. Так, число смертей и причинений вреда здоровью от них превышает аналогичные показатели для умышленных преступлений против жизни и здоровья.

Как правило, социально-нравственная и профессиональная характеристика лиц, совершивших неосторожное преступление, является в целом положительной. Но для большинства из них характерна завышенная самооценка своих возможностей и способностей действовать в сложных ситуациях. Статистика расследований чрезвычайных происшествий (аварий и техногенных катастроф) свидетельствует о том, что наиболее слабым звеном во взаимодействии «человек — техническая система» является чаще всего именно человек.

В механизме неосторожного преступного поведения отсутствует первое звено — мотивация, формирование умысла. Но это не означает, что неосторожные преступления являются безмотивными. Их совершение связано с общей мотивацией деятельности. Это может быть корыстная мотивация (перегруз воздушного судна), карьеристская (выполнение распоряжения начальника), познавательная (проведение опасного эксперимента) и т.д. Трудно представить, чтобы специалист не мог предвидеть последствия своих действий, например, несоблюдения правил безопасности. В этих случаях, как правило, преступник соотносит степень риска своих действий (вероятность наступления опасных последствий) с планируемой выгодой: чем больше предполагаемая выгода, тем большая степень риска представляется допустимой.

Формированию легкомысленно-небрежного отношения неосторожных преступников к безопасности других лиц (и своей собственной) и сохранности имущества способствует сравнительно благо-

получный исход предшествующих сходных нарушений. Как показывают результаты исследований, почти 3/5 из числа лиц, совершивших преступления по неосторожности, связанные с профессиональной деятельностью, ранее уже допускали подобные нарушения, но они не повлекли опасных последствий.

В предупреждении неосторожных преступлений основную нагрузку несут не уголовно-правовые меры, а мероприятия экономического, технического и организационного характера. К ним можно отнести: совершенствование техники и технологий с целью повышения их надежности; улучшение профессионального отбора и повышение квалификации персонала; совершенствование средств и правил техники безопасности и иных правил охраны труда.

Особое значение для профилактики преступлений, совершенных по неосторожности, имеют органы государственного и ведомственного контроля — пожарный надзор, рыбнадзор, санэпидемнадзор, гортехнадзор, природоохранные инспекции, ГИБДД и т.д. Не последнюю роль играет и правовоспитательная работа, проводимая среди всего населения: правовое воспитание, экологическое воспитание и т.д. Поскольку большинство указанных преступлений совершается в состоянии опьянения, профилактика пьянства и алкоголизма является важной составной частью предупреждения неосторожных преступлений.

В настоящее время особое значение приобрели экологические проблемы, поскольку антропогенное воздействие на окружающую среду превысило все допустимые пределы. Многие районы нашей страны являются зонами экологического бедствия. Совершение экологических преступлений обусловлено главным образом экономическими причинами: стремлением сэкономить на природоохранных мероприятиях, снизить себестоимость продукции и т.д. Очень часто виновные оправдывают их совершение экономической необходимостью, заботой о благе работников конкретной организации. Не всегда экологические преступления находят осуждение и в трудовых коллективах.

Свидетельством осознания государством приоритетности экологических проблем являются создание Межведомственной комиссии по экологической безопасности Совета безопасности РФ, принятие Федеральных законов «Об отходах производства и потребления», «Об экологической экспертизе», призванного предупредить возможность экологических правонарушений уже на стадии разработки хозяйственных проектов. В ноябре 1994 г. Россия ратифицировала Конвенцию о контроле за трансграничной перевозкой отходов и их удалением 1989 г.

В борьбе с экологической преступностью важная роль отводится и уголовно-правовым мерам. В Уголовном кодексе есть отдельная

глава «Экологические преступления», включающая в себя 17 составов преступлений, многие из которых совершаются как умышленно, так и по неосторожности. Во многих субъектах Федерации, в том числе в Москве, в структуре МВД России созданы специализированные подразделения экологической милиции. В органах прокуратуры действуют межрайонные природоохранные прокуратуры.

Экологические преступления составляют в структуре преступности менее 1%, но они исключительно высоколатентны. Но даже выявленные преступники в большинстве отделяются «легким испугом». Если число зарегистрированных преступлений выражается в десятках тысяч, то число уголовных дел, доведенных до суда, — всего лишь в десятках и сотнях.

Наряду с государственными органами большой вклад в предупреждение экологических преступлений и мобилизацию общественного мнения вносят общественные экологические объединения, национальные и международные неправительственные организации.

Контрольные вопросы

1. В чем различие уголовно-правовой и криминологической классификации преступлений?
2. Каковы особенности насильственных преступлений?
3. В чем заключаются особенности бытовых и досуговых преступлений?
4. Каковы основные направления предупреждения насильственных преступлений?
5. Как можно классифицировать преступления в сфере экономики?
6. Какие обстоятельства затрудняют объективную оценку состояния экономической преступности?
7. Какие применяются меры профилактики преступлений против собственности?
8. В чем выражается общественная опасность неосторожных преступлений?
9. Какие субъекты профилактики играют ведущую роль в предупреждении неосторожных преступлений?

Литература

1. *Антонян Ю.М.* Психология убийства. М., 1997.
2. *Антонян Ю.М.* и др. Насилие в семье. М., 2000.
3. *Кудрявцев В.Н.* Конфликт и насильственное преступление: социально-психологические исследования причинно-следственных связей. М., 1991.

4. *Максимов С.В., Ревин В.Л.* Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики. М., 1993.
5. *Насильственная преступность.* М., 1997.
6. *Аванесов О.Г., Мусаев М.Х.* Преступления в сфере предпринимательства и налогообложения. М., 1992.
7. *Гаухман Л.Д., Максимов С.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998.
8. *Петров Э.И., Марченко Р.Н., Барина Л.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений. М., 1995.
9. *Преступность и реформы в России.* М., 1998.
10. *Дагель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.
11. *Дубовик О.Л., Жалинский А.Э.* Причины экологической преступности. М., 1988.
12. *Квашиш В.Е.* Теоретические основы профилактики неосторожных преступлений. М., 1977.
13. *Кузнецова Н.Ф., Кудрявцев В.Н.* Научно-техническая революция и преступность. М., 1980.

Глава 9

Преступность несовершеннолетних

Преступность несовершеннолетних во всех курсах, во всех учебниках по криминологии излагается отдельно, в специально посвященных ей главах или разделах. Это свидетельствует об особом значении данной проблемы, что обусловлено особым местом подрастающего поколения в социальной структуре, да и во всей жизни общества.

Задача охраны жизни, физического и нравственного здоровья будущего поколения, всемерная социальная и правовая защита законных прав и интересов несовершеннолетних и молодежи является приоритетной во внутренней политике любого цивилизованного государства. Всякое нормальное общество особо болезненно реагирует на пораженность преступностью именно несовершеннолетних. Но особое внимание в криминологии к преступности несовершеннолетних объясняется не только тем, что эта проблема имеет большое социальное значение, но и тем, что она характеризуется значительной спецификой.

9.1. Характеристика и особенности преступности несовершеннолетних

Для криминологии важность изучения преступности несовершеннолетних обуславливается тем, что она является резервом всей преступности. Установлено: чем в более раннем возрасте человек совершил преступление, тем выше вероятность того, что он совершит новое преступление. Более 2/3 рецидивистов совершили первое преступление в несовершеннолетнем возрасте. Увеличение доли преступлений несовершеннолетних в совершении преступности рассматривается как ухудшение характера преступности. В общей структуре преступности эта доля составляет 10—12%. Свыше 90% преступлений совершается лицами мужского пола.

Состояние преступности несовершеннолетних в России можно охарактеризовать как неблагоприятное. Темпы роста этого вида преступности почти в 7 раз превышают темпы роста населения в этой возрастной группе. Увеличилось число лиц, повторно совершивших преступления: за 15 лет — на треть. Преступления девочек и 14—15-летних растут более быстрыми темпами, чем преступность несовершеннолетних в целом. Несовершеннолетние являются одной из наиболее пораженных преступностью групп населения.

Для судимости несовершеннолетних характерны следующие пропорции. Около половины несовершеннолетних освобождаются от уголовной ответственности и наказания на стадии предварительного следствия и судебного разбирательства. Из числа осуждаемых 2/3 осуждаются условно. И только 1/4 часть осужденных приговаривается к реальному отбытию лишения свободы. В настоящее время в 60 воспитательных колониях отбывают наказание около 20 тыс. несовершеннолетних преступников (хотя часть из них продолжает отбывать наказание в воспитательной колонии и после наступления совершеннолетия). Почти 2/3 несовершеннолетних освобождается от отбывания наказания условно-досрочно.

Эти данные свидетельствуют о том, что российская уголовная юстиция достаточно гуманна в отношении несовершеннолетних преступников, учитывает особую роль подрастающего поколения в жизни общества. Для этого есть криминологические основания, исходящие из особенностей детерминации поведения несовершеннолетних и из возрастных особенностей.

Поведение человека определяется тремя линиями причинных связей. Первая, идущая из прошлого, включает в себя весь жизненный опыт человека, его сформировавшиеся взгляды и представления. Вторая, действующая в настоящем, — это конкретная жизненная ситуация и ее оценка субъектом. Третья, направленная в будущее, — это мысленная модель будущего результата, предвидение последствий своего деяния. У несовершеннолетних все эти линии объективно и принципиально неполны. Жизненный опыт подростка мал и фрагментарен, характер и взгляды окончательно не сформировались. В силу этого оценка ситуации часто бывает неадекватной, а недостаточный жизненный опыт и неадекватность оценки ситуации обуславливают и неправильное предвидение последствий.

Кроме того, играют свою роль и особенности возраста, которые вызывают ряд последствий. Социальные: происходит смена сфер социализации. Семью как основной институт социализации ребенка сменяют учебные коллективы и неформальные группы сверстников. Социально-психологические: линия поведения подростка формируется под воздействием противоречивых факторов. Для несовершеннолетних характерны как повышенная конформность (податливость группе), так и стремление к самостоятельности. Это обуславливает неустойчивость, ситуативность поведения несовершеннолетних. Психологические: процесс полового созревания обостряет (акцентирует) проявление некоторых качеств (повышенная возбудимость, импульсивность и т.д.). Все это в определенной мере сказывается на специфике преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Можно отметить следующие особенности преступности несовершеннолетних. Структура преступности несовершеннолетних как

бы усечена по сравнению с преступностью взрослых. Одни общественно опасные деяния несовершеннолетних не считаются преступлениями (по возрасту), другие — не совершаются ими в силу их социальной роли (воинские, должностные и т.д.). По этой причине преступная мотивация также сужена: не присутствует семейно-бытовая, карьеристская, политическая и т.д. В структуре мотивов преступности доминируют корыстные: 3/4 всех совершаемых несовершеннолетними преступлений — это преступления против собственности.

Однако в последние годы наметился интенсивный рост насильственных преступлений. Среди них преобладают сопряженное с насилием хулиганство, причинение вреда здоровью и изнасилование. Большинство преступлений совершается в сфере досуга. В отличие от взрослой преступности в преступности несовершеннолетних преобладает групповая преступность: от половины до 3/4 преступлений совершается в группе (в зависимости от вида преступления).

По характеру преступность несовершеннолетних являлась более тяжелой, чем преступность взрослых: 3/4 совершаемых несовершеннолетними преступлений были тяжкими или особо тяжкими. Но после того, как в октябре 2002 г. квалифицированная кража (а это наиболее распространенный состав) была переведена в категорию преступлений средней тяжести, этот показатель снизился более чем в 1,5 раза.

Для несовершеннолетних трудно объективно оценить показатель повторности, поскольку во многих случаях новая судимость имеет место уже после достижения 18-летнего возраста: новое преступление совершается в несовершеннолетнем возрасте, а новое наказание отбывается уже в исправительном учреждении для взрослых.

9.2. Причины совершения преступлений несовершеннолетними и их предупреждение

Многие криминологи в качестве непосредственной, специфической причины преступления рассматривают искаженность (деформацию) ценностно-нормативной сферы личности. Главное в содержании ценностно-нормативной сферы — нравственное и правовое сознание.

Из двух нормативных систем — мораль и право — исторически и логически исходной является первая. По вопросу о роли нравственного сознания в генезисе преступного поведения существуют две крайние точки зрения. Одна из них — концепция моральной дефективности — говорит об отсутствии морали у преступников. Как существуют от рождения люди слепые, глухие, т.е. физически дефектные, так существуют и люди морально дефектные от рожде-

ния, имморалики. Другая — теория асоциальных субкультур — говорит о наличии у преступников особой преступной морали, которая оправдывает совершение преступления. Таким образом, одна теория видит причину преступного поведения в отсутствии у преступников морали, другая — в наличии, но особой.

Концепция деформированности нравственного сознания исходит не из того, что у преступников мораль или совсем отсутствует, или присутствует какая-то особая, а из того, что у них наличествуют искажения (дефекты) обычного нравственного и правового сознания. Деформация нравственного и правового сознания проявляется (объективируется) в поведении, но может быть с определенной степенью точности диагностирована и на более ранних стадиях с помощью социологических и психологических методов.

Индивидуальное сознание включает в себя две стороны — рационально-теоретическую и чувственно-рациональную. С рациональной стороны нравственное сознание состоит из трех элементов, связанных с основными функциями морали: 1) *знание морали* (познавательная функция); 2) *отношение к морали* (оценочная); 3) *отношение к соблюдению моральных норм* (регулятивная). Дефекты могут обнаружиться в любом из этих элементов.

Возьмем первый элемент. Вряд ли можно говорить о незнании моральных императивов, являющихся одновременно и правовыми (не убей, не укради). Но подростки имеют смутное представление о функциях и принципах морали, ее общественной и личной ценности и т.д. Дефектность второго элемента у подростков проявляется в неадекватной оценке (отношении) моральных качеств. Как показывают результаты опросов несовершеннолетних преступников, для многих из них доброта — это мягкотелость, бесхарактерность; скромность — забитость, стеснительность; жестокость — твердость, решительность; хитрость — ум, расчетливость. В отношении к соблюдению норм (третий элемент) несовершеннолетним преступникам характерен прагматизм. Более половины из опрошенных считают, что нормы морали (и права) нужны, но соблюдать их следует до тех пор, пока они полезны, выгодны, не противоречат личным интересам.

Можно также выделить следующие уровни (стадии) развития нравственного сознания личности:

- *доморальный*, или моральный гедонизм: в соблюдении моральных норм человек руководствуется эгоистическими побуждениями, страхом наказания или желанием поощрения;
- *конвенциональный*, или моральный конформизм: человек ориентируется на поддержку существующего порядка, руководствуется мнением и оценками других людей, для него авторитетных;

- *собственно моральный*, или моральная автономность: человек в своем поведении опирается на внутреннюю систему нравственных принципов и убеждений, руководствуется своей совестью.

В возрастной психологии (Ж. Пиаже) установлена корреляция между уровнями (стадиями) интеллектуального и нравственного развития. Первая стадия нравственного развития примерно соответствует умственному развитию дошкольников, вторая — младшему и среднему школьному возрасту, третья стадия начинается формироваться в юности.

Деформированы могут быть не только элементы, но и сам процесс формирования нравственного сознания. Такая деформация выражается в нравственном нигилизме или нравственном инфантилизме (недоразвитости).

Под *нигилизмом* понимается осознанное негативное отношение к существующей системе морали и права, он характеризуется антисоциальным содержанием усвоенных личностью норм. Примерно каждому пятому несовершеннолетнему преступнику присущ нигилизм.

Под *инфантилизмом* понимается такое несовпадение уровней интеллектуального и морального развития, когда более высокому уровню умственного развития (более старшему возрасту) соответствует более низкий уровень морального развития. Инфантилизм характеризует не содержание, а форму, способ и степень усвоения норм.

Критерием уровня развития нравственного сознания является санкционирующий орган, обеспечивающий соблюдение норм. Для первого уровня это страх наказания, для второго — авторитет старших и мнение окружающих, для третьего — совесть, осознанная необходимость соблюдения моральных требований. Для профилактики и коррекции отклоняющегося поведения важно знать уровень морального развития личности. Это позволяет субъекту профилактики выбрать наиболее оптимальные и эффективные меры воздействия на подростка и его микросреду.

Дефекты нравственного сознания являются первичными, во многом предопределяющими дефекты и деформации правосознания. Исследования правосознания преступников показывают, что процесс деформации правосознания демонстрирует такие же закономерности, как и процесс деформации нравственного сознания.

В масштабном криминологическом исследовании, проведенном авторским коллективом под руководством А.И. Долговой, на основе комплекса признаков, отражающих ценностные ориентации, нравственные и правовые взгляды несовершеннолетних, с использованием метода распознавания образов проводилось сравнение несовершеннолетних преступников одного из городов России с их зако-

нопослушными сверстниками. На основании только этого комплекса признаков ЭВМ в 80% случаев правильно опознала лиц, совершивших преступление.

Деформации нравственного и правового сознания в той или иной форме присущи всем преступникам. Но следует иметь в виду, что деформация ценностно-нормативной сферы есть конечный результат всего процесса неблагоприятного формирования личности, и простая констатация данного факта недостаточна. Необходимо исследовать источники этих деформаций, социальные факторы, которые обусловили формирование антисоциальной личности, т.е. надо изучать «причину причин». На момент совершения преступления многие социальные процессы могут прекратить свое воздействие, но поскольку они внесли свой вклад в формирование личности преступника, то остаются в сфере интересов криминологии.

К условиям неблагоприятного формирования личности, т.е. факторам, определяющим деформацию ценностно-нормативной сферы, чаще всего относят:

- семейное неблагополучие — структурное (более половины несовершеннолетних осужденных воспитывались в неполных семьях) и функциональное;
- отрицательное влияние ближайшего окружения, вовлечение несовершеннолетних в аморальное поведение (пьянство, азартные игры, попрошайничество);
- недостатки в работе школы (второгодничество, прекращение учебы);
- недостатки в трудоустройстве и воспитании в трудовых коллективах;
- длительное отсутствие определенных занятий, безнадзорность;
- отсутствие полноценных видов досуга и т.д.

Все эти факторы не выступают изолированно друг от друга, они прямо или косвенно связаны, каждый продолжает или усиливает действие другого.

В настоящее время действие этих факторов, иногда называемых социальными издержками проводимых экономических реформ, значительно усилилось. Наиболее уязвимым оказался такой важнейший институт социализации, как семья. Стремительное обнищание значительной части населения, безработица, рост пьянства и алкоголизма ведут к распаду семьи. Распад семей имеет следствием значительный рост среди несовершеннолетних безнадзорности, бродяжничества, попрошайничества, вовлечения их в аморальную и преступную деятельность. Резко обострилась проблема социального сиротства, т.е. фактического отсутствия семьи при живых родителях (уклоняющихся от воспитания детей, лишенных родительских прав

или находящихся в местах лишения свободы). Увеличилось число правонарушителей из таких социально неустроенных групп, как мигранты и вынужденные переселенцы.

Поскольку процесс социализации и процесс формирования преступного поведения у несовершеннолетних совпадают во времени, и одно (преступное поведение) есть следствие недостатков или неудач в другом (социализации), основным направлением в предупреждении преступлений несовершеннолетних является общесоциальная профилактика. Она имеет целью создать условия, способствующие нормальному формированию личности подростка. Ею должны быть охвачены все основные сферы социализации: семья, школа, трудовой коллектив, сфера общения и досуга.

Продуманная социальная политика государства, включающая в себя помощь семье в воспитании детей, улучшение воспитания в школе, совершенствование трудового воспитания, создание условий для проведения полноценного досуга — все это содержит значительный антикриминогенный потенциал. Центр тяжести в профилактической работе с несовершеннолетними должен быть перенесен из правоохранительной системы в государственные и общественные организации. Весьма актуален вопрос о возобновлении полномасштабной деятельности общественных воспитателей, комиссий по делам несовершеннолетних, ранее являвшихся координаторами этой работы, привлечение к ней новых субъектов: церкви, благотворительных фондов и др.

В индивидуальной работе с подростками главное значение имеют меры ранней профилактики. В отношении несовершеннолетних они наиболее эффективны, поскольку направлены на устранение относительно незначительных отрицательных тенденций в развитии личности, не сформировавшихся в устойчивую позицию. Ранняя профилактика требует также меньше расходов, поскольку осуществляется в значительной степени в рамках общевоспитательной работы. Наконец, ранняя профилактика оставляет резерв времени для дальнейшего предупредительного воздействия, если в нем возникнет необходимость.

К мерам ранней профилактики относятся:

- выявление неблагополучных семей;
- выявление подростков, уклоняющихся от учебы и работы, безнадзорных и бродяжничающих, устройство их на работу или учебу;
- лишение родительских прав лиц, уклоняющихся от воспитания детей;
- установление опеки и попечительства;
- помещение подростка в школу-интернат и т.д.

Если на раннем этапе субъекты профилактики не смогли предотвратить нежелательное развитие событий, и подросток стал со-

вершать правонарушения, то применяются меры специального характера: постановка на профилактический учет, прикрепление общественного воспитателя и т.д.

Если и эти меры не дали результата, и подросток совершает преступление, целью предупредительного воздействия становится не допустить совершение нового преступления. На личность преступника воздействуют как правовыми мерами (профилактическое воздействие судебного разбирательства, предупредительная роль назначенного наказания), так и иными (исправительное воздействие в период наказания, помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения и т.д.).

Контрольные вопросы

1. Чем определяется особое социальное и криминологическое значение преступности несовершеннолетних?
2. Дайте общую характеристику преступности несовершеннолетних.
3. Чем определяются особенности преступности несовершеннолетних?
4. Охарактеризуйте особенности преступности несовершеннолетних.
5. Что такое моральный инфантилизм? Какие существуют уровни развития нравственного сознания?
6. Какие социальные факторы относятся к условиям неблагоприятного формирования личности?
7. Каковы основные направления общесоциальной профилактики преступлений несовершеннолетних?
8. Назовите меры индивидуальной профилактики преступлений несовершеннолетних.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Самовичев Е.Г.* Неблагоприятные условия формирования личности в детстве. М., 1983.
2. *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981.
3. *Ермаков В.Д., Крюкова Н.И.* Преступность несовершеннолетних в СССР и Российской Федерации. М., 1996.
4. *Ермаков В.Д., Арсеньева М.И.* Изучение преступности несовершеннолетних и деятельности по ее предупреждению. М., 1990.
5. *Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р.* Правовая психология и преступность молодежи. М., 1976.
6. *Жигарев Е.С.* Криминологическая характеристика социальных аномалий в среде несовершеннолетних и их предупреждение. М., 1992.

7. *Забрянский Г.И.* Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997.
8. *Криминологическая* характеристика преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью, и их предупреждение. М., 1990.
9. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2001.
10. *Преступность* несовершеннолетних в России 1990—1994 гг. М., 1995.
11. *Федеральный закон* от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Глава 10

Рецидивная преступность

К рецидивной преступности относятся преступления, совершенные лицами, ранее судимыми за совершение преступлений. В криминологическом понятии рецидива преступлений соединяются признаки, характеризующие и деяние, и деятеля: повторность и имевшее ранее уголовно-правовое воздействие на личность.

Имевшееся в прошлом воздействие наказания на преступника является криминологически значимым признаком, позволяющим объединить рецидивные преступления в криминологически однородную группу (вид преступности).

10.1. Рецидивная преступность

Существуют разные понятия рецидива преступлений. Уголовно-правовой (легальный) рецидив — совершение умышленного преступления лицом, имеющим неснятую и непогашенную судимость за умышленное преступление. Пениitenciарный — совершение преступления лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы. Криминологический (фактический) — повторное совершение преступления лицом, ранее судимым за совершение преступлений.

Рецидив различается по видам или формам: общий — повторное совершение преступления любого характера; специальный — повторное совершение преступления, тождественного или однородного первому.

Увеличение доли рецидивных преступлений в общей структуре преступности показывает, при прочих равных условиях, ухудшение характера преступности. В структуре преступности доля рецидивных преступлений составляет около 1/3. Уровень рецидива зависит от вида наказания и типа исправительного учреждения (для лишения свободы). Рецидивная преступность по сравнению с первичной преступностью более корыстна по характеру. Это связано с тем, что вероятность повторного совершения преступления зависит от характера самого преступления. Наиболее рецидивоопасны (наиболее высокая вероятность повторного совершения) преступления против собственности, менее всего рецидивоопасны — преступления, совершенные по неосторожности. Мошенничество и кражи дают наибольший специальный рецидив.

Среди рецидивных насильственных преступлений преобладает сопряженное с насилием хулиганство. У рецидивной преступности (кроме лиц молодежного возраста) по сравнению с первичной мень-

ше коэффициент групповых преступлений: они предпочитают «работать» в одиночку, но если в группе, то часто бывают организаторами.

Для общего рецидива характерно, что с увеличением числа судимостей снижается тяжесть повторного преступления по сравнению с предыдущим. По мере увеличения числа судимостей возрастает вероятность таких деяний (ранее квалифицируемых как правонарушения), как бродяжничество, нарушение паспортного режима, нарушение правил административного надзора. Это связано с общей деградацией личности рецидивиста, ослаблением его социально полезных связей (потеря семьи, утрата контактов с родными и знакомыми и т.д.).

Для специального многократного рецидива, напротив, с увеличением числа судимостей характерно повышение опасности совершаемых преступлений, связанное с накоплением преступного опыта и криминальной профессионализацией.

Главное отличие личности рецидивиста от осужденного впервые состоит в том, что рецидивист уже отбывал наказание, и оно оказало на него отрицательное воздействие. Если рассмотреть наказание в виде лишения свободы (основной вид наказания), то оно само по себе и процесс его исполнения внутренне противоречивы.

Желая исправить человека, его помещают в педагогически неблагоприятную среду преступников. Ставя цель превратить преступника в нормального члена общества, его подвергают физической и социальной изоляции с постоянным контролем, жесткой регламентацией всей жизнедеятельности, что вырабатывает у него стереотип поведения, характеризующийся отсутствием инициативы и самостоятельности, адекватный условиям лишения свободы, а не обычной жизни. Одно из основных направлений профилактики рецидивной преступности состоит в нейтрализации отрицательных последствий лишения свободы, в облегчении адаптации рецидивистов к условиям свободной жизни.

Для смягчения резкого перехода от условий изоляции к условиям обычной жизни в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрены особые меры. Раньше это было условное освобождение с обязательным привлечением осужденного к труду (в просторечии «химия»). В новом Уголовно-исполнительном кодексе эта проблема решена более рационально: в целях социальной адаптации осужденных перед окончанием срока наказания им предоставляется возможность проживания и работы вне исправительной колонии общего режима без охраны, но под надзором (а женщинам даже с семьями). Этой же цели служит увеличение категорий осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях.

Оказывая освобожденным помощь в трудовом и бытовом устройстве, восстановлении социально полезных связей, государствен-

ные органы и общественные организации способствуют социальной адаптации отбывших наказание. Правовые основы этой деятельности закреплены в гл. 22 УИК «Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания, и контроль за ними». Если процесс социальной адаптации протекает нормально, вероятность рецидива преступлений резко снижается. Наибольшее количество преступлений совершается в первый год после освобождения — самый сложный с точки зрения адаптации.

Еще одним основным направлением профилактики рецидива является социальный контроль над отбывшими наказание. Раньше основными формами такого контроля было помещение алкоголиков в лечебно-трудовые профилактории, лиц без определенного места жительства — в воспитательно-трудовые профилактории, а также установление за отбывшими наказание административного надзора органов внутренних дел. Административный надзор заключался в гласном контроле над поведением поднадзорного и соблюдением им установленных правоограничений (запрещение в определенное время уходить из дому, запрещение пребывания в определенных местах и т.д.). Теперь все эти формы контроля не действуют, и актуальным является вопрос о принятии нормативного акта о социальном контроле над отбывшими наказание.

Самым сложным с точки зрения предупреждения является специальный рецидив. Для его профилактики используют, в частности, меры уголовного наказания (запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью). Неоднократный специальный рецидив свидетельствует о перерастании рецидива преступлений в криминальный профессионализм. Общественная опасность рецидива состоит и в том, что именно рецидивисты являются носителями преступного опыта и уголовных традиций, вовлекают неустойчивых лиц в преступную деятельность, способствуют самовоспроизводству преступности.

Проблема рецидива связана с другой криминологической проблемой — эффективностью уголовного наказания как средства предупреждения преступлений. Факт рецидива свидетельствует о том, что самая крайняя мера воздействия — уголовное наказание в отношении рецидивиста — оказалась неэффективной. Под эффективностью понимается способность некоторого средства достигать поставленной цели. Степень совпадения цели и достигнутого результата является показателем эффективности выбранного средства.

Как известно, в криминологии существуют разные взгляды на наказание как средство предупреждения преступлений. В ломброзианстве наказание в предупредительном отношении оценивалось в лучшем случае как бесполезное. В теории стигматизации оно рассматривалось как одна из детерминант рецидива преступлений.

В отечественной криминологии преобладает более взвешенный подход: уголовное наказание является предупредительным фактором, но далеко не главным и не основным.

Уровень рецидива выступает в качестве наиболее очевидного, легко обнаруживаемого и часто используемого показателя эффективности наказания и деятельности исправительных учреждений. Как отмечал В.Н. Кудрявцев, система уголовной юстиции имеет свой «вход» (выявление преступлений) и свой «выход» (исправление преступников). Сбой на «входе» дает латентную преступность, сбой на «выходе» — рецидивную. Но столь же очевидна и достаточная условность этого показателя: в нем не отражается воздействие иных, более существенных, чем наказание, социальных факторов. Вопрос об эффективности уголовного наказания является смежным для уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии.

10.2. Пенитенциарная преступность

К пенитенциарной преступности относятся преступления, совершаемые осужденными во время отбывания лишения свободы. Таким образом, пенитенциарную преступность можно рассматривать как подвид рецидивной преступности. Конечно, с уголовно-правовой точки зрения не все преступления могут считаться рецидивными (например, преступления, совершенные несовершеннолетними по неосторожности). Преступления, совершаемые осужденными, показывают, что уголовное наказание в отношении них не достигло ни одной из своих целей, оказалось полностью неэффективным.

Преступность в местах лишения свободы специфична по своим причинам и характеру и отличается существенными особенностями по сравнению с преступностью в целом. Во-первых, это однотипность мотивации, целей и средств. Преступления, совершаемые осужденными, связаны главным образом либо с неудачной адаптацией к новой социальной среде (получение низкого статуса), либо со стремлением сохранить или повысить свой статус в групповой иерархии. Главным средством самоутверждения (достижения цели) в этой среде является насилие.

Во-вторых, это относительная стабильность основных показателей, свидетельствующая об устойчивости и консерватизме основных социальных детерминант преступности в исправительных учреждениях. Структура преступности состоит всего из нескольких составов (менее десятка), абсолютное большинство составляют преступления против личности, хулиганство и побеги. Побег — самое распространенное преступление: его доля в структуре пенитенциарной преступности стабильно составляет около 1/3, а вместе с уклонением — бо-

лее половины всех преступлений. На втором месте ранее находились преступления против личности, сейчас они переместились на третье место, а на второе вышли преступления, связанные с наркотиками.

Соотношение корыстных и насильственных преступлений в структуре пенитенциарной преступности противоположно их соотношению в структуре общей преступности: если в общей преступности доминируют корыстные, то в пенитенциарной — насильственные преступления. Это связано с тем, что хищения у «своих» строго караются по нормам субкультуры. И хотя те же нормы поощряют кражи у сотрудников колонии и на производстве, такого рода деяния связаны с повышенным риском.

Коэффициент пенитенциарной преступности в 4—6 раз ниже, чем коэффициент преступности в целом. Отсюда можно сделать вывод о том, что исправительные учреждения с задачей частной профилактики более или менее справляются.

Состояние преступности в местах лишения свободы обуславливается тремя основными факторами:

1) уголовной политикой, находящей свое выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве и судебной практике, которая определяет условия отбывания наказания и качественно-количественные характеристики контингента осужденных;

2) распространенностью проявлений субкультуры в среде осужденных конкретной колонии;

3) организационной, воспитательной и правоприменительной деятельностью администрации исправительного учреждения.

Уголовная политика (до принятия нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства) в течение многих лет оставалась относительно стабильной. На динамику преступных проявлений в местах лишения свободы основное влияние оказывали второй и третий факторы. Взаимосвязь этих факторов можно проследить на следующем примере.

Многие исследователи пенитенциарной преступности отмечали, что для нее характерно наличие обратно пропорциональной зависимости между хулиганством и побегам: при росте числа хулиганств уменьшается число побегов, и наоборот. Существование этой закономерности объяснялось психологическими и социально-психологическими факторами, прямым воздействием наказания на психику осужденного. Во-первых, это подсознательное проявление мотивации несогласия с узкими рамками общения, что отражается или в стремлении к расширению этих рамок (побег), или в несогласии с ним (хулиганство). Во-вторых, хулиганство органично по своей природе связано с сужением пространства и времени.

Действительно, условия исправительных учреждений способствуют возникновению у осужденных отрицательных психических

состояний — тревожности, мнительности, подозрительности, раздражительности и т.д. Длительная изоляция, жизнь в замкнутом коллективе, публичность поведения — все это психологически изматывает человека, вызывает значительное внутреннее напряжение, которое может разрядиться по самому незначительному поводу. Этим можно объяснить совершение импульсивных действий, но побег не является спонтанным деянием. Эту закономерность можно объяснить более естественным образом.

В основе большинства преступлений, совершаемых осужденными в период отбывания наказания, лежат конфликтные отношения. Если эти конфликты выливаются в действия, содержащие признаки составов тех или иных преступлений, то их последствия во многом зависят от администрации колонии как органа дознания. Одним из таких последствий является привлечение зачинщиков к уголовной ответственности. Поскольку конфликты чаще всего оканчиваются драками, деяние обычно квалифицируют как хулиганство, тем самым статистика хулиганств растет. Осужденные, видя защиту со стороны администрации, не пытаются разрешить конфликты путем побега. Статистика побегов снижается.

В другом варианте администрация, стремясь «не испортить показатели», не возбуждает уголовные дела, особенно если зачинщиками конфликтов выступают члены актива самодеятельных организаций осужденных. В таких случаях оформляются отказные материалы (основанием отказа в возбуждении уголовного дела, как правило, является факт примирения сторон). Динамика количества хулиганств и преступности в колонии в целом снижается. Но неразрешенный конфликт усиливает социальное напряжение, и оно находит выход в других формах. Видя свою незащищенность, притесняемые осужденные совершают побег. Статистика побегов и преступности в целом увеличивается. Увеличившееся количество побегов заставляет администрацию реагировать на это, в том числе уголовно-правовыми мерами, что приводит к снижению числа побегов, но увеличивает количество привлеченных за хулиганство, и т.д. Процесс приобретает циклический (синусоидальный) характер.

Основным фактором, продуцирующим преступность в местах лишения свободы, является так называемая асоциальная субкультура, представляющая собой систему ценностей, норм, традиций, регулиующую поведение осужденных и их взаимоотношения между собой и другими людьми. Для мест лишения свободы асоциальная субкультура — явление закономерное и объективное. Субкультура вырабатывается сообществом осужденных.

Сообщество осужденных по типу является закрытым обществом, по характеру социальной структуры — сословно-кастовым.

Вертикальная мобильность в сообществе асимметрична, чаще всего направлена сверху вниз, переход в вышестоящие слои весьма за-

труднен, а для некоторых низкостатусных членов («опущенных») вообще исключен. В этих условиях борьба за статус, потребность в самоутверждении приобретают всеобщий, самодовлеющий и гипертрофированный характер, поскольку групповой статус осужденного полностью определяет ценность его личности и, как следствие, возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей. Поскольку в местах лишения свободы все ресурсы являются дефицитными, борьба за повышение или сохранение группового статуса носит остроконфликтный характер.

Как и в любой социальной группе, процесс стратификации в сообществе осужденных имеет результатом выделение трех основных слоев (страт): высший, средний и низший. В местах лишения свободы эти страты приобретают характер касты («бугры», «мужики», «опущенные»). Стратификация — процесс объективный, протекает в любой общности, и его нельзя отменить. В свое время в исправительных учреждениях предпринимались попытки поломать кастовую систему путем формирования отрядов и бригад из одних отверженных. Считалось, что люди, прошедшие сквозь ад немислимых унижений, построят свое сообщество по-другому. Но через некоторое время в их среде опять выделились свои «бугры», «мужики» и «опущенные».

Можно выделить несколько характерных особенностей социальной структуры сообщества осужденных.

Отношение к человеку и его оценка определяются главным образом не его личностными качествами, а социальной ролью, групповым статусом. И если представители элиты еще воспринимаются массами как личности, то характеристика индивидов, образующих массу, полностью исчерпывается их статусом. Происходит как бы овеществление личности, ее деперсонификация. Тем самым она исключается из сферы действия механизма, блокирующего внутригрупповую агрессию (например, запрет доносительства не распространяется на «опущенных»). Само социальное клеймение (присвоение оскорбительных кличек, принудительное нанесение знаковых татуировок и т.д.) имеет целью затруднить восприятие «клеяменого» как человека.

Противопоставление сообщества осужденных всему обществу (и администрации колонии как его представителю) происходит по линии основных моральных ценностей — честность, справедливость, равенство и т.д., что не только повышает ценность «мы», но и формирует враждебный образ «они». Это предполагает особую деятельность лидеров сообщества по компрометации представителей администрации, раздуванию их действительных и мнимых ошибок, распространению лживых слухов. Этой же цели служит соответствующее комментирование излагаемых в печати фактов о коррумпированности сотрудников правоохранительных органов.

В сообществе осужденных существуют фактическая неоднородность и неравенство при формально провозглашаемом равенстве. Привилегированная верхушка, представляя себя выразителем и защитником интересов всего сообщества, старается свои узкогрупповые интересы и цели выдать за общие. Для защиты и оправдания своих привилегий элита нуждается не только в существовании внешнего врага (администрация колонии), но и во внутренних врагах. Ими прежде всего выступают «опущенные». Во-первых, в условиях крайнего дефицита материальных благ «опущенные» являются объектом эксплуатации, во-вторых, их социальное положение служит для основной массы осужденных свидетельством ценности собственного статуса и в то же время предупреждением на случай возможных конфликтов с лидерами. Поэтому, если в какой-то момент в сообществе не оказывается непривилегированных осужденных или их недостаточно, нормы поведения ужесточаются.

Личностные интересы полностью подчинены групповым, сообщество укрепляется не за счет соблюдения прав его членов, а за счет делегирования этих прав всему сообществу (фактически привилегированным группам). Ведется тотальный контроль над распределением и потреблением материальных благ. «Держат общак» и распоряжаются этими средствами только лидеры. Происходят жесткая централизация и субординация, нормирование поведения во всем.

Для понимания специфики поведения осужденных особое значение имеет понятие статусного и ролевого конфликта. Статусно-ролевые конфликты — не такая уж редкость, но, как правило, они длятся недолго. При длительном конфликте личность испытывает постоянный психологический дискомфорт, на основе которого могут даже развиваться психосоматические заболевания. Человек пытается как-то разрешить этот конфликт, вплоть до отказа от статусно-ролевых обязательств. Но есть сфера социальной реальности, в которой возможность длительного статусно-ролевого конфликта запрограммирована изначально, этот конфликт как бы навязывается личности. Это — места лишения свободы, исправительные учреждения.

В колонии осужденный оказывается закатым «в тисках» между двумя противоположными нормативными системами. Одна — официальная, соблюдение ее требований контролируется администрацией колонии, и другая — неформальная, за соблюдением правил которой бдительно следят уголовные авторитеты. Нормы поведения каждой из этих систем не просто не совпадают, а предъявляют к личности взаимоисключающие требования.

Основная масса осужденных («мужики») все же приспосабливаются, стараясь хотя бы внешне соблюдать правила официальной и неформальной систем, внутренне не принимая ценности ни той, ни другой. Они выполняют нормы выработки и отдают положенную

долю в «общак»; покорно ходят на политзанятия и церковные проповеди, но никогда не сядут за один стол с «опущенными»; выполняют распоряжения администрации, но никогда не ослушаются авторитетов. Такая модель поведения позволяет им сохранить определенную независимость и избегать острых конфликтов. Это устраивает как администрацию, так и уголовных лидеров: формально их власть вроде бы признается.

Иное положение у двух полярных групп — привилегированных высокостатусных осужденных (воры, «бугры», авторитеты) и непривилегированных низкостатусных («шестерки», чушки, «опущенные»). Они должны строго соблюдать нормы субкультуры. Первые — потому, что глубоко усвоили ценности преступной среды, сами являются проводниками и защитниками этих ценностей, да и их неформальный авторитет во многом зиждется на знании и умении толковать воровские законы. Вторые — потому, что этого требует от них группа. У членов этих групп статусно-ролевые конфликты протекают в наиболее острой форме.

Очень часто взаимоотношения среди осужденных, их поступки, не укладывающиеся в рамки здравого смысла и свидетельствующие на первый взгляд об аномальности личности, можно объяснить с позиций статусно-ролевого конфликта. Так, некоторые психологи связывают побег незадолго до освобождения с наличием у осужденных особого психологического времени. Все сталкивались с тем, что, когда мы ждем кого-нибудь, время тянется невыносимо медленно, а когда опаздываем — летит быстро. Психологически время как бы сжимается или растягивается. Эти исследователи утверждают, что у осужденного время течет настолько медленно, что ожидание становится невыносимым, и он совершает побег за день до освобождения.

Между тем факты таких побегов можно объяснить более естественным образом. Грубое нарушение осужденным неформальных норм (неуплата карточного долга) или его конфликт с лидером группы чреваты трагическими последствиями. В побеге видится подчас единственная возможность выхода из критической ситуации: лучше получить еще два года за побег, но остаться в живых. Здесь имеет место даже не побег в правовом смысле (уклониться от наказания), а попытка сменить само место отбывания наказания. Бывают случаи, когда побег является реализацией санкции за нарушение клятвы (клятвoprеступник «забожился на побег»).

Настолько же непонятными выглядят факты членовредительства среди осужденных. Они глотают гвозди, бритвы, отрубают пальцы, ломают руки — зачем? Во-первых, членовредительство является альтернативой побегу: осужденного переводят из колонии в тюремную больницу. Это также является попыткой, во-первых, сменить место

отбывания наказания, во-вторых, не работать. Но неужели они такие убежденные тунеядцы, что им праздность дороже здоровья? Напротив, большинство осужденных стремятся работать. Работа дает заработок, возможность отовариваться в ларьке и вносит какое-то разнообразие в их однообразную жизнь. Но бывают ситуации, когда осужденный вынужден отказываться от работы, невзирая ни на какие санкции.

Крайней формой разрешения конфликта является совершение осужденным преступления. Более половины опрошенных лиц, совершивших преступление в колонии, заявили, что в тех условиях у них не было другого способа разрешения конфликта. С их точки зрения, они фактически действовали в состоянии крайней необходимости.

На практике сложились два противоположных подхода в оценке субкультуры осужденных как криминогенного фактора. Первый заключается в недооценке негативной роли субкультуры и переоценке воспитывающего влияния сотрудников исправительного учреждения и коллективов осужденных. Эта позиция приводит к отрицанию необходимости специальной работы по профилактике субкультуры. Второй подход заключается в недооценке воспитательной работы, при этом делается ставка на ужесточение режима и усиление кары. Обе крайности вредны для задачи исправления осужденных.

Признание асоциальной субкультуры объективным реальным явлением не означает, что с ее существованием надо мириться. Поскольку источником возникновения субкультуры являются резкое и существенное изменение условий жизнедеятельности и социальная изоляция, стимулирующая самоорганизацию осужденных, можно выделить два стратегических направления в профилактике субкультуры. Первое — гуманизация условий отбывания наказания, сближение, насколько это возможно, с условиями жизни на свободе. Второе — снижение социальной изоляции, расширение социально полезных контактов осужденных. Осужденные не должны ощущать себя изгоями, какой-то кастой отверженных.

Самым принципиальным в этом отношении является формирование сплоченных здоровых коллективов осужденных, способных обеспечить самоутверждение личности на основе социально полезной деятельности. Это очень трудная и, может быть, невыполнимая задача. Но, говоря о стратегии, не следует забывать и о тактике, а именно о специальных мерах по профилактике отдельных проявлений субкультуры.

Контрольные вопросы

1. Какие существуют понятия и виды рецидива преступлений?
2. Дайте характеристику особенностей рецидивной преступности.
3. В чем выражается повышенная общественная опасность рецидивной преступности?
4. Чем обусловлено различие характеристик общего и специального рецидива?
5. В чем заключаются отрицательные социальные последствия наказания?
6. Каковы основные направления профилактики рецидивной преступности?
7. Каковы особенности преступности в местах лишения свободы по сравнению с преступностью в целом?
8. Какие основные факторы влияют на состояние преступности в исправительных учреждениях?
9. Каковы объективные и субъективные факторы существования субкультуры осужденных?
10. Каковы социальные и социально-психологические особенности сообщества осужденных?
11. Каково значение статусно-ролевых конфликтов в детерминации преступного поведения осужденных?
12. Каковы основные направления профилактики преступности в местах лишения свободы?

Литература

1. *Абаджян А.В.* Проблемы пенитенциарной преступности. М., 2001.
2. *Алексеев А.И., Солопанов Ю.В.* Криминологическая характеристика и профилактика рецидивной преступности. М., 1979.
3. *Анисимков В.М.* Криминальная субкультура. Уфа, 1998.
4. *Антонян Ю.М.* и др. Особо опасные лидеры в ИТУ и воспитательное воздействие на них. М., 1989.
5. *Журавлев М.П.* и др. Изучение факторов, влияющих на преступность в ИТУ. М., 1978.
6. *Попов В.И.* Рецидив и организованная преступность. М., 1998.
7. *Преступность в России в 90-х годах и некоторые аспекты законности борьбы с нею.* М., 1995.
8. *Проблемы борьбы с рецидивной преступностью.* Томск, 1992.
9. *Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы.* М., 1993.
10. *Старков О.В.* Криминопенология. Рязань, 1998.
11. *Тирский В.В.* и др. Предупреждение рецидива преступлений. Томск, 1990.
12. *Холыст Б.* Криминология. Основные проблемы. М., 1980.
13. *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. М., 1991.
14. *Хохряков Г.Ф., Саркисов Г.С.* Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988.

Глава 11

Профессиональная и организованная преступность

Профессиональная и организованная преступность — наиболее общественно опасные виды преступности. Наличие целого социального слоя, для которого преступная деятельность является основой существования, свидетельствует о высокой степени криминализации общества. Объективная сложность изучения этих видов преступности заключается, во-первых, в том, что эти преступления высоколатентны, их исполнители принимают специальные меры для сокрытия своей деятельности. Во-вторых, понятия «профессиональная преступность» и «организованная преступность» являются криминологическими, поэтому преступления этого вида трудно отразить в официальной уголовной статистике.

По объективным признакам деяния трудно установить, относится ли оно к групповой общеуголовной или организованной преступности. В УК РФ есть только один состав, указывающий на организованную преступность, — организация преступного сообщества (ст. 210). В изучении профессиональной и организованной преступности широко используется метод экспертных оценок.

11.1. Профессиональная преступность

Под профессиональной преступностью понимается такой вид преступной деятельности, который является для субъекта основным или единственным источником средств существования, требует определенных знаний и навыков, осуществляется в тесном контакте с преступной средой.

Можно выделить четыре основных признака криминального профессионализма: 1) устойчивость вида преступного занятия (специализация); 2) наличие определенных умений и навыков (квалификация); 3) наличие связей с преступной средой (кооперация); 4) преступная деятельность является основным или единственным источником средств существования (преступление как промысел).

Основными видами профессиональной преступной деятельности являются мошенничество, кражи, скупка и сбыт краденого имущества, фальшивомонетничество. Внутри этих видов существует узкая специализация, порождающая множество преступных профессий, например, среди мошенников — кукольников, ломщиков, наперсточников, катранщиков, среди воров — карманников (щипачи, ширмачи), домушников, форточников.

В современных условиях значительным потенциалом криминальной профессионализации обладают такие составы: лжепредпринимательство; фиктивное банкротство; изготовление или сбыт поддельных денег, ценных бумаг, кредитных карт и иных платежных документов; легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем; преступления в сфере компьютерной информации.

В отличие от организованной преступности, феномен криминального профессионализма является не порождением XX в., а имеет весьма давнюю историю. И конечно, особое место в нем занимает воровство — одна из самых древнейших и «почтеннейших» преступных профессий. Такая воровская специальность, как карманник, требует довольно высокой квалификации: необходимы специальные навыки и хорошо отработанная техника. Карманник годами шлифует свое мастерство, добиваясь необходимой гибкости и чувствительности пальцев, иногда для этого снимая даже верхний слой кожи. Физический труд карманникам крайне противопоказан.

К опыту воров-карманников часто апеллируют ученые в спорах об эффективности суровых наказаний. Почти в каждой публикации приводится пример, что в Древнем Риме (или в Византии, или в Османской империи), когда на площади вору отрубали руку, в это время в толпе шныряло огромное количество карманников, использующих профессионально благоприятную ситуацию. Здесь каждый получал свое: плебс — зрелище, карманники — хлеб. Да и самый знаменитый преступник России XVIII в. — Иван Осипов по кличке Ванька-Каин был по профессии карманником. Скандальную известность ему придавал тот факт, что после побега из острога он поступил на службу в полицию, где, используя свое знание преступного мира Москвы, проявил необычайное рвение и добился впечатляющих успехов. Но в конце концов он зарвался, вымогая деньги как у своих бывших сотоварищей, так и у законопослушных обывателей, и был арестован московским полицмейстером.

Иван Осипов предвосхитил карьеру самого, пожалуй, известного преступника XIX в. — француза Ф. Видока. Он также после побега с каторги предложил свои услуги парижской префектуре полиции в обмен на прощение за прежние грехи. То ли безысходность (преступность захлестнула Париж), то ли собственная проницательность помогли префекту принять правильное решение: была создана засекреченная группа Видока с небольшим штатом сотрудников, в основном из бывших уголовников. Результаты были ошеломляющие: за год группа Видока арестовала более 800 убийц, грабителей и мошенников, ликвидировала десятки притонов.

Конечно, этому способствовали прекрасное знание Видоком «дна» Парижа и его личное знакомство со многими представителя-

ми преступного мира (например, Ф. Видок отбывал каторгу с членами известного клана убийц Корню). Но, кроме того, группа Видока широко и очень профессионально использовала, как бы мы теперь сказали, методы оперативно-розыскной деятельности: вербовка агентов, внедрение своих сотрудников в преступные шайки, подсадка «наседок» в тюремные камеры, инсценирование в целях конспирации смерти своих сотрудников и т.д. Из группы Ф. Видока фактически выросла парижская уголовная полиция, да и вся французская криминальная полиция.

Карьера Ф. Видока не выглядела сверхисключительной во Франции того времени: солдат мог стать маршалом и графом, а преступник — шефом уголовной полиции. В отличие от Ваньки-Каина, судьба Ф. Видока была более удачной: после 20 лет службы он вышел в отставку, стал литератором, дружил с О. Бальзаком.

Раньше профессиональные преступники овладевали профессией кустарным способом или же шлифовали свое мастерство в специальных «школах» (а воровские школы существовали во Франции уже в XVIII в.). Современные криминальные профессионалы часто используют специальные знания и умения, полученные ими в государственных образовательных учреждениях или на государственной службе (для банковских махинаций, компьютерных преступлений, организации терактов, убийств по найму и т.д.).

Существование профессиональной преступности в нашем обществе было признано совсем недавно. В 30—80-х гг. прошлого столетия считалось, что профессиональная преступность у нас ликвидирована. Действительно, в СССР практически исчезли медвежатники (взломщики сейфов), фармазонщики (мошенничество с использованием фальшивых драгоценностей), хипесники (использование для совершения преступлений проституток) и т.д. Но оставались карманники, домушники, кукольники, карточные шулера и др.

В 70—80-х гг. большое распространение получил такой новый вид, как подпольное производство товаров народного потребления («цеховики»). Росла и должностная преступность. Но поскольку явление официально считалось несуществующим, не изучались причины и условия его существования, не велась соответствующая статистика. О состоянии и структуре профессиональной преступности тех лет можно судить только по данным оперативного учета МВД и выборочным сведениям отдельных исследований.

Поскольку явление профессиональной преступности не изучалось, не разрабатывались и меры ее предупреждения. Практические работники, сталкивавшиеся с этим явлением, исходили из того, что лучший способ предупреждения — это изобличение и наказание преступников («вор должен сидеть в тюрьме»). Но наиболее опасную категорию профессиональных преступников («воры в законе») трудно изобличить, они редко бывают исполнителями.

В этой ситуации наиболее эффективными выглядят специальные меры организационно-управленческого и уголовно-правового характера. К ним относятся: увеличение численности и совершенствование оперативного аппарата правоохранительных органов, создание в их структуре специализированных подразделений; приспособление уголовно-правовых институтов к современным реалиям; введение дополнительных квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств, связанных со специализацией преступников, или даже закрепление в законе криминологического понятия «профессиональный преступник».

Эти меры способны в определенной степени повысить эффективность борьбы уголовной юстиции с криминальным профессионализмом, но не могут оказать существенного влияния на причины существования профессиональной преступности. Это тем более справедливо по отношению к качественно новой и наиболее опасной форме криминального профессионализма — организованной преступности.

11.2. Организованная преступность

Согласно одному из определений под организованной преступностью понимается деятельность устойчивых управляемых сообществ преступников, имеющих систему защиты от социального контроля и занимающихся совершением преступлений как бизнесом. Из этого определения можно вычленить следующие признаки организованной *преступности*.

Организованность. По степени организации преступных групп можно выделить три уровня.

Первый — устойчивая группа с внутренней дисциплиной, в которой есть главарь и соучастники, все знают друг друга, подготовка и совершение преступлений совершается совместно. Численность группы — от трех до десяти человек. Советское уголовное право знало только группы этого уровня — группа с предварительным сговором, банда, антисоветская организация.

Второй уровень — преступная группировка численностью в 20—100 человек, организованная по структурно-функциональному принципу. Руководитель и исполнители чаще всего незнакомы. Группировка может включать в себя специализированные подразделения: центры подготовки, боевики, органы разведки и контрразведки, финансисты и т.д. Для легализации своей деятельности и отмывания преступных капиталов группа имеет прикрытие в виде банков, фирм, охранных агентств. Она устанавливает разветвленные коррумпированные связи в государственном аппарате и правоохранительных органах. В состав преступной группировки могут входить организованные

группы первого уровня (банды), специализирующиеся на отдельных видах преступной деятельности. В этом случае их деятельность также охватывается понятием «организованная преступность».

Группировка стремится установить контроль над всеми видами неорганизованной преступной деятельности на определенной территории или в определенной отрасли. Это неизбежно приводит к столкновению с другими группировками, что влечет многочисленные «разборки». Перераспределение сфер криминального влияния, усиление требований к конспирации преступной деятельности, выход на межрегиональные и международные связи создают объективные предпосылки для формирования преступных сообществ.

Третий уровень — преступное сообщество (преступная организация или преступный синдикат), объединение нескольких преступных группировок с высокой степенью координации и специализации преступной деятельности. Руководство осуществляет, как правило, совет представителей. Имеет межрегиональные и международные связи, активно участвует в разделе и закреплении сфер влияния. Как правило, преступное сообщество имеет все внешние признаки легализованности и респектабельности.

Понятие «организованная преступность» не тождественно понятию «организованность в преступности». Первое относится только к высшим формам такой организованности (преступная группировка, преступное сообщество).

Наличие системы защиты от социального контроля. Эта защита осуществляется как путем подкупа должностных лиц (коррупция), так и путем организации противодействия правоохранительным органам (поступление на службу в эти органы доверенных лиц преступных групп, компрометация и дискредитация сотрудников этих органов с помощью печати и коррумпированных должностных лиц и даже их физическое устранение). Организованная преступность отказалась от двух фундаментальных идеологических постулатов преступного мира: не владеть собственностью и не сотрудничать с властью. Сращивание организованной преступности с государственным аппаратом — ее необходимый признак.

Извлечение прибыли как цель преступной деятельности. Криминальные группировки контролируют тысячи предприятий и организаций разных форм собственности или владеют ими. Преступные организации, не пренебрегая чисто уголовной преступной деятельностью, основное внимание уделяют криминально-коммерческой деятельности, позволяющей извлекать сверхдоходы и сразу предоставляющей желанный «товар» — деньги.

Особое значение приобретает легализация их деятельности и огромных доходов, а также надежная защита этих доходов от конкурентов и государства. Эта необходимость объективно толкает лиде-

ров преступных организаций (самостоятельно или через «надежных людей») к «хождению во власть», проникновению в органы государственной власти и управления.

Легализация криминальных капиталов — это необходимая и важнейшая часть деятельности организованной преступности. Общественная опасность легализации преступных доходов состоит в том, что такая деятельность является экономической базой для самовоспроизводства преступности, служит основным способом криминализации национальной и международной экономики, наносит вред экономическому развитию страны (утечка капиталов). В августе 2001 г. принят Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», в 2002 г. создан специальный орган — Комитет по финансовому мониторингу. Россия участвует в работе межгосударственной финансовой комиссии по противодействию отмыванию преступных доходов (ФАТФ).

Преступления, совершаемые преступными группировками, весьма разнообразны по своему характеру. По функциональному признаку их можно разделить на два класса. К первому относятся преступления, служащие средством достижения главной цели преступной организации, которые наиболее эффективны для получения высокого дохода (контрабанда, вымогательство, фиктивное банкротство, подделка ценных бумаг, финансовые махинации, торговля наркотиками и оружием и т.д.). Ко второму — преступления, обеспечивающие подготовку, осуществление и сокрытие основных видов преступной деятельности (кражи автомашин, оружия, подделка документов, взятка, похищение человека, убийство и т.д.). Это обуславливает трудности учета организованной преступности, ее адекватное отражение в статистике: одно и то же преступление (например, умышленное убийство) может быть проявлением организованной преступности, а может и не быть.

Проявления организованной преступности действительно многообразны, но общественное мнение обычно связывает их только с заказными убийствами известных бизнесменов, политиков и уголовных авторитетов или со скандальными арестами высших государственных чиновников.

Повышенная общественная опасность организованной преступности обусловлена тем, что она посягает на сами основы существования государства:

- экономические — ограничение конкуренции и монополизация рынка, увеличение издержек производства за счет «криминального налога», что снижает эффективность рыночных механизмов;

- политические — разложение государственного аппарата с помощью коррупции, проникновение в исполнительные и законодательные органы государственной власти;
- морально-психологические — подрыв авторитета всех институтов власти, создание в обществе атмосферы страха и неуверенности.

В российских условиях опасность организованной преступности возрастает многократно, потому что наряду с «традиционной» деятельностью (наркобизнес, порнобизнес, рэкет, торговля оружием) она активно внедряется в сферу легальной экономики — добыча и переработка сырья, банковское дело, приватизация государственной собственности («алюминиевые» войны), операции с недвижимостью. Это создает угрозу экономической безопасности страны. Организованная преступность даже исполняет государственные функции: в современной российской экономике возврат долгов кредиторам чаще обеспечивают не суды, а бандиты. Борьба с организованной преступностью должна вестись всем обществом, объединенными усилиями всех государственных институтов.

Стратегия борьбы с организованной преступностью состоит в вытеснении ее из сферы легальной экономики и подрыве ее материальной и финансовой базы. Необходимым условием этого являются тщательно разработанное рыночное законодательство, создание современной налоговой системы и мощной налоговой службы, которые были бы способны отсеять криминальные структуры от источников сверхдоходов и лишить мафию возможности извлекать сверхприбыли. Так, изменение порядка квотирования вывоза сырья, лицензирования некоторых видов коммерческой деятельности или оформления сделок с недвижимостью может оказать большее воздействие на состояние организованной преступности, чем какая-нибудь уголовно-правовая норма. Необходим государственный контроль над оборотом наличных денег, целевым расходованием бюджетных средств. Следует ввести систему учета не только доходов, но и расходов физических лиц, шире применять практику арестов банковских счетов и конфискации преступных доходов.

К тактическим можно отнести меры уголовно-правового реагирования. Еще при существовании СССР в структуре МВД было создано Шестое управление, специализировавшееся на борьбе с организованной преступностью. В МВД России эта структура теперь называется Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, который имеет свои подразделения на региональном и местном уровнях. При отсутствии законов о борьбе с организованной преступностью эта деятельность регулировалась указами Президента РФ «О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с организованной преступно-

стью» (1992 г.), «О борьбе с бандитизмом и другими опасными формами организованной преступности» (1994 г.). В 1995 г. принят Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». В том же году Государственной Думой были приняты Федеральные законы «О борьбе с коррупцией», «О борьбе с организованной преступностью», но они до сих пор не введены в действие.

В отечественном законодательстве установлена уголовная ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем (ст. 210 УК РФ), легализацию (отмывание) преступных доходов (ст. 174, 174¹), коммерческий подкуп (ст. 204). Предусмотрена также уголовная ответственность за насильственные действия или угрозу таких действий в отношении участников судебного процесса (ст. 295, 296, 309), легализованы доказательства, получаемые оперативным путем. Это создает необходимую (но не достаточную) правовую базу для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. Отнесение уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью к разряду тактических ни в коей мере не говорит об их второстепенности или малозначительности.

В 2004 г. наконец принят Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Ведь беззащитность свидетелей, потерпевших, присяжных заседателей, других участников уголовного процесса перед давлением преступников создает угрозу самому существованию правосудия, демонстрирует бессилие государства перед лицом организованной преступности.

Поскольку современная организованная преступность приобрела транснациональный характер, важным направлением борьбы с ней является международное сотрудничество.

11.3. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью

Координатором международного сотрудничества в борьбе с преступностью является ООН и ее специализированные органы. В 1971 г. при ООН был создан Комитет по предупреждению преступности и борьбе с ней. Комитет представляет рекомендации по проблемам преступности Генеральной Ассамблеи ООН, разрабатывает проекты международных конвенций по борьбе с преступностью, организует подготовку международных конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Международные конгрессы созываются один раз в пять лет. Они способствуют международному обмену опытом по проблемам предупреждения преступности, деятельности национальных органов уголовной юстиции и законодательных органов в этой области. На-

чаяя со II конгресса (Лондон, 1960 г.) в них принимают участие и представители нашей страны.

В настоящее время Россия присоединилась почти ко всем международным конвенциям по борьбе с преступностью. Отдельные направления борьбы с преступностью координируют такие специализированные органы ООН, как Интерпол, Комиссия по наркотическим веществам, Международный совет по контролю за наркотиками, Совет таможенного сотрудничества и др.

Наряду с ООН и ее специализированными органами в координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью все большую роль играют международные неправительственные организации — Международная ассоциация уголовного права, Международное криминологическое общество, Международное общество социальной защиты, Всемирное виктимологическое общество. Одним из важных направлений борьбы с организованной преступностью является международное сотрудничество, объединение усилий государств и международных организаций в борьбе с этим явлением. Организованная преступность, осуществляя транснациональный незаконный оборот оружия и наркотиков, налаживая связи с международным терроризмом, тем самым создает серьезную угрозу международному правопорядку. Отмывая полученные в результате таких операций огромные капиталы, организованная преступность создает угрозу национальным и международным финансовым системам и всей экономике. Осознание реальности этой угрозы является объективной основой для заинтересованного международного сотрудничества.

Сотрудничество осуществляется на двух- и многосторонней основе. В Руководящих принципах ООН для предупреждения организованной преступности и борьбы с ней 1990 г. не только определена стратегия предупреждения организованной преступности, но и предложены основные формы международного сотрудничества, а именно:

- согласование национальных законодательств в соответствии с рекомендациями Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (об участии в преступной организации, об отмывании преступных доходов, ограничении банковской тайны, о конфискации преступных доходов, государственной защите свидетелей и потерпевших, создании национальных специализированных межведомственных органов по борьбе с организованной преступностью и т.д.); обмен информацией, касающейся организованной преступности; экстрадиция (выдача преступников) в рамках договоров о выдаче и взаимной правовой помощи;

- взаимная помощь в аресте и конфискации доходов от преступной деятельности;
- сотрудничество полицейских подразделений в рамках Интерпола, Европола и на двусторонней основе (обмен информацией, подготовка кадров и обмен опытом, сотрудничество по конкретным делам).

Россия вступила в международные полицейские организации, в структуре МВД России создано Национальное бюро Интерпола.

Международное сотрудничество имеет необходимую правовую базу. Это Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., европейские Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. и об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г., Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. и др.

Правовой основой для координации борьбы с организованной преступностью в странах СНГ служит Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписана 22 января 1993 г. в Минске, ратифицирована Россией в июне 1994 г.). В сентябре 1994 г. принято решение о создании в Москве постоянно действующего межгосударственного органа — Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными преступлениями на территории СНГ.

Контрольные вопросы

1. Какие основные признаки характеризуют профессиональную преступность?
2. В чем различие между рецидивной и профессиональной преступностью?
3. Каковы основные виды профессиональной преступности?
4. В чем отличие профессиональной и организованной преступности?
5. Какие основные признаки характеризуют организованную преступность?
6. Какие выделяют уровни организованности в преступности?
7. Как связаны коррупция и организованная преступность?
8. В чем заключается повышенная общественная опасность организованной преступности?
9. В чем состоит стратегия и тактика борьбы с организованной преступностью?
10. Какие организации осуществляют координацию международного сотрудничества в борьбе с преступностью?
11. В каких формах осуществляется международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью?

Литература

1. *Вильямс Ф.* Российская организованная преступность. М., 2000.
2. *Гуров А.И.* Профессиональная преступность (прошлое и современность). М., 1990.
3. *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1997.
4. *Долгова А.И.* Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
5. *Долгова А.И.* Преступность и общество. М., 1992.
6. *Дышев С.М.* Россия уголовная. От воров в законе до отморожков. М., 1998.
7. *Лебедев С.Я.* Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность. Омск, 1989.
8. *Коррупция и борьба с ней.* М., 2000.
9. *Максимов С.В.* Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000.
10. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. М., 2001.
11. *Организованная преступность-3* / Под ред. А.И. Долговой и С.В. Дьякова. М., 1996.
12. *Организованная преступность-4* / Под ред. А.И. Долговой и С.В. Дьякова. М., 1998.
13. *Основы борьбы с организованной преступностью.* М., 1996.
14. *Преступность и власть.* М., 2000.
15. *Разинкин В.С.* Воры в законе и преступные кланы. М., 1995.
16. *Разинкин В., Тарабрин А.* Цветная масть. Элита преступного мира. М., 1997.
17. *Топильская Е.В.* Организованная преступность. СПб., 1999.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Методологические проблемы внутренне присущи научной деятельности. Они лежат в ее основе в качестве внеэмпирических предпосылок, сами рождаются и разрешаются в процессе этой деятельности. В криминологии как степень осознания этих проблем, так и их реальная значимость для конкретных научных исследований были существенно различными на разных этапах развития науки. На этапе накопления и систематизации материала такие проблемы, если и не элиминировались вовсе из процесса исследования, то, по крайней мере, не осознавались в качестве насущных.

Когда же криминология переходит к этапу объяснения и предсказания, на котором она, собственно, и проявляет себя вовне как предметное и социально значимое явление, методологические вопросы не могут игнорироваться и приобретают особую актуальность. Это обусловлено как логикой развития самой науки, потребностью в научном самопознании, так и чисто практическими задачами. От оптимальности выбора направлений криминологического исследования, обоснованности теоретических положений зависят действенность и применимость рекомендуемых наукой практических мер и, в конечном счете, социальная эффективность криминологии как науки.

Методологическая проблематика становится востребованной и в период застоя или кризиса. Вот как оценивают современное состояние криминологической науки авторы одного из учебников: «Анализ развития криминологической мысли показывает, что за последние десятилетия в данной области новых фундаментальных теорий не появилось. Вряд ли это может означать, что криминальный феномен окончательно познан. Скорее всего, исследователи приблизились к рубежу определенного уровня понимания преступности. Для преодоления этого рубежа и перехода на новую ступень познания, вероятно, имеющихся сегодня знаний недостаточно»¹.

Как показывает история науки, необходимым подготовительным этапом для перехода на эту новую ступень познания является критическая оценка устоявшихся взглядов и представлений. Следует по-новому взглянуть на сами основы науки, проанализировать фундаментальные, исходные понятия. Это было сделано в свое время, например, в математике в отношении понятий «множество», «бесконечность»; в физике — «пространство», «время», «метрический интервал». Возможно, подобную интеллектуальную работу предстоит проделать и криминологам.

¹ *Криминология* / Под ред. А.И. Долговой. М., 1997. С. 436.

Глава 12

Является ли криминология наукой?

Специфика объекта, предмета криминологии, ее место на стыке разных наук неизбежно порождают споры о самом характере этой науки: является ли она правовой, самостоятельной, комплексной, междисциплинарной, общетеоретической и т.д.

Достаточно давно существует и крайняя точка зрения, полагающая, что криминология вообще наукой не является. Э. Сатерленд в своей известной работе «Принципы криминологии» утверждал, что криминология скорее есть вид искусства, или ремесла, основанного на многих науках и дисциплинах¹. В этом отношении криминология сходна с медициной, которая, как считают некоторые исследователи, является искусством, в основе которого лежат многие естественные и поведенческие науки. Аналогично и криминология является видом искусства, основанным на социальных и поведенческих науках, к тому же широко использующим право и религию. Сходную позицию занимают и многие представители так называемой клинической криминологии. По их мнению, криминолог является не ученым, а экспертом-клиницистом, который призван осуществлять коррекцию личности преступника путем психоанализа, медикаментозного и электрошокового воздействия, лоботомии и т.д.²

В отечественной криминологии тоже существует похожий взгляд на криминологию. Но, в отличие от Э. Сатерленда, наши ученые Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин обосновывают тезис о вне-научном статусе криминологии, исходя «изнутри» самой науки, используя аргументацию логико-методологического характера. Для подтверждения этого тезиса в их книге выстраивается целая система доказательств. Первый элемент системы — выявление и формулировка семи неразрешимых парадоксов, существующих в криминологии³. А дисциплина, замечают авторы, мирящаяся с подобными парадоксами или, хуже того, не замечающая их, вряд ли может претендовать на звание науки.

Действительно, непротиворечивость знания является одним из идеалов науки. Наличие в теории противоречий и парадоксов ставит под сомнение достоверность и обоснованность полученного зна-

¹ *Sutherland E.H., Cressey D.R. Principles of Criminology. 7th ed. Philadelphia, 1966. P. 20.*

² *Di Tullio B. Principi di criminologia clinica e psichiatria forense. Roma, 1960.*

³ *Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Основания криминологии. Опыт логико-философского исследования. Минск, 1990. С. 37—48.*

ния, саму способность теории правильно отражать действительность. Противоречивая теория не имеет никакой практической ценности, поскольку по законам логики из противоречия можно вывести все, что угодно. Любая научная теория стремится избавиться от возникающих противоречий, и необходимость их разрешения является мощным внутренним стимулом развития науки.

Парадоксы, возникающие в процессе познания, известны со времен Древней Греции (апории Зенона). Они отражают не незрелость научного познания, а сам противоречивый характер такого познания. Об этом свидетельствует возникновение парадоксов и в современной науке (семантические парадоксы в современной формальной логике, парадоксы теории множеств, парадоксы общей теории систем и т.д.).

Возникающие противоречия могут быть разной степени общности. Одни обнаруживаются на периферии теории, касаются некоторых частных следствий и могут быть «блокированы», существенно не влияя на логическую стройность и практическую эффективность теории. Но могут обнаружиться противоречия в самих основаниях теории (или науки) в ее исходных понятиях и постулатах. Тогда теория должна перестроиться, выработать иные, не приводящие к противоречиям понятия и постулаты. В противном случае она потеряет статус научной теории. Именно о таких противоречиях (или парадоксах, как говорят авторы) идет речь в работе Ю.Д. Блужштейна и А.В. Добрынина, в высшей степени интересной своим нетривиальным подходом к фундаментальным проблемам криминологии.

Парадоксы либо не относятся к предмету криминологии, либо не являются столь уж парадоксальными и могут быть как-то разрешены в рамках криминологии. Строго говоря, формулировки авторов не выражены в форме парадоксов. Ведь ими, с логико-лингвистической точки зрения, можно считать рассуждение, доказывающее либо истинность двух высказываний, каждое из которых является отрицанием другого, либо ложность высказывания при предположении о его истинности, и наоборот¹.

Итак, парадокс первый — парадокс «общественной опасности деяния»: деяниям присуще особое свойство «общественная опасность». Обнаружение этого имманентного свойства является необходимым и достаточным условием для криминализации деяния. Общественная опасность возникает в момент криминализации и исчезает в момент декриминализации, т.е. законодатель как бы по собственной воле может менять имманентные свойства явлений.

¹ Ивин А.А. Софизмы как проблемы // Вопросы философии. 1984. № 2. С. 70.

На это можно было бы возразить, что данный парадокс относится скорее к уголовному праву, а не к криминологии. Но поскольку многие криминологи считают, что криминология черпает из уголовного права все основные понятия и общетеоретические представления (или даже является частью уголовного права), то этот парадокс становится и криминологическим.

Для того чтобы избавиться от парадокса, можно пойти по другому пути. Признав, что общественная опасность, понимаемая как причинение или поставление в опасность причинения вреда, не является специфическим свойством преступления, можно рассматривать преступление в ряду иных правонарушений и социально вредных деяний (административные проступки, наркомания, алкоголизм), т.е. преступление можно рассматривать в качестве крайней формы отклоняющегося поведения.

Но тогда, уйдя от одного парадокса, мы получим другой — парадокс «отклоняющегося поведения»: как определить норму, отклонение от нормы, крайнюю степень такого отклонения? Кроме того, последовательно антилегалитский подход, отрицание любых правовых критериев может привести к тому, что социальная производность норм станет интерпретироваться как их произвольность, а каждый исследователь в результате будет иметь свой предмет исследования. И не превратится ли тогда криминология в чистую социологию преступности, т.е. в отрасль социологии?

Таким образом, независимо от того, признается ли в качестве оснований криминологии уголовное право или социология, парадоксы сохраняются. Наиболее логичный выход из этого — построить криминологию на собственных основаниях, отличных от уголовного права и социологии. Но хотя большинство криминологов и считают криминологию самостоятельной наукой, в настоящее время постановка вопроса о собственных основаниях криминологии не является общепризнанной, не говоря уже о способах ее решения.

И все же Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин склоняются к тому, что следует предпочесть парадокс отклоняющегося поведения как меньшее зло. Поскольку, принимая в качестве оснований криминологии уголовное право (или, как говорят авторы, придерживаясь нормативистской парадигмы), мы столкнемся еще с рядом парадоксов.

Главный из них — парадокс «общественной опасности личности»: если попытаться определить личность преступника через такое специфическое свойство, как «общественная опасность», то это приведет к неразрешимому противоречию. О личности преступника можно говорить в случае, когда налицо обвинительный приговор суда. Но если под общественной опасностью понимать угрозу наступления опасных последствий, то такая угроза должна существовать до со-

вершения преступления. Иначе говоря, до совершения преступления есть опасность личности, но нет личности преступника. После совершения преступления появляется личность преступника, но зато опасности как угрозы, как потенции уже нет: она реализована в самом преступном деянии.

Идентичной (даже в текстуальном отношении) позиции придерживается и А.М. Яковлев¹. Подобный парадокс возникает всегда, при любом определении личности преступника, если его строить на «твердой правовой основе», т.е. на основе понятия «субъект преступления». Попытка соединить уголовно-правовой и криминологический подходы к личности преступника ведет к противоречию.

Конечно, избавиться от парадокса можно, отойдя от твердой правовой основы. Но, сойдя с нее, предположив, что понятие «общественная опасность личности преступника» обращено в будущее, что его криминологическое содержание не тождественно уголовно-правовому (в первом случае опасность определяется вероятностью совершения преступления, во втором — тяжестью деяния), не вступаем ли мы, как полагают некоторые криминологи, на почву «опасного состояния деятеля», не скатываемся ли на позиции «превентивного уголовного права»²?

Если вспомнить историю, то уже основоположники криминологии придавали большое значение возможности прогнозирования преступного поведения, оценке вероятности совершения преступления. А. Кетле на основе теории вероятности пытался вывести математическую формулу для расчета склонности человека к преступлению³. Но его вряд ли можно причислить к сторонникам теории опасного состояния деятеля, для него преступник — лишь орудие. Да и сам автор этого понятия Э. Ферри не связывал фатально общественную опасность личности с совершением именно преступлений: «Вместо того чтобы заколоть свою жертву, ее можно вовлечь в какое-нибудь гибельное предприятие; вместо того чтобы грабить на проезжей дороге, можно обирать людей посредством биржевой игры»⁴.

А.М. Яковлев свое отрицательное отношение к использованию в криминологии понятия «общественная опасность личности преступника» мотивирует и тем, что это понятие создает угрозу для режима законности⁵. Но поскольку А.М. Яковлев сам выступает

¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 90—91.

² Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969. С. 98—101.

³ Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866. С. 94—97.

⁴ Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. 68.

⁵ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 89—93.

против перенесения уголовно-правовой модели преступника (это область долженствования) в криминологию (это область сущего), то правомерен вопрос: каким образом криминологические понятия, которые, по его справедливому мнению, имеют эмпирическое происхождение и охватывают область сущего, могут подрывать режим законности, относящийся к области долженствования?

В общем можно понять мотивы ученых, пытающихся «изгнать» понятие «общественная опасность личности преступника» из криминологии. Но эти мотивы лежат в сфере не науки, а, скорее, идеологии и политики. Ведь всегда методы воздействия на преступников, если вспомнить историю, увязывались с определенным пониманием сущности личности преступника: криминологическое знание переносилось в сферу права.

В Средние века преступник рассматривался в качестве грешника, искомое дьяволом к нарушению божественных заповедей. Применяемое наказание, исходя из принципа милосердия, должно быть гуманным, без пролития крови (сожжение на костре). Цель наказания — изгнать дьявола, спасти христианскую душу (путем умерщвления тела) от враждебного влияния.

В эпоху Просвещения человек рассматривался как разумный эгоист, желающий получать удовольствия и стремящийся избегать страданий. Преступник, совершая преступление, стремится получить выгоду от содеянного. Цель наказания — сделать совершение преступлений невыгодным. Отсюда вытекает и пропорциональная система наказаний: преступник должен испытать страдания пропорционально содеянному.

Преступник является атавистическим, первобытным существом (ломброзианство), поэтому к нему следует применять меры не уголовного наказания, а социальной защиты (лечение, изоляция, уничтожение). Цель применения — самозащита общества.

Преступник есть проявление социального атавизма (советская криминология), носитель пережитков прошлого, «родимых пятен» капитализма (индивидуализма, стяжательства, частнособственнической психологии), поэтому наказание надо соединять с мерами исправительно-трудового воздействия — общественно полезный, почти бесплатный труд, воспитание в коллективе, идеологическая политико-воспитательная работа. Главная цель наказания — перевоспитать преступников, перековать их в активных строителей коммунистического общества.

Здесь полностью стиралась грань между наукой и правом как качественно различными формами социального познания. Криминологические понятия превращались в главные основания установления уголовно-правовых норм, относящихся к институту наказа-

ния. Этому, конечно, во многом способствовала и идеологическая «нагруженность» самих криминологических понятий.

Никто не оспаривает тезиса о социальной обусловленности правовых норм вообще и значения личности преступника как криминологического основания норм уголовного права в частности. Но не следует забывать о том, что нормы уголовного права имеют не только криминологические основания. Не следует также социальную про-изводность норм трактовать как их произвольность: право как относительно самостоятельное социальное явление обладает и своими внутренними свойствами, и закономерностями. Для того чтобы цель, поставленная перед наказанием, была достижимой, надо исходить не только (а может быть, не столько) из особенностей (действительных или мнимых) личности преступника, но и из объективных свойств самого уголовного наказания.

«Идеологизация» научных проблем, вообще говоря, свойственна не только криминологическому знанию. Многие проблемы других наук, общественных и естественных, не избежали этой участи: социал-дарвинизм в социологии, евгеника в генетике. Даже астрономические проблемы, если углубиться в историю, были объектом ожесточенной идеологической борьбы. Но это обстоятельство не свидетельствует в пользу применения внаучной аргументации. Известно, например, что наличие особей с наследственными заболеваниями отягощает генофонд популяции, является генетической «миной замедленного действия». Исходя из этого факта, предлагалась (а где-то осуществлялась и на практике) стерилизация таких лиц. Но отрицание негуманной идеи не должно вести к отрицанию самого факта, возмущение порочной общественной практикой не следует распространять на сами научные исследования, установившие этот факт.

Или возьмем такой пример. Известно, что состояние алкогольного или наркотического опьянения существенно влияет на поведение человека: ослабляются сдерживающие центры поведения, сужается поле сознания, человек «себя не помнит». Многие люди никогда бы в нормальном состоянии не совершили того, что совершают в состоянии опьянения. Должно ли уголовное право учитывать этот криминологический факт и признать состояние опьянения обстоятельством, смягчающим ответственность? Нет, не должно, это способствовало бы разрушению оснований уголовной ответственности и ослаблению социального контроля. Уголовное право исходит из того, что вменяемое лицо добровольно употребляло алкоголь и знало, к каким последствиям это может привести. Для уголовного права криминологические факты и выводы не являются обязательными, они учитываются, соотносясь с собственными целями и задача-

ми уголовного права. Точно так же криминология может учитывать, а может и не учитывать какие-то положения уголовного права.

Если отрицать прогностический аспект понятия «общественная опасность» (опасность как возможность совершения преступления), то его существование и употребление теряют всякий криминологический смысл, как теряет криминологический смысл понятие «личность преступника», если оставить в нем лишь один признак — факт совершения преступления. Употреблять это понятие следует с учетом прошлой деятельности личности. Но это не значит с криминологической точки зрения, что общественная опасность преступника состоит лишь в его преступном прошлом и настоящем.

Обращенность понятия «общественная опасность» в будущее не обязательно ведет к теории опасного состояния, поскольку эта опасность устанавливается на основе совершения определенных поступков. И профилактическая работа с лицами, ранее судимыми или ведущими антиобщественный образ жизни, проводится потому, что они уже совершали какие-то конкретные действия, позволяющие предполагать возможность совершения ими преступления. Эти предположения основаны не на абстрактной возможности, а на обобщении социальной практики, которая свидетельствует о том, что определенная деятельность либо ведет к криминализации личности, либо сама является фактором, способствующим преступным проявлениям¹.

Но поскольку это лишь предположение, а достоверное установление факта общественной опасности без преступного деяния невозможно, к таким лицам применяется не уголовное наказание, а иные меры воздействия (административный надзор, постановка на учет и т.д.). Можно согласиться с Г.М. Миньковским, утверждавшим, что «необходимо также разграничение момента появления и момента установления факта общественной опасности. Первое возникает до, второе — после совершения преступления, поскольку единственное достоверное основание для такого вывода — преступление»².

Действительно, явление существует до и независимо от познания. Но только познавательный акт (факт достоверного установления судом) превращает его из «вещи в себе» в «вещь для нас». И признание того, что общественная опасность личности возникает до

¹ О возможностях криминологического прогнозирования на этой основе см.: *Закалюк А.П.* Разработка методик индивидуального криминологического прогнозирования // *Криминология и уголовная политика*. М., 1985. С. 135—138.

² *Миньковский Г.М.* Личность несовершеннолетнего преступника и современные проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР. Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 14.

преступления, не свидетельствует о переходе на позиции опасного состояния или преступной личности. Важно только не переносить криминологические понятия непосредственно в сферу уголовного права.

Видимо, не случайно многие криминологи (А.Б. Сахаров, Б.В. Волженкин, В.Д. Филимонов и др.) с таким упорством отстаивают право на существование понятия «общественная опасность личности преступника». Представляется, что в этом понятии они пытаются отразить тот реальный факт, что существуют лица (и группы) повышенной криминогенности (например, рецидивисты). Это понятие видится необходимым и для разработки прогнозов индивидуального преступного поведения, мер индивидуальной профилактики.

Если понятие несет прогностическую нагрузку, если оно работает, то почему от него нужно отказываться? К научному понятию следует подходить не с этической меркой хорошего или плохого, а с гносеологической — отражает ли его содержание (и в какой степени) что-то в объективной реальности. Да, понятие «общественная опасность» является оценочным, как практически все понятия, характеризующие личность. Но в любых науках, даже естественных, не обходятся без использования таких понятий (понятие «больше» в математике). Оценочный характер понятия — не недостаток, а его особенность, которую следует иметь в виду при его использовании. Рассматривая же опасность личности как вероятность совершения преступления, связывая его с совершением определенных действий, мы тем самым в некоторой степени объективируем его.

Не исключено, что эмоциональность и острота спора в определенной степени связана с уголовно-политическим характером самого термина. Возможно, для отражения этого явления целесообразнее использовать другие термины, уже имеющиеся в криминологии (несмотря на их неопределенность), — асоциальная установка, асоциальная направленность и т.д. Во-первых, они, являясь чисто криминологическими, не будут смешиваться с понятием «общественная опасность» в уголовном праве. Во-вторых, они более нейтральны в социальном плане. Другое дело, что по своему характеру они также являются оценочными.

Следующий парадокс — «свобода воли» — также имеет своим источником уголовное право: принцип свободы воли, который необходим для обоснования уголовной ответственности, вступает в противоречие с детерминистическим подходом к поведению в криминологии. Научное познание начинается там, где наличие некоего «А» позволяет считать неизбежным появление некоего «В». Такой подход плохо согласуется с концепцией свободы воли, в духе которой только от усмотре-

ния, наделенного сознанием «А», зависит наступление одного из мыслимой серии событий «В», «С», «Д».

Не будем акцентировать внимание на том, что в этой формулировке свобода воли фактически трактуется как волюнтаризм и что противоположная ему концепция о полной предопределенности человеческого поведения также таит в себе немало противоречий. Суть в том, что проблема соотношения детерминизма и свободы воли действительно существует, и она не нова, и это проблема не только криминологии. Как известно, еще Э. Ферри в своей теории позитивной ответственности отвергал постулат «свободы воли» как противоречащий достижениям современной ему психофизиологии и опасный для правоприменительной практики¹. То, что постулат свободы воли, воспринятый из уголовного права, противоречит детерминистическому подходу к поведению в криминологии, отмечал и А.М. Яковлев².

Если уйти от волюнтаристской трактовки проблемы и переформулировать ее как свободу выбора, то соединение принципов детерминизма и свободы воли становится возможным. Правовое поведение всегда осуществляется в ситуации неопределенности, объективно предполагающей возможность выбора правомерного варианта. Отсутствие такого варианта исключает свободу воли и ответственность.

Конечно, бывают случаи, когда поведение человека полностью детерминируется внешними обстоятельствами (крайняя необходимость, непреодолимая сила и т.д.), не контролируется его сознанием и волей. Но тогда такое поведение, являясь юридически значимым, не будет правовым³ и, следовательно, в большинстве случаев не будет объектом рассмотрения криминологии.

С парадоксом свободы воли тесно связан другой — парадокс «причинного объяснения»: непосредственной причиной преступления часто называют умысел, криминогенную мотивацию, т.е., в сущности, интенцию (намерение). Но каузальное объяснение неприменимо к интенциональному поведению, где действует телеологический мотивационный механизм. Телеологическое объяснение обращено в будущее, каузальное — в прошлое. Это значит, что, поставив вопрос: «Почему совершено преступление?», криминологи пытаются ответить на вопрос: «Для чего оно совершено?» (хотя и этот аспект немаловажен, он позволяет прояснить личностный смысл преступления для субъекта, выявив адаптивную функцию преступления).

¹ Ферри Э. Указ. соч. С. 4—45.

² Яковлев А.М. Детерминизм и «свобода воли» // Правоведение. 1976. № 6. С. 63—72.

³ О различии юридически значимого и правового поведения см.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 37—44.

На это можно было бы возразить, что многие криминологи в качестве ближайшей, непосредственной причины рассматривают не умысел, а определенные устойчивые особенности личности (анти-общественная установка, дефекты правосознания и т.д.). Но это вряд ли будет являться аргументом для представителей социологического направления в криминологии. И совершенно напрасно А.И. Долгова упрекает их в эклектизме, в том, что они никогда не вступали в принципиальный спор с представителями взгляда на решающую роль в порождении преступности биологического фактора¹. Для них принципиально положение о том, что сам характер особенностей личности (биологические или социальные) не играет существенной роли в причинном объяснении. Как отмечает по этому поводу А.М. Яковлев, изучение личностных особенностей для выяснения генезиса поведения практически не нужно и теоретически неверно, поскольку только то, что является внешним по отношению к организму и воздействует на него извне, и есть та наблюдаемая реальность, изучив которую можно объяснить причины поведения, — и только тогда мы имеем собственно детерминистическое объяснение. Принцип «внутренних причин» ложен, а стремление отыскать источник изменения объектов в свойствах самих объектов свидетельствует, по его мнению, о донаучном уровне исследования².

Следующий парадокс — парадокс «дискретности» — связан с тем, что социальная реальность является текучей, изменчивой и непрерывной, а для криминологии мир дискретен. В этом мире стоимость похищенного, определяющая тяжесть преступления, исчисляется с точностью до копейки; возраст, определяющий наступление ответственности, — с точностью до суток. Здесь конвенциональный характер вполне очевиден, но обращаются с этим так, как будто такие различия вытекают из природы явлений.

Вообще говоря, авторы описывают мир не криминологии, а уголовного права. Конечно, эти миры тождественны, если и в криминологии применять уголовно-правовое понятие «преступление». Но если различать, как уже предлагалось в литературе, уголовно-правовое понятие преступления и криминологическое понятие преступного поведения, можно избавиться от парадокса. Эти понятия различаются качественно и количественно. Таким образом, признавая предметом изучения криминологии не преступление, а пре-

¹ Долгова А.И. Некоторые вопросы диалектики познания преступности и ее причин // Методологические проблемы изучения преступности и ее причин. М., 1986. С. 8.

² Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С. 94—108.

ступное поведение, мы уходим от парадокса дискретности, но одновременно отходим и от твердой правовой основы.

Сходная ситуация и с парадоксом «латентности»: криминология, изучая преступность как социальное явление, чувствует узость рамок доктринального подхода. Пытаясь их раздвинуть, она начинает рассматривать объекты вне поля зрения уголовного права, например, латентную преступность. С уголовно-правовой точки зрения, понятие «латентное преступление», равно как и латентная преступность, внутренне противоречиво. Но без понятия латентности криминология будет иметь дело не с изучением преступности, а с исследованием вопроса: как система уголовной юстиции справляется с выявлением и регистрацией преступлений и наказанием преступников.

Источником этого парадокса является непосредственное перенесение и использование в криминологии уголовно-правового понятия «преступление». Если же мы признаем различие между уголовно-правовым понятием преступления и криминологическим понятием преступного поведения (или введем криминологическое понятие преступления), то парадокса не будет.

С эффективностью наказания связан последний парадокс — «целей наказания»: частная превенция нереальна, поскольку отбывшие наказание чаще совершают преступления, чем неосужденные. Общая превенция не поддается эмпирической верификации. Реально достигаемой целью наказания является восстановление попорченной справедливости.

Можно было бы переадресовать этот парадокс уголовному праву, поскольку наказание — его институт. Но если считать, что криминология изучает все меры предупреждения преступности, вопрос об эффективности уголовного наказания становится и криминологической проблемой.

Достижимость и эффективность целей наказания во многом зависят от трактовки самих целей. Когда говорится о том, что частное предупреждение обеспечивается путем создания условий, исключающих совершение новых преступлений (изоляция, охрана и т.д.)¹, то тем самым утверждается, что частная превенция ограничивается периодом отбывания наказания. Тогда под целью частной превенции следует понимать не совершение преступлений осужденными, а показателем ее эффективности будет служить количество преступлений, совершаемых в период отбывания наказания. Если взять для примера преступность несовершеннолетних, то коэффициент преступности в воспитательных колониях намного меньше коэффициента преступности несовершеннолетних в целом. Так что цель част-

¹ Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 70.

ной превенции в таком понимании вполне реальна, и ее эффективность очевидна.

Количество же преступлений, совершаемых после отбывания наказания (уровень рецидива), будет показателем эффективности цели исправления. Показатели цели исправления по необходимости лежат за пределами наказания, поскольку о реальном исправлении можно судить только тогда, когда лицо не находится под воздействием специфических факторов наказания. Конечно, можно говорить о низкой эффективности этой цели, но не о ее нереальности. (Мы оставляем в стороне вопрос: в какой мере показатель рецидива может быть объективным критерием эффективности наказания и деятельности исправительных учреждений. Эта проблема не зависит от того, как трактуется цель частного предупреждения.)

С эмпирической верификацией цели общей превенции действительно есть проблемы, поскольку статистика первичной преступности не может служить прямым показателем эффективности этой цели по той причине, что, строго говоря, прямым адресатом угрозы наказания являются не все субъекты, а те из них, которые не совершают преступления только из-за страха перед наказанием. Лишь выделив из всех законопослушных граждан эту неизвестную долю лиц и установив характеризующий ее коэффициент преступности до и после установления (ужесточения) уголовно-правового запрета, мы будем иметь адекватный показатель эффективности цели общей превенции.

В настоящее время нет прямых методов решения проблемы эффективности общей превенции. Но возможно использование хотя бы косвенных методов (как и при изучении латентной преступности). Для цели же восстановления попорченной справедливости эмпирическая верификация, видимо, невозможна из-за многозначности самого понятия справедливости.

Цель восстановления социальной справедливости закреплена в законе — в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Но понятие «социальная справедливость» настолько идеологизировано и неопределенно, что можно не сомневаться: споров о ней будет не меньше, чем в свое время о каре как цели наказания.

Дискуссия, собственно, сразу и началась. А.Л. Цветинович высказался категорично: «Уголовно-правовое воздействие не обладает реститутивными функциями, никакой справедливости не восстанавливает. Восстановление справедливости в этом контексте фактически означает удовлетворение чувства мести, чего цивилизованное общество позволить себе не может. Действие наказания направлено в будущее, его целью является предупреждение совершения преступ-

лений»¹. Действительно, криминологический смысл наказания заключается в возможности предупреждать преступления.

Симптоматично и то, что разработчики УИК РФ не включили восстановление социальной справедливости в число целей уголовно-исполнительного законодательства (и дали свою формулировку целей общей и частной превенции). И.В. Шмаров аргументирует отсутствие в ч. 1 ст. 1 этой цели тем, что она реализуется при назначении наказания². Хотя этот аргумент достаточно спорен, но, видимо, специалисты по уголовно-исполнительному праву понимают невозможность измерения эффективности этой цели при исполнении наказания и считают, что постановка такой задачи перед исправительными учреждениями — дело весьма проблематичное, чреватое возвращением к талиону.

Не увеличивает цель восстановления социальной справедливости и гуманистический потенциал закона, как может показаться на первый взгляд. Если понимать под социально справедливым то, что принимает и поддерживает большинство населения, то уголовная политика и практика должны быть значительно ужесточены (что не поддерживают сами авторы). А.Л. Цветинович, например, рассматривает эту цель как один из элементов ужесточения ответственности и наказания.

В концепции Ю.Д. Блувштейна и А.В. Добрынина обоснование цели восстановления социальной справедливости выглядит весьма уязвимым и еще в одном аспекте — этическом. Ведь именно этические соображения в конечном счете лежат в основе их неприятия понятия «личность преступника». По их мнению, криминологический штамп «личность преступника» сыграл отрицательную роль в уголовной политике, поскольку именно на нем основывалось применение драконовских репрессивных мер. Но разве понятие социальной справедливости не сыграло такую же (или даже большую) отрицательную роль? Ведь именно под лозунгом восстановления социальной справедливости в нашей стране творились самые чудовищные злодеяния. Да и получается, что чем больше преступников, тем лучше: ведь тогда и больше восстановленной справедливости.

Таким образом, не все парадоксы являются чисто криминологическими. Большинство из них связано с непосредственным перенесением и использованием уголовно-правовых понятий в криминологии. Их вернее называть не парадоксами криминологии, а парадоксами, возникающими при наложении понятийного аппарата и

¹ *Цветинович А.Л.* Новый Уголовный кодекс РФ: достижения и просчеты // Преступность и закон. М., 1996. С. 8.

² *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации* / Под ред. П.Г. Мишенкова. М., 1997. С. 14.

методов, разработанных для предмета исследования одной науки (уголовного права), на область исследования другой (криминологии). Но такого рода парадоксы могут возникнуть в любой науке. При определенных допущениях эти парадоксы могут быть разрешены в рамках самой криминологии.

Существование в криминологии парадоксов вряд ли позволяет сделать однозначный вывод о ее статусе — является она наукой или нет. Парадоксы — это только один из элементов системы доказательств тезиса о ненаучном характере криминологии. Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин связывают возникновение парадоксов также с некорректно заданными значениями терминов. Они подвергли логико-лингвистическому анализу главную криминологическую категорию — понятие «преступность». Результаты этого анализа должны послужить вторым элементом доказательства их основного положения.

Авторы полагают, что преступность можно рассматривать в качестве абстрактного сингулярного термина: «Преступность есть свойство некоторых деяний». Рассмотрев реалистскую и номиналистскую интерпретации абстрактного сингулярного термина «преступность», они отмечают, что первая рассматривает такие термины как чисто инструментальные и легко их элиминирует путем использования универсальных абстрактных терминов.

Вторая сводит термин «преступность» к термину «преступление», что также означает его фактическую элиминацию. Ими делается вывод о том, что «с логико-лингвистической точки зрения у криминологии нет шансов на существование не только как самостоятельной дисциплины, но даже как промежуточного звена между теоретическим и эмпирическим уровнями исследования»¹. Иными словами, криминологический язык не может быть связующим звеном между теоретическим (социологическим) и объектным (уголовно-правовым) языком, языком теории и языком наблюдения.

Интерпретация преступности как абстрактного термина вызывает большие сомнения. Абстрактные понятия, обозначающие свойства, образуются путем изолирующего абстрагирования — отвлечения свойства от предмета и превращения его в самостоятельный предмет («вменяемость», «белизна»). В действительности предметы (деяния) уже должны обладать этим свойством преступности объективно, т.е. до и независимо от правовой оценки, чтобы можно было его абстрагировать.

Некоторые авторы именно так и считают: «Поэтому то или иное деяние общественно опасно не потому, что его оценивает так законодатель, а потому, что оно объективно содержит в себе свойство

¹ Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Указ. соч. С. 78.

общественной опасности»¹. Но это значит, что должны существовать «естественные преступления», «преступления на самом деле», против чего выступают и сами Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин.

Следуя логике данных авторов, предпочтительнее рассматривать преступность в качестве не абстрактного термина, а диспозиционно-го предиката (например, таких, как «растворимость», «хрупкость»). Они отражают предрасположенность предметов «действовать» определенным образом в определенной ситуации, они непосредственно чувственно не воспринимаемы (в отличие от цвета, формы и т.д.), их восприятие и верификация содержащих их высказываний связаны с актом проверки: «Предмет «А» обладает свойством «растворимости», если при помещении в жидкость он растворяется».

Свойство деяния быть преступным также не актуально, а потенциально, оно содержит только возможность стать таковым. Путем непосредственного наблюдения, без акта проверки, т.е. судебного следствия и приговора, мы не имеем права приписать это свойство объекту: «Деяние преступно, если и только если судом оно квалифицируется как преступление». Как нельзя говорить о растворимости вещества безотносительно к виду жидкости (растворим — в чем?), так нельзя говорить и о преступности деяния безотносительно к типу правовой системы (спекуляция преступна — где? В какой правовой системе?).

Диспозиционные предикаты не являются ни теоретическими терминами (характеризуют конкретное свойство), ни терминами наблюдения (непосредственно чувственно не воспринимаемы), они занимают промежуточное положение. Следовательно, при такой трактовке термина «преступность» у криминологического языка есть шанс быть промежуточным звеном между теоретическим и объектным языками. А значит, и этот аргумент Ю.Д. Блувштейна и А.В. Добрынина нельзя считать убедительным.

Третий элемент в их доказательстве связан с понятием «парадигма». Парадигма — это признанное всеми научное достижение, которое в течение определенного времени дает модель постановки проблем и способов их решения научному сообществу², например, птолемеяевская и коперниковская парадигмы в астрономии, ньютоновская и эйнштейновская парадигмы в механике. В литературе это понятие интерпретируют и более широко — как некоторые устоявшиеся стандарты, модели, подходы к изучению определенной области явлений.

Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин в криминологии выделяют два противоположных подхода, две конкурирующие парадигмы —

¹ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 38.

² Кун Т. Структура научных революций. М., 1980. С. 11, 142.

нормативистскую и социологическую. Первая исходит из того, что теоретической основой криминологии является уголовное право, и объектом исследования могут быть только те деяния (и деятели), которые по закону признаются преступлениями (и преступниками). Крайняя форма — криминология есть часть уголовного права.

Вторая теоретической основой криминологии признает, соответственно, социологию и включает в объект исследования наряду с преступлениями иные формы отклоняющегося поведения. Крайняя форма — криминология есть часть социологии. В пределе нормативистская парадигма приходит к «преступному человеку» (Ч. Ломброзо), социологическая — к «преступному обществу» (Э. Шур). В мировой криминологии социологическая парадигма доминирует в Америке, нормативистская — в Европе.

В. Фокс выделяет и третью — медико-психиатрическую¹. В нашей криминологии эта парадигма практически не проявлялась. Правда, в последнее время в связи с постановкой вопроса о роли бессознательного в преступном поведении, с изучением психических аномалий, серийных сексуальных преступлений тенденция явно наметилась².

Нормативистская и социологическая парадигмы, говорят авторы, по-разному представляют сами основы науки криминологии: понятие преступления, личности преступника, причин преступности и мер по ее предупреждению. Первая уделяет главное внимание личности, вторая — социальным условиям. «В этих условиях трудно говорить об отечественной криминологии как о чем-то едином в главных чертах и проявлениях. Еще труднее судить об истинности положений криминологической теории и ложности других ее положений»³. Этот аргумент — отсутствие единой парадигмы — и является решающим для доказательства того, что современная криминология не доросла до состояния «нормальной» науки, а находится на допарадигмальной стадии развития, на какой, например, находилась химия в период расцвета алхимии.

Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин отмечают, что в чистом виде нормативистская и социологическая парадигмы встречаются редко, чаще всего криминолог «попеременно играет то за одну, то за другую команду». Анализ криминологических публикаций во многом

¹ Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 62.

² Криминальная мотивация. М., 1986; Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987; Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М., 1991; Сексуальные преступники: Сб. науч. трудов НИИ МВД России. М., 1992; Антонян Ю.М. и др. Преступники с умственной отсталостью. М., 1992.

³ Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Указ. соч. С. 32.

это подтверждает. Тогда закономерно возникает вопрос: а может, наличие двух парадигм характеризует не незрелость науки, а специфику предмета ее исследования? Одной из особенностей криминологии является комплексность ее предмета, выражающаяся в том, что объектом исследования выступают феномены из разных уровней социальной реальности: личность, социальная группа, общество в целом. Все эти уровни имеют качественную специфику, и подходы к исследованию на каждом уровне по необходимости должны иметь различия. Игнорирование этой специфики, стремление руководствоваться только одной парадигмой может иметь своим следствием значительные методологические перекосы. Следование социологической парадигме при изучении личности и индивидуального преступного поведения ведет к бихевиоризму, следование нормативистской при изучении причин преступности — к биологизации этих причин.

Криминологи при исследовании индивидуального преступного поведения больше тяготеют к нормативистской парадигме, при изучении преступности в целом — к социологической. К этому их толкает специфика объекта, логика самого исследования. Еще Ф. Лист отмечал, что вопрос о причинах отдельного преступления и вопрос о причинах преступности — два разных вопроса. В первом случае речь идет о преступлении как явлении в жизни отдельного лица, во втором — как явлении социальной жизни. При изучении преступления как явления в жизни отдельного человека представляют интерес индивидуальные факторы, при изучении преступления как явления социальной жизни — социальные факторы¹.

Подобная ситуация не является уникальной. В биологии, например, изучаются разные уровни биологической реальности: клетка, организм, популяция. И модели исследования, сформировавшиеся при изучении популяций, не применяются в области генной инженерии.

Таким образом, система доказательств, выстраиваемая Ю.Д. Блувштейном и А.В. Добрыниным, не является бесспорной, и ее как минимум можно подвергнуть рационально обоснованному сомнению. Следовательно, сомнительным выглядит и тезис авторов о том, что с логико-методологической точки зрения криминологию нельзя рассматривать в качестве науки.

На этом в научной дискуссии можно было бы ставить точку, но... Но для Ю.Д. Блувштейна и А.В. Добрынина анализ парадоксов, абстрактных терминов и парадигм является не завершением дискуссии, а только ее началом. Научная аргументация для них является лишь вспомогательной иллюстрацией. Главные основания

¹ Лист Ф. Общественные факторы преступности // Журнал Минюста России. СПб., 1903. Кн. II. С. 44—46.

того, что криминология не является (и не должна являться!) наукой в обычном понимании, лежат в этической и мировоззренческой сферах.

«Обобщение сказанного выше о парадоксах криминологической теории приводит к выводу, что их решение может быть достигнуто, если отказаться от претензий на объяснение исследуемых явлений и сосредоточить усилия исследователей на понимании таковых... каждому криминологу рано или поздно приходится делать выбор между позитивизмом с его верой в существование одного для всех областей научного исследования методов познания и герменевтикой, для которой принципиальное различие между методом, ведущим к объяснению (естественные науки), и методом, ведущим к пониманию (гуманитарные науки, или «науки о духе»), выступает отправным пунктом всех дальнейших рассуждений»¹. Здесь осуждение позитивизма граничит с антисциентизмом, а апологетика герменевтики — с подменной научной методологии мировоззренческой установкой.

Отказ от позитивистской методологии, а по существу, от объективного научного метода был воспринят и поддержан некоторыми молодыми учеными-криминологами. Так, И.А. Александрова пишет, что методологической основой ее диссертационного исследования являются комплекс интеллектуальных течений в виде постструктурализма, нейофрейдизма и др., которые формируют теорию познания постмодернизма. Правда, при этом утверждается, что впервые анализ материала осуществлялся с антипозитивистских позиций².

Но эта предельная заостренность вопроса у Ю.Д. Блувштейна и А.В. Добрынина (в отличие от молодых ученых) выглядит даже где-то оправданной в связи с возможной высокой ценой последствий такого выбора, о которой предупреждают авторы: превращение криминологии в социально опасную неконтролируемую силу. Для прояснения сути их принципиальной позиции приведем две цитаты.

«Сама постановка вопроса о наличии каузальной связи в таком социальном феномене, как преступное поведение, выглядит с практической точки зрения делом весьма сомнительным, чтобы не сказать — опасным. Если криминология знает, каковы причины преступного поведения, она, очевидно, знает или узнает в будущем, как устранить эти причины. Как свидетельствует исторический опыт, адекватным средством устранения причин преступности избираются обычно чрезвычайные меры»³.

¹ Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Указ. соч. С. 202.

² Александрова И.А. Мода и преступность. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 5—6.

³ Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Указ. соч. С. 200.

Дело даже не в том, соответствует ли действительности, например, такое понятие, как «личность преступника». Дело в том, что «стремление во что бы то ни стало добиться в гуманитарных областях такого же уровня точности и «непогрешимости» знания, как в областях естественнонаучных, не только логически неуместно, но попросту опасно. Это стремление таит в себе все ту же неконтролируемую волю к власти над выбранным аспектом исследования мира... Достаточно вспомнить в этой связи, какую роль в уголовной политике сыграл один из наиболее прочно укоренившихся штампов языка криминологии — «личность преступника». Будучи материальным носителем идеи заведомой ненормальности (неважно, какой — психической или социальной) каждого, кто вступил в конфликт с уголовным законом, этот штамп стал «научной» основой для применения таких драконовских мер, как превентивное лишение свободы «потенциальных преступников», принудительное лечение в психиатрических больницах лиц, единственным симптомом душевной болезни которых явилось совершенное ими правонарушение»¹.

Это понятие (и родственные ему) должно быть отвергнуто не по научным, а именно по этическим соображениям. Но простая замена традиционной научной методологии герменевтикой не способна избавить криминологию от парадоксов, как полагают Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин. Ведь герменевтика сама в себе таит внутреннее противоречие.

Как известно, исходный принцип герменевтики сформулирован еще в XIX в. немецким философом В. Дильтеем, основателем так называемой понимающей психологии: «Природу мы объясняем, а душевную жизнь мы понимаем». В наше время наиболее видными методологами, развивающими идеи герменевтики, являются Г.-Х. Гадамер и П. Фейерабенд². Объяснение и понимание — две формы познания. Как пишет В. Штофф, в герменевтике превратили различие в противоположность, разделяющую методологию естественных и общественных наук, «наук о природе» и «наук о духе». Объяснение, разделяя объект и субъект, стремится элиминировать субъекта, чтобы получить объективное знание в чистом виде. Объяснение отвлекается от субъективного момента в познании, а понимание — нет, оно есть всегда понимание чего-то субъектом. Но объяснение способствует лучшему пониманию³.

¹ Блувштейн Ю.Д., Добрынин А.В. Указ. соч. С. 160.

² Гадамер Г.-Х. Истина и метод. М., 1988; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.

³ Штофф В.А. Объяснение и понимание как методологические процедуры // Философские основания науки. Вильнюс, 1982. С. 125—128.

Действительно, наука разделяет объект и субъект (вернее, стремится к этому), а герменевтика подчеркивает принципиальную невозможность элиминации субъекта из познания. Но если это так, то характер познания определяется не только (и даже не столько) спецификой объекта, природа это или общество, сколько спецификой субъекта познания. Следовательно, должны быть общие закономерности познания природы и общества, общие методы, определяемые исключительно свойствами познающего субъекта. Поэтому попытка разделить познание на две изолированные сферы фактически приводит к тому, что они становятся тождественными (хотя бы на уровне субъекта).

Ю.Д. Блувштейн и А.В. Добрынин, таким образом, ставят по существу вопрос о том, что проблема нравственных пределов развития науки и моральной ответственности ученого не ограничивается только рамками атомной физики или молекулярной биологии: криминологи также не вправе уклониться от этого. Конечно, в материалистическом и атеистическом научном сообществе, исповедующем философию ничем не ограниченного познания и всеисключительности науки, такая проблема не только не ставилась, но даже не осознавалась. Но эта проблема этическая, а не внутринаучная. Вопрос о существовании криминологии как науки есть все же вопрос познавательных возможностей, а не этической целесообразности. Только выяснив, есть ли у криминологии собственные основания и каковы они, мы можем приблизиться к ответу на этот вопрос.

Глава 13

Является ли криминология самостоятельной наукой?

В настоящее время наибольшее признание имеет точка зрения, согласно которой криминология является самостоятельной неюридической наукой. Но не всегда аргументы в пользу самостоятельности криминологии представляются вполне убедительными. Так, в «Курсе советской криминологии» справедливо утверждается, что криминология не является юридической наукой, что ее самостоятельность по отношению к уголовному праву определяется различием предмета и методов этих наук, специфичностью их задач. Но, характеризуя различия этих наук, там же утверждается, что уголовное право предупреждает преступления с помощью уголовной репрессии, что уголовно-правовая реакция на преступление сосредоточивается на индивиде¹. Это, конечно, верно, но относится к уголовному праву, а не к науке уголовного права: наука не осуществляет уголовную репрессию. Доказывать же различие между наукой и правом как разными формами общественного сознания и видами социального познания нет необходимости.

Сходный подход встречается и у А.М. Яковлева. Говоря о соотношении наук криминологии и уголовного права, он детально раскрывает различия между гносеологическими и аксиологическими (оценочными) понятиями, между познавательной и ценностно-ориентационной деятельностью². Все эти рассуждения очень интересны и безусловно справедливы, но не относятся к вопросу о соотношении наук. Здесь опять сравниваются наука и право как социальные институты. По этим критериям криминологию и науку уголовного права различить невозможно: они обе используют гносеологические понятия, обе реализуют познавательный, а не ценностно-ориентационный род деятельности.

Взгляд на криминологию как на часть уголовного права демонстрирует тезис о несамостоятельности криминологии в явном виде. Но часто, на словах признавая самостоятельность криминологии как науки, фактически ей отказывают в этом статусе. Так, многие криминологи полагают, что предмет изучения и понятийный аппарат криминологии задаются уголовным правом; основные понятия криминологии (преступление и преступник) определяются уголовным правом; уголовно-правовые категории очерчивают границы криминологических исследований; в криминологии нет и не может быть «своей» трактовки понятий «преступление» и «преступник»,

¹ Курс советской криминологии. М., 1985. С. 55.

² Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С. 5—10.

недопустимо подменять уголовно-правовые дефиниции расплывчатыми определениями¹. Эта позиция, пусть и в неявном виде, фактически отказывает криминологии в самостоятельности. В чем тогда выражается самостоятельность криминологии как науки, если предмет ее исследования задан извне, уголовным правом, основные ее понятия — это понятия другой науки, да и методы она берет из других наук (статистики, социологии, психологии)?

Конечно, криминология не может по-своему трактовать уголовно-правовые понятия преступления и преступника, поскольку это понятия другой науки. Но именно поэтому они и не могут быть перенесены и непосредственно использованы в криминологических исследованиях. Механический перенос понятий одной науки на область исследования другой методологически неправилен. В разных науках могут использоваться одинаковые термины (например, профилактика, рецидив — в праве и медицине). Но даже используя один и тот же термин, разные науки вкладывают в него свое содержание, отражающее специфику предмета исследования и характер решаемых задач, и поэтому получают разные понятия.

На самом деле криминологи практически никогда не используют уголовно-правовые понятия, они просто неприменимы к объектам ее исследования. Так, криминология изучает состояние, структуру, динамику преступности, используя данные статистики о выявленных преступлениях и преступниках. Разве эти единицы наблюдения (выявленные преступления) являются преступлениями в уголовно-правовом смысле? А изучая латентную преступность, оперируя термином «латентное преступление», разве криминолог использует уголовно-правовое понятие преступления? Вольно или невольно, сознательно или интуитивно, но криминологи вынуждены по-своему трактовать уголовно-правовые понятия, вкладывать в них свое содержание. К этому их подталкивает сама логика исследования, ибо в противном случае криминология будет заниматься не изучением преступности как социального явления, а изучением существующей статистики зарегистрированных преступлений.

Объективной основой возможности изучения латентной преступности является то обстоятельство, что скрытость латентного преступления не абсолютна, а относительна. Оно скрыто от официальных государственных органов, но не от потерпевших, свидетелей и, конечно, преступников. Отсутствие уголовно-правовой оценки деяния со стороны государства не означает отсутствия социальной оценки вообще.

¹ *Криминология*. М., 1979. С. 4; *Карпец И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 129; *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. Минск, 1983. С. 9; *Миньковский Г.М.* Взаимосвязь социологического и криминологического подходов к изучению преступности // Социологические исследования. 1984. № 4. С. 183.

Столь же сомнительно и утверждение о том, что предмет изучения криминологии задается (определяется) уголовным правом. В предмете криминологии выделяют четыре элемента: 1) преступность как социальное явление; 2) причины и условия преступности; 3) личность преступника; 4) предупреждение преступности. Каким образом эти элементы задаются уголовным правом?

Вопрос о причинах и условиях преступности как элементе предмета криминологии не требует специального рассмотрения, поскольку явления этого порядка по своей природе неправовые. Вопрос о личности преступника (другой элемент предмета криминологии) в криминологии является дискуссионным, и сформировалось две точки зрения на этот счет. Одни криминологи полагают, что для криминологии достаточно традиционного и очень точного по своему содержанию понятия «субъект преступления» (Ю.Д. Блувштейн, И.И. Карпец, Г.М. Резник). Другие отмечают недостаточность понятия «субъект преступления» для целей криминологического анализа, указывают на необходимость (для исследования и объяснения причин преступного поведения) изучения социально-демографических, психологических и иных особенностей лиц, совершивших преступление (Ю.М. Антонян, Н.С. Лейкина, А.Б. Сахаров).

Не вдаваясь в содержание аргументации сторон, отметим сам факт того, что значительное число криминологов не согласны с тем, что криминологическое понятие «личность преступника» определяется через уголовно-правовое понятие «субъект преступления». Следовательно, вопрос об определении уголовного правом и этого элемента предмета криминологии является по меньшей мере дискуссионным.

Еще один элемент предмета — предупреждение преступности. Конечно, лучше говорить о предупреждении преступлений, а не преступности. Преступность как социальное явление не предупреждают, а на нее воздействуют: снижают уровень, влияют на структуру и т.д. Воздействуют прежде всего на преступность путем предупреждения преступлений. Если рассмотреть структуру предупредительной деятельности, то многие ее компоненты (объект воздействия, характер предупредительных мер и т.д.) лишь отчасти относятся к сфере права. Следовательно, и об этом элементе предмета криминологии нельзя сказать, что он задается уголовным правом.

Вопрос о преступности как элементе предмета криминологии наиболее сложен. Преступность, в отличие от преступления, не является уголовно-правовой категорией и не изучается наукой уголовного права. Само выделение криминологической проблематики произошло потому, что была осознана невозможность изучения преступности как социального явления с помощью методов уголовного права. Но представляется естественным, что уголовное право, оценивая и разделяя все деяния на преступные и не преступные, тем самым обозначает границы преступности как социального явления и, следовательно, задает предмет изучения криминологии.

По объективным признакам самого деяния невозможно установить, является оно преступлением или нет. Рассматривая деяние как таковое, можно сказать только одно: обладает оно или не обладает признаками состава преступления. Для признания его преступлением этого недостаточно, необходимы учет дополнительных обстоятельств и дополнительная (судебная) процедура.

Возможны два способа обозначения границ преступности: 1) определенный (через преступление); 2) неопределенный (через деяние, содержащее признаки состава преступления). В первом случае задаются вполне четкие границы: к преступности относятся деяния, признанные судом преступлениями (но ничего определенного не говорится обо всех остальных деяниях). Этот способ не дает представления о реальных масштабах преступности и поэтому практически непригоден для определения предмета криминологии (если, конечно, преступность не понимается просто как сумма преступлений).

Во втором случае обозначаются границы преступности от противного: деяния, не содержащие признаков состава преступления, точно не относятся к преступности. Но ничего определенного не говорится об остальных деяниях: являются ли они преступлениями, общественно опасными деяниями невменяемых, действиями лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и т.д. Именно этот способ фактически и применяется в криминологических исследованиях. Можно только запутать вопрос, утверждая, что изучение преступности должно базироваться на уголовно-правовом понятии преступления и в то же время неявно использовать другое понимание преступления, криминологическое, как деяние с признаками состава преступления. Для того чтобы избежать этой путаницы, в криминологии часто используется неуголовно-правовое понятие «преступное поведение».

Все это не следует понимать так, что в криминологии нельзя использовать уголовно-правовые понятия и представления. Но криминология как эмпирическая наука должна стремиться к тому, чтобы уменьшить оценочно-нормативный характер способа выделения своей предметной области (хотя полностью освободиться от этого вряд ли возможно). Криминология сама заинтересована иметь достаточно определенный и стабильный предмет исследования, а отрицание правовых критериев может привести к тому, что каждый исследователь будет иметь свой предмет исследования. Но вопрос о возможности и пределах применимости понятий других наук (уголовного права, социологии и др.) должен решаться самой криминологией исходя из специфики предмета и задач исследования, а не постулироваться априорно.

Какой бы критерий для выделения криминологически значимых объектов мы ни использовали («преступление» или «признаки состава преступления»), зависимость от уголовного права сохраняется, сохраняется и определяемая этой зависимостью нестабильность предмета исследования. В праве, по-своему реагирующему на изменение

социальных условий, идет постоянный процесс криминализации — декриминализации. Соответственно должен меняться и предмет криминологии.

Конечно, ни одна наука не может примириться с тем, что изменение ее предмета является не результатом более глубокого познания объекта исследования, а определяется внешними обстоятельствами. Так, в криминологии, чтобы преодолеть ситуацию неопределенности предмета, выработано понятие «ядерная преступность». Но здесь определенность предмета достигается за счет его сужения. Той же цели можно достичь путем расширения.

Можно заметить, что, как правило, декриминализация деяния переводит его в область административных правонарушений или антиобщественных поступков, и наоборот, криминализации подвергаются деяния из этой же области. Вряд ли можно утверждать, что с изменением правовой оценки поступка также меняются порождающие этот поступок причины (хотя и отрицать мотивирующую роль уголовного запрета нет оснований). Сами антисоциальные, или «фоновые», явления в криминологии рассматриваются в качестве факторов, продуцирующих преступность, и поэтому включаются в предмет ее изучения. Кроме того, не следует забывать о весьма значительном классе явлений, связанных с виктимностью и процессами виктимизации.

Таким образом, включение в предметную область как деяний, оцениваемых уголовным правом, так и деяний, им не оцениваемых, придает необходимую стабильность и определенность предмету криминологии и показывает его относительную независимость от уголовно-правовых понятий. Без такой стабильности трудно выявлять устойчивое, повторяющееся в криминологических фактах, т.е. вырабатывать научные законы. Все это позволяет сделать вывод о том, что ни понятийный аппарат, ни сам предмет исследования криминологии не определяются уголовным правом. И как раз это свидетельствует о самостоятельности криминологии как науки.

Хотя криминология и не является юридической наукой, но она тесно связана с уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом и т.д. Эта связь обусловлена прежде всего тем, что при всех различиях в предмете, методах и характере решаемых задач они имеют общую цель — научное обеспечение борьбы с преступностью. Нередко криминологию рассматривают в качестве общетеоретической науки для всех наук криминального цикла, а ее соотношение с ними описывают аналогично соотношению теории государства и права с другими юридическими дисциплинами¹.

¹ *Криминология* / Под ред. А.И. Долговой. С. 31.

Глава 14

Существует ли преступность?

Преступность относится к тем социальным явлениям, которые касаются непосредственно каждого человека, оказывают влияние на все стороны жизни общества — экономику, политику, культуру и т.д. Причем исторически значимость феномена преступности возрастает как субъективно (в общественном сознании), так и объективно (в реальных социальных процессах). Все это делает преступность подходящим объектом идеологической борьбы и политических спекуляций, способствует ее мифологизации. Часто преобладают эмоции, а не суждения и научный анализ. Поэтому во многих случаях разные взгляды на проблему преступности определяются различием даже не философских подходов, а мировоззренческих установок и идеологических клише (говоря о философских подходах и основаниях, мы имеем в виду прежде всего теоретико-познавательный аспект). Логико-методологическому анализу идеологические конструкции не поддаются. Но преступность является также предметом научного познания, а понятие «преступность» — криминологической категорией. В этом качестве оно может быть подвергнуто логико-методологическому исследованию

Понятие «преступность» из-за своей общеупотребимости кажется очень простым, но на самом деле весьма многозначно и трудно для научного анализа. Интуитивно вроде понятно, что такое преступность, но дать этому понятию адекватное определение достаточно сложно. Невзирая на сложности, практически каждый криминолог пытается дать определение этому понятию, из которого можно уяснить его понимание феномена преступности. И это не случайно: ведь преступность является общим основанием любой криминологической теории. Так, И.И. Карпец в своей работе приводит перечень (далеко не полный) определений преступности на четырех страницах¹. Он же дает определение преступности, которое, с некоторыми изменениями, встречается у большинства криминологов: «... преступность не сумма преступлений, но массовое, исторически изменяющееся, относительно самостоятельное, социально-правовое явление, которое подчиняется определенным закономерностям, имеет свои причины, условия, ей способствующие, включает в себя совокупность всех преступлений, совершаемых в данном обществе и в данный период времени, и характеризуется количественными ди-

¹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 12—15.

намика, состояние) и качественными (структура, характер) показателями»¹.

Любое понятие преступности исходит из каких-то философских предпосылок или оснований. Все многообразие существующих в криминологии понятий (и определений) преступности можно свести к нескольким большим группам в зависимости от характера принимаемых ими (явно или неявно) философских оснований. Эта классификация проводится по следующим критериям: гносеологическому, онтологическому, предметностному, системности, правовому и достаточности.

Гносеологический критерий. Что обозначается термином «преступность» — некое явление (объект) или объективное свойство некоего явления (подобно таким свойствам, как хрупкость, растворимость и т.п.)? Как известно из философии, под объективным понимается то, что существует до и независимо от познания и любой оценки. С логической точки зрения вопрос может быть сформулирован так: каким по содержанию является понятие преступности, конкретным или абстрактным?

Понимание преступности как свойства можно разделить на два подхода: в одном случае свойство преступности приписывается деятелю, во втором — деянию.

Первый подход общеизвестен — это «преступный человек» Ч. Ломброзо. Поскольку прилагательное «преступный» образуется от существительного (свойства), то «преступный человек» есть синоним выражения «человек, обладающий свойством преступности». Термин «преступность» для характеристики свойств личности использовался и русскими учеными².

Ломброзианская концепция прирожденного преступника в советской криминологии была подвергнута обстоятельной и справедливой (хотя и не во всем) критике. Потеряла она былое влияние и в зарубежной криминологии. В настоящее время термин «преступность» практически не используется при характеристике личности, применяется родственный ему термин «общественная опасность» личности преступника.

Второй подход проявляется в уголовном праве: преступное деяние есть синоним выражения «деяние, обладающее свойством преступности». Под преступностью понимается интегральное свойство деяния, включающее в себя несколько признаков (общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость), из которых общественная опасность является определяющей. Чаще говорится не о пре-

¹ Карпец И.И. Преступность как реальность. С. 87.

² Зернов Д. Критический очерк анатомических оснований криминальной теории Ломброзо. М., 1896. С. 23; Дриль Д.А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912. С. 3.

ступности, а об объективном свойстве общественной опасности деяния. Но поскольку именно общественная опасность как материальный признак определяет преступность деяния, то сказать, что деянию присуще свойство общественной опасности, то же самое, что сказать: деянию присуще свойство преступности.

В.Е. Жеребкин полагает, что некоторое деяние общественно опасно не потому, что его оценивает так законодатель, а потому, что оно объективно содержит в себе свойство общественной опасности¹. Сходной точки зрения придерживаются и авторы учебника по уголовному праву: «Общественная опасность — материальный признак (внутреннее свойство) преступления... Это свойство по своему характеру объективно и неизменно, его наличие или отсутствие не зависит ни от воли законодателя, ни от воли органа, применяющего закон»². В уголовном законодательстве свойство преступности (а следовательно, общественной опасности) трактуется иначе. В ч. 1 ст. 9 УК РФ говорится, что «преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом»; в ч. 1 ст. 10 — что «уголовный закон, устраняющий преступность деяния... имеет обратную силу».

Понимание преступности как объективного свойства деяния, а не его оценки идет от концепции «естественного преступления». Причем свойства объективного, присущего самой природе деяния вне зависимости от места и времени, которое может быть выявлено и описано как любое свойство материального объекта. Происходит отождествление оценочной и познавательной деятельности, смешение социальной оценки и научного факта, оценочных и гносеологических понятий. Убедительная критика этой концепции дана в работах А.М. Яковлева³.

Для уголовного права, являющегося, по сути, ценностно-ориентационным видом деятельности, имеющим дело с оценками, такой подход, возможно, и имеет право на существование. Ведь нормативная система, будучи сама продуктом деятельности людей, в конкретный момент не зависит от их воли и желания, и в этом смысле является для них объективной реальностью. Для криминологии, имеющей дело с научными фактами и понятиями, такой подход неприемлем.

Преступность деяния — это не его объективное свойство, а его социальная оценка. С логико-методологической точки зрения, оценки не обладают характеристиками объективности, истинности или ложности, они могут быть правильными или неправильными. В

¹ Жеребкин В.Е. Указ. соч. С. 38.

² Курс советского уголовного права (часть Общая). Л., 1968. Т. 1. С. 158.

³ Яковлев А.М. Социальный факт как объект криминологического исследования // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 12—15; Он же. Теория криминологии и социальная практика.

отношении оценочных суждений не действует логический закон исключенного третьего («два противоположных высказывания не могут быть одновременно истинными»). Так, противоположные оценочные высказывания «Иванов плохой» и «Иванов хороший» могут быть оба правильными, если в первом случае Иванов, например, оценивался как работник, а во втором — как спортсмен.

В настоящее время в криминологии доминирует точка зрения, что термином «преступность» обозначают явление, а не свойство объекта. Но существуют разногласия по вопросу об онтологическом статусе этого явления.

Онтологический критерий. Что есть преступность — реально существующее явление или некоторая абстракция, общее понятие?

Н.А. Стручков в вопросе об онтологическом статусе преступности выделял два подхода — номиналистский и реалистский¹. Как известно из истории, средневековый спор номиналистов и реалистов касался проблемы универсалий (общих понятий) — соответствует им что-либо в действительности, существуют ли в действительности общие предметы (дом вообще).

Номинализм в криминологии исходит из того, что реально существуют только отдельные преступления, а преступность есть просто рабочий термин или в лучшем случае общее понятие, охватывающее совокупность преступлений. Соотношение понятий «преступность» и «преступление» номинализм описывает в категориях общего, особенного и единичного (отдельного): преступность — это общее, вид преступности — особенное, преступление — единичное. Как известно из философии, общее существует только в отдельном, через отдельное.

Реализм исходит из того, что определенное количество преступлений создает новое социальное качество — преступность, которая приобретает свойства, не присущие отдельным преступлениям. Понятие «преступность» есть конкретное понятие, отражающее реальное явление. Конечно, преступность не существует без преступлений и отдельно от них.

Номиналистский подход вполне органичен для уголовного права. Объектом уголовного права являются конкретные преступления, поэтому для него естественно понимание преступности как суммы совершенных преступлений.

Для криминологии более естествен реализм. Преступность — явление социальное, не сводимое к сумме преступлений. Преступление и преступность — это разнопорядковые, качественно отличные явления, имеющие свои особые количественные и качественные ха-

¹ Стручков Н.А. Преступность как социальное явление. Л., 1979. С. 7. См. также: Шахматов А.В. Преступность: Методические указания для применения системного и вероятностного методов исследования. Л. — Красноярск, 1978. С. 9.

рактики. Большинство отечественных криминологов стоят на реалистских позициях.

Если в зарубежной криминологии номинализм достаточно распространен, то к числу немногих номиналистов среди отечественных криминологов можно отнести, пожалуй, И.С. Ноя. Он утверждал, что если признать преступность и преступление разнорядковыми, качественно отличными явлениями, то невозможно изучить причины преступности: изучение отдельных преступлений не может в этом помочь, а другого фактического материала нет¹. «Номинализм» И.С. Ноя, отрицание им качественного отличия преступления и преступности, «запугивание» непознаваемостью причин преступности преследует вполне определенную цель — обосновать изучение психофизических свойств и «прирожденных программ поведения» личности преступника как единственно научный путь исследования причин преступности.

В отечественной криминологии общепризнано, что преступность есть социальное явление, не сводимое к сумме преступлений. Но в то же время является общим утверждение о том, что соотношение понятий «преступление» и «преступность» описывается в категориях общего и единичного: конкретное преступление — это единичное (отдельное), виды преступлений — особенное, преступность — общее². Обычно при этом ссылаются на философское положение о том, что общее существует только в отдельном, через отдельное. Видимо, то, что эти положения представляются само собой разумеющимися, т.е. стереотипными, и мешает увидеть, что они противоречат друг другу.

В категориях общего и единичного описывается отношение общих понятий и единичных, называющих конкретные материальные объекты, которые являются элементами объема общего понятия. Объект, отображаемый общим понятием, реально не существует («дом вообще»), существуют реально только единичные объекты (конкретный дом), и в этом случае общее действительно существует только через единичное (отдельное).

Категории единичного и общего описывают отношения не между понятиями «преступление» и «преступность», а между единичным понятием конкретного преступления и общим понятием преступления вообще, охватывающим все совершенные преступления. Конечно, можно считать, что «преступность» и есть такое общее

¹ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов, 1975. С. 155.

² Курс советской криминологии. С. 9; Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М. Введение в курс криминологии. С. 15—16; Долгова А.И. и др. Понятия советской криминологии. М., 1985. С. 25; Токарев А.Ф. Основные понятия криминологии. М., 1984. С. 7; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 175.

понятие, охватывающее совокупность совершенных преступлений. Но тогда «преступность» есть синоним общего понятия «преступление», она реально не существует, и у нее не может быть каких-то особых признаков (массовость, относительная устойчивость и т.д.), отличных от признаков преступления. Такая трактовка совпадает с номиналистской позицией, и ее нельзя совместить с представлением о преступности как реальном социальном явлении, не сводящемся к сумме преступлений.

Если же считать, что преступность есть социальное явление, качественно отличное от преступления, то следует соотносить преступности и преступления рассматривать в других категориях. Тогда с логической точки зрения преступность есть собирательное понятие, в объем которого входят объекты-агрегаты, т.е. мыслимые как единое целое совокупности некоторых объектов (собирательные понятия: библиотека, банда). Элементами объема общих собирательных понятий являются сами совокупности, а не входящие в них предметы. Так, элементом объема общего собирательного понятия «библиотека» являются не книги, а отдельные конкретные библиотеки. В собирательном понятии отражаются существенные признаки совокупности предметов, а не признаки самих предметов, ее образующих. Собирательное понятие неприменимо к отдельным предметам совокупности.

Таким образом, элементом объема общего понятия «преступность» являются не отдельные преступления, и не виды преступлений, а «преступности»: «преступность в США», «преступность в СССР в 1970 г.». Кроме того, преступность, в отличие от преступления, относится к разряду так называемых нечетких (неточных) понятий (таких, как «молодой», «лысый»), для которых не является точно определенным, какие именно объекты входят в их объем. Это связано как с наличием латентной преступности, так и с существованием разных «преступностей», например, в статистике МВД России и в судебной статистике. Для нечетких понятий характерны парадоксы наподобие «куча»: одна песчинка не куча, две — не куча и т.д. Сколько песчинок образуют кучу? Сколько преступлений образуют «преступность»?

Этот краткий анализ позволяет сделать вывод о том, что представления о преступности как сумме преступлений (преступность — общее понятие, преступление — единичное) и как социальном явлении логически несовместимы и не могут быть вместе положены в основание криминологической теории. По отдельности — да, могут, но это будут разные теории.

Среди реалистов существуют также разногласия по поводу формы существования такого специфического социального явления, как преступность, его природа, характер, существенные свойства и т.д.

Поэтому реалистские понятия преступности можно разделить еще по нескольким критериям.

Критерий предметности. Чем является преступность — вещью (предметом) или процессом? Она есть то, что изменяется, участвует в процессах, или же она и есть собственно процесс, изменение чего-то?

Большинство криминологов рассматривают преступность как «вещь», как множество, совокупность, систему и т.п. Но некоторые ученые обращают внимание на процессуальный характер этого социального явления¹. Б.Д. Овчинников отмечает, что преступность как социальное явление представляет собой процесс совершаемости общественно опасных деяний, а не совокупность совершенных преступлений. Совокупность же преступлений — это класс однородных явлений, объединенных статистически с целью обобщения их совпадающих признаков. Эта искусственная совокупность сама по себе не представляет отдельное и новое явление².

Если вспомнить историю, то тенденция к «субстанционализации» процессов, представлению их в виде вещи свойственна ранним этапам познания. Так, в физиологии считалось (вульгарные материалисты), что мозг точно так же производит мысль, как печень желчь; в физике — что теплота есть не процесс, а особое вещество теплород.

Неправомерность абсолютного противопоставления вещи и процесса была показана в квантовой физике, открывшей корпускулярно-волновой дуализм микрочастиц: частица является и вещью (корпускула), и процессом (волна). Социальные явления также могут выражаться как в вещных, так и в процессуальных терминах. Так, смертность можно определить и как количество смертей, и как процесс убыли населения.

Критерий системности. Преступность как совокупность преступлений есть «просто» социальное явление, или явление, представляющее собой систему?

Многие криминологи считают преступность системно-структурным образованием³. Отдельные преступления являются элементами, а виды преступлений — подсистемами системы «преступ-

¹ Вицин С.Е. Системный подход и преступность. М., 1980. С. 40; Забрянский Г.И. Показатели преступности и их измерение // Вестник МГУ. 1971. № 1. С. 53; Емельянов В.П. Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980. С. 5; Шахматов А.В. Указ. соч. С. 7.

² Овчинников Б.Д. Вопросы теории криминологии. Л., 1982. С. 20—21.

³ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980; Вицин С.Е. Указ. соч.; Долгова А.И. Системно-структурный характер преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1984. Вып. 41. С. 3—16; Шахматов А.В. Указ. соч.

ность». Эта система обладает способностью к самовоспроизводству (самодетерминации). В.Н. Кудрявцев отмечает, что отдельные акты преступного поведения в большинстве случаев непосредственно не связаны между собой. Статистическая устойчивость, повторяемость, свойственная преступности, объясняется не прямой взаимосвязью между ее элементами, а тем, что акты преступного поведения порождаются в своей массе сходными причинами¹. Поэтому в качестве системы следует рассматривать объект «причины преступности — преступность»². И.И. Карпец не согласен с тем, что преступность является системой, хотя сам системный подход к ее исследованию считает правомерным³.

Если снова воспользоваться ранее проведенной аналогией между преступлением и песчинкой, между преступностью и кучей, то, образно говоря, получим следующее. Номинализм исходит из того, что реально существуют только отдельные преступления, а преступность — абстракция. Это означает, что никакое количество песчинок не может создать кучу, и в этом смысле нет разницы между песчинкой и кучей.

Реализм исходит из того, что определенное количество преступлений переходит в новое качество — преступность, которая приобретает свойства, не присущие отдельным преступлениям. Это означает, что реализм признает качественное различие между песчинкой и кучей, но не отвечает (или не может ответить) на вопрос: чем отличается просто песчинка от песчинки в куче?

На этот вопрос и пытаются ответить криминологи, считающие преступность не просто социальным явлением, а явлением, представляющим собой систему, в которой элементы (песчинки — преступления) приобретают некоторые новые системные качества. Системные качества «принадлежат не предмету, а системе предметов и которые в предмете обнаруживаются только в силу их принадлежности к данному системному целому»⁴.

Какие же новые качества приобретают преступления в системе «преступность», в какие новые связи и отношения они вступают? Внятного ответа на этот принципиальный вопрос нет. Как пишет И.Б. Михайловская, основное свойство любой системы заключается в том, что связи составляющих ее элементов должны быть «силь-

¹ Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М., 1973. С. 11.

² Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 55; Волошина Л.А. О системном подходе к изучению сущности преступности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1972. Вып. 15. С. 12—13.

³ Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. С. 144; Курс советской криминологии. С. 148.

⁴ Кузьмин В.П. Системное качество // Вопросы философии. 1973. № 9. С. 94.

нее», чем их связи со средой. Доказательств этого системного свойства преступности не обнаружено, хотя доказательства противоположного характера существуют¹. Отдельные преступления теснее связаны не друг с другом (т.е. с элементами системы «преступность»), а со своими причинами и условиями (т.е. с элементами внешней среды), например хищения — с бесхозяйственностью, преступления несовершеннолетних — с неуспеваемостью в школе.

Правовой критерий. Какова природа преступности — она есть «просто» социальное явление или явление социально-правовое (правовое)?

В отечественной криминологии большинство определений преступности включает в себя социально-правовой признак. Н.Ф. Кузнецова уточняет и говорит не о социально-правовом, а об уголовно-правовом характере преступности. Уголовно-правовой признак позволяет, по ее мнению, отграничить преступность от непреступных правонарушений². Причем здесь характеристика явления как правового относится не к его форме, позволяющей отграничить от других социальных явлений (социально-экономических, социально-политических и т.д.), а к сущности. Именно правовая природа преступности, считает А.И. Долгова, и позволяет в конечном счете говорить о криминологии как правовой науке³.

Некоторые криминологи не согласны с характеристикой преступности как одновременно социального и правового явления. Право само социальный феномен, поэтому «социально-правовое» явление не переходит в какую-либо иную категорию, чем все иные социальные явления. Право существует лишь на уровне социального, поэтому характеристика преступности как социально-правового явления представляется излишней. Во многом эта полемика является вариантом спора о терминах. Одни понимают социальное в широком смысле, как противоположное природному, другие — в узком, как рядоположенное с другим социальным (экономическим, правовым, идеологическим и т.д.).

Критерий достаточности. Является ли достаточным для характеристики преступности как социального явления такой признак, как «совокупность преступлений»?

В криминологии большинство определений преступности дается через понятие «преступление»: преступность есть социальное явление, выражающееся во множестве совершаемых преступлений. Некоторые

¹ Михайловская И.Б. Соотношение преступления и преступности // Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М., 1981. С. 11.

² Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 174.

³ Долгова А.И. Методологические вопросы криминологических исследований // Методологические вопросы криминологических исследований. М., 1983. С. 9—10.

криминологи полагают, что в понятие «преступность» должны включаться не только совершенные преступления, но и лица, их совершившие¹.

Возражения против включения в понятие преступности лиц, совершивших преступление, мотивируются тем, что количество преступников характеризует состояние преступности, а не понятие преступности²; что в этом случае в понятие преступности начнут включать и другие обстоятельства, например, объекты посягательств, условия, способствующие преступным посягательствам³.

С тем, что в понятие преступности могут включаться и иные обстоятельства, некоторые криминологи согласны⁴. Они считают, что в понятие преступности следует также включать наступившие общественно опасные последствия. Дело ведь не в количестве признаков, включаемых в содержание понятия, а в том, какие из них необходимы для характеристики сущности явления, отображаемого этим понятием. И если характеристики преступников и преступных результатов необходимы для характеристики специфического свойства преступности — общественной опасности, отличающего ее от других социальных явлений, то и преступников, и преступные последствия наряду с преступлениями следует включать в понятие преступности.

Кроме того, определяя понятие преступности через преступления лиц, их совершивших, и наступившие преступные последствия, мы получаем критерий отличия криминологического понятия «вид преступности» от уголовно-правового «вид преступлений». Как правило, эти понятия употребляются как синонимы (насильственные преступления — насильственная преступность). Но на интуитивном уровне понятно, что, поскольку различаются понятия «преступление» и «преступность», должны быть и отличия в понятиях «вид преступлений» и «вид преступности».

Этот краткий обзор различных подходов к преступности позволяет сделать вывод о том, что среди отечественных криминологов существуют достаточно серьезные разногласия во взглядах на это явление. Конечно, в науке разногласия и споры даже по самым принципиальным вопросам — вполне обычное дело. Но диаметрально

¹ *Забрянский Г.И.* Методика статистического изучения преступности. Краснодар, 1976. С. 8; *Коган В.М.* Социальные свойства преступности. М., 1977. С. 37; *Стручков Н.А.* Преступность как социальное явление. С. 14; *Соколов Д.И.* О понятии преступности как социального явления // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1984. Вып. 41. С. 19—20.

² *Гришаев П.И.* Советская криминология. М., 1975. С. 81.

³ *Овчинников Б.Д.* Указ. соч. С. 17—18.

⁴ *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. М., 1968. С. 106; *Бабаев М.М.* Социальные последствия преступности. М., 1982. С. 24.

противоположные интерпретации центрального понятия науки, криминологической категории — это все же нечто иное.

Все критерии классификации (может быть, за исключением последнего) являются по своему характеру не криминологическими, а философско-методологическими. Столь фундаментальные различия во взглядах на одно и то же явление и выражающее его понятие заставляет задуматься: а действительно ли понятие «преступность» выполняет функцию криминологической категории? Не обозначают ли разные исследователи одним и тем же термином разные явления в силу традиции, привычки, общепринятости? Иными словами, не является ли понятие «преступность» криминологическим стереотипом?

Всякое научное исследование осуществляется в соответствии с некоторыми признанными представлениями, образцами, нормами. Представления и образцы обеспечивают прирост научного знания (получение результата). Но на определенном этапе развития науки они подвергаются критике и квалифицируются как стереотипы. Причем эта критика отличается от критики, связанной с конкуренцией альтернативных теорий (против просчета в доказательствах, слабости эмпирической базы и т.д.). Здесь критика направлена на выявление несоответствий в очевидном, общепризнанном. Установившиеся новые представления также могут в дальнейшем быть квалифицированы как стереотипы и заменены новыми. Это обычная схема развития науки¹.

Устоявшиеся представления нередко даже не формулируются в явном виде, настолько они общеизвестны и очевидны. Стереотипы можно рассматривать как вид неявного, или предпосылочного, знания². Сила стереотипов столь велика, что они позволяют в рамках одной науки (теории) сосуществовать представлениям, логически и фактически несовместимым. В каждой науке существуют свои традиции и стандарты исследования и, следовательно, формируются свои стереотипы.

Понятие «преступность», как любое научное понятие, находится в развитии, уточняется, наполняется новым содержанием. Как пишет А.И. Долгова, на начальных этапах познания криминологи использовали эмпирическое понятие преступности. Преступность «является» исследователю в виде отдельных преступлений. Выделение сходного в этих преступлениях фактически происходило в рамках состава преступления. Поэтому и совокупность преступлений наделялась при формировании эмпирического понятия теми же качествами, что и сходное общее во всех преступлениях: каждое преступление — общественно

¹ Печенкин А.А. Обоснование как процедура научного исследования // Вопросы философии. 1984. № 1. С. 71—76.

² Микешина Л.А. «Неявное знание» как методологическая проблема // Философские основания науки. Вильнюс, 1982. С. 55—58.

опасное деяние, преступность — общественно опасное явление; преступление обладает признакам уголовной противоправности, преступность — уголовно правовое явление¹.

Н.Ф. Кузнецова указывает, что в понятие «преступность» не могут входить признаки, которые лежат вне составов конкретных преступлений². Наиболее очевидно признается зависимость криминологического понятия «преступность» от уголовно-правового понятия «преступление».

Недостатком эмпирического понятия преступности является то, что оно «подменяет сущностное определение специфического социального явления описанием его эмпирических проявлений»³. Правда, не все криминологи считают это недостатком, оценивая как несбыточное стремление отразить в определении понятия сущность определяемого явления⁴.

Эмпирические понятия вводятся неявными, остенсивными определениями, т.е. определениями с помощью примеров, путем указания на объекты, входящие в объем этого понятия. Такие определения являются основой понятийного аппарата любых наук, даже самых точных. Так, понятие множества, лежащее в фундаменте классической математики, определяется остенсивно. Остенсивные определения относятся к эмпирическому уровню познания, базируются на чувственном восприятии. Они, естественно, не способны отразить сущность явления, которая чувственно не воспринимаема. На теоретическом уровне познания оперируют, как правило, явными, вербальными определениями, т.е. определениями понятия через другие понятия, значение которых известно (определение через род и видовое отличие, определение через абстракцию и т.д.). Это не значит, что любое вербальное определение отражает сущность определяемого явления, но только в таком определении может быть отражена эта сущность.

На дальнейших этапах происходило осознание качественных различий преступления и преступности, несводимости социального явления к простой сумме преступлений. Преступность как социальное явление наделялась свойствами, не присущими отдельному преступлению и не имеющими уголовно-правового характера, — массовости, распространенности, закономерности и т.д. В отечественной криминологии именно такой взгляд на преступность является преобладающим.

¹ Долгова А.И. Некоторые вопросы диалектики познания преступности и ее причин. С. 9.

² Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 175.

³ Гилинский Я.И. Преступность как социальное явление // Преступность и ее предупреждение. Л., 1978. С. 14.

⁴ Курс советской криминологии. С. 152.

В содержании понятия «преступность» есть специфический признак, выделяющий преступность из всех других социальных явлений: преступность представляет собой совокупность совершаемых преступлений (используются также термины «слагается из», «включает в себя» и т.д.). При характеристике этого признака обычно отмечается, что преступность — не механическая сумма преступлений, а их органическая совокупность, между всеми признаками которой существует диалектическое единство¹; что преступность есть целостный феномен, структурные звенья и элементы которого находятся во взаимодействии и взаимообусловленности².

А.И. Долгова пишет: «Именно непосредственные взаимосвязи, взаимодействия разных подструктур, элементов преступности обуславливают существование преступности как относительно самостоятельного, специфического социального явления»³. Здесь вводятся очень сильные гносеологические допущения, очень сильно огрубляется реальность: не связанные в действительности элементы (преступления) считаются связанными и взаимодействующими.

Любая совокупность (механическая, органическая, диалектическая и т.д.) представляет собой множество элементов. Упорядоченные множества бывают реальными и номинальными. Реальное множество существует реально и наглядно, так же как и составляющие его элементы. Так, куча — это реальное множество песчинок. Иными словами, реальное множество существует как отдельное и самостоятельное явление.

Номинальное множество составляют элементы, мысленно объединенные по какому-либо признаку. Так, объем общего понятия представляет собой номинальное множество. Например, в объем общего понятия «преступление» входят все преступления, совершенные и которые будут совершены, и это множество бесконечно.

В социологии различают реальные и номинальные группы. Студенческий коллектив — это реальная группа. Номинальная группа — это группа, искусственно выделенная по какому-либо признаку для целей статистического или социологического исследования. «Лица с высшим образованием» — это номинальная группа.

Органической совокупностью, целостным феноменом и т.д. может быть только реальное множество. Предметным выражением реального социального явления должно быть реальное множество. Является ли совокупность преступлений таким множеством? Думается, что нет. Следует согласиться с Б.Д. Овчинниковым, полагающим, что совокупность преступлений — это статистическая совокупность,

¹ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 174.

² Серебрякова В.А. Преступность: основные направления исследований // Методологические проблемы изучения преступности и ее причин. М., 1986. С. 34.

³ Криминология / Под ред. А.И. Долговой. С. 88—89.

масса однородных явлений, а не социальное явление преступности¹. Предметы этой совокупности не связаны, за редким исключением, между собой.

Если совокупность преступлений не представляет собой реально-го множества, то и преступность не представляет собой реального социального явления. «Для криминологии преступление — это индивидуализированное (конкретизированное) проявление преступности... Преступление можно считать формой проявления преступности»².

Но в чем заключается сущность феномена, которая нам «является» в виде преступлений? Каково содержание феномена, формой которого выступает преступление? Только ответив на эти вопросы, мы можем выработать теоретическое понятие преступности, перейти с эмпирического на теоретический уровень познания. Пока удовлетворительного ответа на эти вопросы нет (может, потому, что такими вопросами редко задаются). При существующем уровне криминологических знаний реально понятие «преступность» обозначает ничто иное как множество совершенных (зарегистрированных) преступлений. Именно в таком качестве оно используется в криминологических исследованиях.

Это обстоятельство становится более очевидным, когда от рассмотрения понятий и определений мы переходим к конкретным характеристикам преступности. Состояние, уровень, структура, динамика — все это характеристики собственно статистической совокупности преступлений, а не преступности как некоторого специфического социального явления, не сводимого к этой совокупности. Утверждения «преступность выросла», «преступность стала более тяжкой» и т.д. есть констатация количественных изменений в статистической совокупности. И можно согласиться с И.Б. Михайловской в том, что «выявленные таким образом количественные закономерности не вскрывают сущности преступности, ее качественных особенностей как социального явления»³. Да, не вскрывают (и не могут вскрыть), поскольку закономерности характеризуют преступность как совокупность преступлений, а не преступность как нечто иное по сравнению с совокупностью.

Понятию преступности как социального явления трудно найти аналог в действительности. Это понятие может трактоваться самым различным образом, что не влияет ни на характер проводимых исследований, ни на получаемые результаты. Эмпирическое же понятие преступности как множества совершенных преступлений являет-

¹ Овчинников Б.Д. Указ. соч. С. 20.

² Долгова А.И. и др. Понятия советской криминологии. С. 25.

³ Михайловская И.Б. Указ. соч. С. 12.

ся «работающим». Но оно работает только на уровне статистической зависимости, функциональных связей. В этом случае различие между понятиями «преступление» и «преступность» носит чисто количественный характер¹.

Для выявления качественной взаимосвязи, причинно-следственных отношений оно оказывается недостаточным: «На теоретическом уровне познания определение преступности как совокупности преступлений уже не дает какого-либо нового знания о ней, не отражает сущности данного явления»². Кроме того, такое понятие преступности слишком тесно связано с уголовно-правовым понятием преступления, что ставит предмет криминологии в очень жесткие рамки, ограничивает его сферой только уголовно-правовых явлений.

Осознание этого факта и заставляет некоторых кримиологов обращаться к понятию преступности как социального явления, не сводимого к совокупности преступлений: ведь социальное явление качественно отлично от преступления как правового явления. «Преступность же как социальное явление представляет собой одну из характеристик общества, один из параметров, отражающих состояние социального организма»³. Конечно, это вряд ли можно назвать настоящим определением ввиду его чрезмерной абстрактности. Это, скорее, попытка указать направление дальнейших исследований. Да и сами ученые это признают, отмечая, что подобные определения направлены лишь на уточнение используемых понятий и требуют более глубокого содержательного наполнения⁴.

В отечественной криминологии понятие преступности как социального явления введено еще ее родоначальниками, представителями социологической школы уголовного права. Они рассматривали преступность не как множество ничего общего между собой не имеющих деяний, а как нечто целое, имеющее особое, самостоятельное существование, как и другие социальные явления⁵. Понятие преступности как социального явления было выработано в полемике как с конкурирующей классической школой уголовного права (преступность не юридическая, а социальная сущность), так и с ломброзианством (преступность не биологическое, а социальное явление). На раннем этапе развития криминологии это понятие сыграло несомненно положительную роль. К сожалению, в дальнейшем оно так и не было подвергнуто надлежащему теоретическому анализу (может

¹ Спиридонов Л.И. Социология преступления. М., 1978. С. 23.

² Михайловская И.Б. Указ. соч. С. 12.

³ Спиридонов Л.И. Указ. соч. С. 22.

⁴ Михайловская И.Б. Указ. соч. С. 19.

⁵ Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. СПб., 1910. С. 84; Чубинский М.П. Статьи и речи по вопросам уголовного права и процесса. Харьков, 1906. Т. 1. С. 152.

быть, из-за своей кажущейся очевидности), и эта работа еще ждет своего исследователя. В настоящее же время существуют принципиально различные взгляды на то, что такое преступность.

Теоретическое понятие преступности как социального явления следует считать криминологическим стереотипом, неработающим понятием. Вместо него более продуктивно в конкретных исследованиях использовать другое, уже имеющееся в арсенале криминологии, а именно понятие «преступное поведение». О том, что оно утвердилось в понятийном аппарате науки, говорят сами названия монографий по криминологии¹.

Правда, в криминологии термин «преступность» используется и для обозначения самого преступного поведения как вида отклоняющегося поведения: «Преступность — общественное явление, выражающееся в социально-обусловленном отклонении поведения отдельных членов общества от норм, установленных уголовным законом»². Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые³. Преступность здесь выступает синонимом общего понятия преступного поведения, и отмечается единство преступления и индивидуального преступного поведения.

Действительно, установление уголовно-правового запрета означает одновременно закрепление социальной нормы поведения. Каждое преступление представляет собой нарушение социальной нормы и поэтому может рассматриваться как разновидность негативно отклоняющегося поведения. Но все же преступление и индивидуальное преступное поведение как, соответственно, уголовно-правовое и криминологическое понятие — не одно и то же. Они различаются, во-первых, качественно: первое используется для определения оснований уголовной ответственности, второе — для изучения причин преступного деяния.

Тесная связь уголовного права и криминологии не вызывает сомнений, и эта связь проявляется прежде всего в том, что предметом их рассмотрения является один и тот же материальный объект — деяние. И исходный пункт у них также совпадает — это факт отклонения от нормы (противоправность деяния). Но дальше их пути расходятся.

¹ См. например: *Антонян Ю.М.* Причины преступного поведения. М., 1982; *Волков Б.С.* Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975; *Тарарухин С.А.* Преступное поведение. Социально-психологические черты. М., 1974; *Механизм преступного поведения.* М., 1981.

² *Орехов В.В.* Социальное планирование и вопросы борьбы с преступностью. Л., 1972. С. 9—10.

³ *Гилинский Я.И.* Отклоняющееся поведение — объект правового воздействия // Человек и общество. Л., 1973. Вып. 12. С. 156; *Социальные отклонения.* М., 1989. С. 244—245; *Спиридонов Л.И.* Указ. соч. С. 24.

Для криминологии этого факта достаточно. Криминолог, стараясь установить причины и последствия отклонения от нормы, в сферу своего изучения включает и предкриминальное, и посткриминальное поведение. Для уголовного права факта отклонения от нормы, факта противоправности деяния, недостаточно. Необходимо установить степень общественной опасности, виновность и наказуемость этого отклонения. И далеко не каждый акт индивидуального преступного поведения будет квалифицирован как преступление. Понятия «преступление» и «преступное поведение» не совпадают не только в качественном, но и в количественном отношении: второе по объему больше первого.

Но не все криминологи с этим согласны. Ю.М. Антонян считает, что, поскольку оба термина подразумевают одно и то же явление социальной жизни, было бы заблуждением думать, что преступное поведение более широкое понятие, чем преступление. Разница между ними состоит лишь в том, что один термин описывает и оценивает явление с правовых, другой — с криминологических позиций¹. Но в том-то и дело, что правовая оценка более строгая, т.е. узкая, а криминологическая — более широкая, которая охватывает более широкий класс явлений (отклонений).

Эмпирическое понятие преступности (как совокупности совершенных преступлений) ограничивает предмет криминологии уровнем уголовно-правовых явлений, понятие преступного поведения расширяет его до уровня социальных отклонений. К социальным отклонениям применима не только правовая оценка, четкая и определенная, но и более широкая и неопределенная социальная оценка, оценка со стороны общества.

В понятии преступного поведения совмещаются правовая и социальная оценки: за правовой оценкой отклонения, констатацией нарушения уголовно-правового запрета следует социальная — оценка социальных последствий деяния, материальных и психологических. Так, сексуальный маньяк или серийный убийца, держащий в страхе целый город, может оказаться невменяемым. Для уголовного права ответ однозначен: нет субъекта преступления, нет и преступления. Для общества ответ также однозначен: преступлений нет, а разгул преступности налицо.

Не только суд (и другие правоприменители) может давать правовую оценку, сами граждане (общество) могут (и должны) оценивать деяния как преступные. Нормы об исключении ответственности за неисполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), об ответственности за заранее не обещанное укры-

¹ Антонян Ю.М. Понятие преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: Сб. науч. трудов. М., 1991. С. 3.

вательство (ст. 316) предполагают, что гражданин может и должен самостоятельно оценить и заведомую незаконность приказа, и особую тяжесть преступления. Неправильная оценка влечет ощутимые правовые последствия.

Криминология как социальная наука не может абстрагироваться от социальной оценки. Она изучает преступное поведение и душевнобольных, и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, с тем, чтобы выявить причины и выработать меры профилактики такого поведения. О важности этого изучения свидетельствует тот факт, что в стране совершаются тысячи преступлений, включая убийство, подростками моложе 14 лет. В криминологии стало формироваться новое научное направление — криминальная психиатрия, для изучения преступного поведения невменяемых субъектов и лиц с аномалиями в психике¹.

Понятие преступного поведения позволяет криминологии выйти за рамки чисто статистического анализа и уголовно-правового подхода. Понятие «поведение» является социологической и психологической категорией, поэтому в криминологии становится возможным использовать методы и наработанные результаты этих наук. Понятие преступного поведения является видовым по отношению к общему родовому понятию «негативно отклоняющееся поведение». Характеристики и закономерности, присущие родовому понятию, можно прямо и непосредственно переносить на видовое понятие. Это открывает дополнительные возможности для изучения преступного поведения. Кроме того, все более или менее развитые криминологические теории описывают свойства и закономерность не преступности как некоего социального явления, не преступности как множества преступлений, а именно преступного поведения.

¹ *Антонян Ю.М.* Криминальная психиатрия как частная криминологическая теория // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 44—51; *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология; *Антонян Ю.М.* и др. Преступники с умственной отсталостью.

Глава 15

Существует ли личность преступника?

Личность преступника, как и преступность, ее причины и меры предупреждения, большинство криминологов считают элементом предмета криминологии. Соответственно, для отображения этой части своего предмета криминология вырабатывает целую систему понятий. Центральным среди них является общее понятие «личность преступника». Но именно это понятие является объектом давней дискуссии в криминологии.

Как известно, по этой проблеме определились две основные точки зрения. Сторонники первой из них считают, что нет никакой практической ценности, а может быть, и теоретической возможности в определении общего понятия «личность преступника». Все лица, совершившие преступление, имеют только одно общее свойство, притом юридического порядка: каждый из них нарушил закон. Поэтому не следует «умножать сущности сверх необходимости», для криминологии достаточно традиционного и очень точного по своему содержанию понятия «субъект преступления» (И.И. Карпец). Использование понятия «личность преступника» в причинном объяснении ведет к «психологизации» генезиса преступного поведения (Ю.Д. Блувштейн). Стремление отыскать источник изменения объектов в свойствах самих объектов свидетельствует о доначном уровне исследования (А.М. Яковлев).

Представители второй позиции говорят о недостаточности понятия «субъект преступления» для целей криминологического анализа, акцентируют внимание на необходимости исследования и объяснения причин, механизма и содержания преступного поведения посредством изучения уголовно-правовых, социально-демографических, психологических и других особенностей лиц, совершивших преступление (А.Б. Сахаров, Н.С. Лейкина, Ю.М. Антонян).

Представляется, что аргументы каждой из сторон во многом заслуживают внимания, и можно найти какие-то точки их соприкосновения. В то же время некоторые приводимые аргументы выглядят весьма спорными. Так, А.М. Яковлев свое отрицательное отношение к изучению личности преступника обосновывает методологическими соображениями, считая, что исследование личностных особенностей для объяснения генезиса поведения практически не нужно и теоретически неверно: «Наклонности, побуждения не относятся к объективным, познаваемым категориям, это не факты объективного мира — мира реальных явлений, предметов, вещей и т.д.»¹.

¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С. 105. К сожалению, автором неоправданно смешиваются понятия реального, объективного и познаваемого.

Именно то, что является внешним по отношению к организму и воздействует на него извне, пишет он, и есть та наблюдаемая реальность, изучив которую мы сможем объяснить причины поведения. Только объективные данные вне человека могут объяснить, предсказать и отрегулировать его поведение. Первым звеном механизма поведения является воздействие внешней среды, вторым — внутренние состояния, вызванные этими воздействиями, третьим — сам акт поведения. Для научного объяснения, по мнению А.М. Яковлева, надо сопоставлять только первое и третье звенья, т.е. воздействие среды и реакцию человека на это воздействие. Только тогда, считает он, имеется детерминистическое объяснение, без привлечения «загадочных бес-телесных агентов» — наклонностей, побуждений, взглядов и т.д.¹

С этими выводами А.М. Яковлева вряд ли можно согласиться. Логика его рассуждений полностью укладывается в известную схему «стимул — реакция». Но бихевиористская (вульгарно-материалистическая по существу) трактовка сознания полностью лишает его творческого, продуктивного характера. И единственным началом, полностью определяющим активность организма, формирующим и направляющим его поведение, признается только влияние среды, воздействие извне.

Такое понимание личности, ее сознания не соответствует общепринятым положениям психологической науки. «Все в психологии формирующейся личности так или иначе обусловлено внешне, но ничто в ее развитии не выводило непосредственно из внешних воздействий. Внутренние условия, формируясь под воздействием внешних, не являются, однако, их непосредственной механической проекцией»².

Правда, А.М. Яковлев говорит о том, что индивид — не пассивный объект влияний, а активный элемент взаимодействия в системе «личность—среда»³. Но в чем же проявляется эта активность? А.М. Яковлев весь процесс социализации сводит к научению, усвоению индивидуумом стандартных норм поведения, закрепляющихся под действием позитивных и негативных стимулов⁴. Самоконтроль личности трактуется им как избегание негативных последствий на основе имеющегося прошлого опыта. Даже совесть интерпретируется как нечто чисто внешнее для личности, как угроза порицания со стороны общества, как результат процесса социальной тренировки, а стыд — как показатель степени переживания угрозы потери близкой социальной общности⁵. Таким образом, совесть и

¹ Яковлев А.М. Указ. соч. С. 107.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 315.

³ Яковлев А.М. Индивидуальная профилактика преступного поведения (социально-психологический аспект). Горький, 1977. С. 62.

⁴ Там же. С. 85—89.

⁵ Там же. С. 100—106.

стыд, по логике автора, есть чисто конформные реакции. Как видим, эти положения недвусмысленно подвергают сомнению активную роль личности в генезисе ее поведения.

Изучение поведения по такой схеме, изучение только первого (стимулы) и третьего (реакция) звеньев, принципиально оставляющее в стороне второе звено (личность), не может объяснить, почему в одной ситуации разные люди ведут себя по-разному. Это вынужден признать и сам А.М. Яковлев, когда анализирует процесс формирования самосознания личности. «Социально значимые акты поведения, их содержание и направленность зависят не только от объективных черт реальной ситуации, но и от ее субъективной оценки этим лицом, т.е. от значения, которое данная ситуация имеет для него, и от истолкования им этой ситуации»¹.

Остается неразрешенным вопрос: почему люди одну и ту же ситуацию воспринимают и истолковывают по-разному? Ведь в самих воздействиях среды не заложены возможности таких различий. Вот почему объяснить, а тем более предсказать поведение человека нельзя, не изучив его внутренних особенностей, которые и обуславливают разное восприятие. Говоря о внутренних особенностях, мы имеем в виду не только и не столько биологические особенности, сколько именно «бестелесных агентов» — установки, ценностные ориентации, идеалы и т.д.

Возможно, А.М. Яковлев, отрицая значимость «бестелесных агентов» для объяснения поведения, хотел показать ненаучный характер интроспективной психологии, выводящей все явления и процессы сознания из него самого. Но отечественная психология давно исходит из принципа интериоризации — экстериоризации деятельности: психика, формируясь в деятельности, в ней же и проявляется.

Именно этот принцип не учитывает Ю.Д. Блувштейн, когда критикует попытки определить универсальное понятие «личность преступника». «При таком определении образуется своего рода порочный круг: с одной стороны постулируется, что всем преступникам свойственны какие-то личностные особенности, выступающие вместе с иными (внешними по отношению к личности) факторами в качестве причин противоправного поведения, а с другой — наличие этих личностных особенностей выводится из противоправного поведения таких лиц»². Если учесть диалектику взаимосвязи сознания и деятельности, то порочного круга не будет. Свойство проявляется только в отношении, человеческие качества — только в деятельности, и только оно служит надежным свидетельством наличия тех или иных качеств личности.

¹ Там же. С. 116. См. также: *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. С. 53.

² *Блувштейн Ю.Д.* Понятие личности преступника // Советское государство и право. 1979. № 8. С. 100.

Характер аргументации Ю.Д. Блувштейна показывает, что, по его мнению, сторонники концепции личности преступника близки к философии наивного реализма, считающего, что свойства присущи объектам безотносительно к взаимодействию, что объект характеризуется полной определенностью свойств. Криминологическая интерпретация этого положения действительно открывает путь к теориям «опасного состояния», «преступной личности» и т.д. Включение в понятие «личность преступника» каких-либо особых, присущих только преступникам свойств, причем присущих им актуально до поведенческого акта и характеризующих их вне этого акта, фактически ведет к морально-психологической форме ломброзианства.

Отрицая наивно-реалистические представления, не следует впадать в другую крайность и полагать, что сами объекты не обладают некоторыми устойчивыми основаниями свойств. Без таких оснований вещи исчезли бы, растворились в отношениях. Свойство проявляется в отношении, но не создается этим отношением. Для материальных объектов микромира, например, таким основанием будут состав и структура вещи¹. Именно структура обуславливает возможность проявления свойства в определенной ситуации. Но только свойство является диспозиционным по своему характеру, и как бессмысленно говорить, например, о растворимости сахара безотносительно к роду жидкости, так же бессмысленно говорить о каких-то криминогенных качествах безотносительно к виду поведения и ситуации.

Определение универсального понятия «личность преступника» сталкивается с существенными трудностями, на что обращают внимание его критики. В определении часто отсутствует признак устойчивости², поскольку обычно подчеркивается, что личность преступника, строго говоря, в наиболее полном виде существует в момент совершения преступления³. Действительно, трудно представить, чтобы личность в один момент коренным образом трансформировалась, притом что личность — явление динамичное.

Некоторые криминологи, например, Ю.М. Антонян, считают, что если включить в содержание понятия «личность преступника» признак устойчивости преступной деятельности, то, следовательно, не всех лиц, совершающих преступление, можно отнести к объему этого понятия. Он обосновывает право на существование общего понятия следующим аргументом: «Понятие личности преступника не должно выступать в качестве ярлыка для обозначения наиболее злостных, опасных правонарушителей. Это собирательное понятие, по своей роли и функции в научном криминологическом исследо-

¹ Панцхава И.Д., Пахомов Б.Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., 1971. С. 86.

² Блувштейн Ю.Д. Понятие личности преступника. С. 102.

³ Личность преступника. М., 1975. С. 21.

вании такое же, как личность студента, служащего и т.д. в соответствующих отраслях знания»¹.

Этот аргумент Ю.М. Антоняна вряд ли можно признать достаточно обоснованным. Что дает, например, для конкретного исследования такое собирательное понятие? Его содержание чрезвычайно бедно. В объем понятия «личность студента» входят все лица, обучающиеся в высших и средних образовательных учреждениях, в объем понятия «личность преступника» — все лица, совершившие преступление. Конечно, факт совершения преступления существенно характеризует личность, но не разграничивает, как отмечал И.И. Карпец, это понятие с понятием «субъект преступления»². Для обоснования возможности существования общего понятия «личность преступника» надо найти какое-то другое свойство, присущее всем преступникам.

Развивая свою позицию, Ю.Д. Блувштейн приходит к выводу о том, что определение понятия «личность преступника» на основе неспецифических признаков не имеет смысла, поскольку личность для криминолога интересна не сама по себе, а лишь в той мере, в какой ее свойства обуславливают совершение преступления. Ведь все признаки, входящие в содержание «личность преступника» (кроме виновности) — пол, возраст, интеллектуальные и волевые способности, социально-психологические особенности и т.д., свойственны любой личности³.

Представляется, что с Ю.Д. Блувштейном можно согласиться, если истолковать его высказывание в том смысле, что особенности статистического распределения этих признаков у преступников нельзя непосредственно включать в структуру причинного объяснения индивидуального преступного поведения. Основываясь на статистическом распределении таких признаков у преступников, можно подобрать контрольную группу законопослушных граждан с идентичным набором признаков.

Вместе с тем отрицать научную криминологическую значимость такого рода распределений и вообще такого подхода к исследованию, видимо, нет оснований. Да, мы не должны ограничиваться констатацией того, что у преступников более низкий образовательный уровень, что среди них более высок процент лиц, занимающихся неквалифицированным трудом, что среди насильственных преступников преобладают лица молодого возраста и т.д. Конечно, сами по себе образование, квалификация труда, возраст не являются детерми-

¹ Антонян Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 34. С. 40. Понятие «студент» с формально-логической точки зрения не является собирательным. Таковыми являются понятия другого типа (лес, группа, библиотека).

² Карпец И.И. Проблема преступности. С. 98—101.

³ Там же. С. 98.

нантами преступности. Статистика «схватывает» только явления и на своем уровне разделить их на существенные и случайные не может. Но сущность познается через явление, только проявившая себя сущность доступна научному анализу. И лишь выявив относительно высокую частоту проявления определенных признаков у преступников, мы можем перейти к следующему этапу — анализу социальных факторов, которые проявляются в данном признаке.

Но хотя такой способ исследования вполне оправдан, особенно на этапе накопления и систематизации эмпирического материала, он не решает сути вопроса. Он не позволяет показать, что личность преступника «отличается от личности других людей содержанием взглядов и ориентаций, уровнем и кругом потребностей, своей направленностью»¹, что она закономерно возникает, существует определенное время и может трансформироваться.

Вопрос об интервале существования личности преступника весьма непрост. Если признать, что изучение личности преступника надо строить на твердой правовой основе, т.е. надо изучать личность того, кто по закону признается субъектом преступления, то критику противников этой концепции можно даже усилить, поставив вопрос: когда возникает «личность преступника» — в момент вынесения (или вступления в законную силу) приговора или же в момент фактического совершения преступного деяния? Любой ответ на этот вопрос ведет к противоречию. Если в момент вынесения приговора, то, во-первых, личность преступника совпадает с личностью осужденного, во-вторых, существует интервал, во время которого лицо, совершившее преступление, не является личностью преступника, что, видимо, противоречит самому этому понятию. Если же в момент совершения деяния, то мы должны считать личностью преступника того, кто не является субъектом преступления, поскольку виновность в совершении преступления устанавливается только судом.

Видимо, не случайно в вопросе о временных рамках существования личности преступника нет единодушия. Одни авторы считают, что эти рамки ограничены моментом совершения преступления и моментом констатации исправления². Другие полагают, что личность преступника существует с момента совершения преступления, удостоверенного судом, и до отбытия наказания, поскольку не осужденный не может рассматриваться как личность преступника³. Но

¹ Антоян Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения. С. 40.

² Криминология. С. 102; Миньковский Г.М. Методологические и методические аспекты изучения личности в криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1977. Вып. 27. С. 26.

³ Антоян Ю.М. Указ. соч. С. 41. 178

если время существования определять чисто формально, по отбытии наказания, то трудно противостоять критике оппонентов: вряд ли они согласятся с тем, что сам факт освобождения от наказания мгновенно трансформирует личность, радикально изменяет содержание ее взглядов и ориентаций, уровень и круг потребностей, направленность.

При определении общего понятия личности преступника следует избегать двоякого рода крайностей. С одной стороны, включение в это понятие каких-то особых, присущих только преступникам личностных свойств, причем присущих до поведенческого акта и характеризующих их вне его, фактически ведет к морально-психологической форме ломброзианства. С другой — оставив в нем один признак — виновность в преступлении, мы четко фиксируем объем понятия, но чрезвычайно обедняем его содержание. Конечно, факт совершения преступления существенно характеризует личность, но не разграничивает это понятие с понятием субъекта преступления. Именно об этом говорят критики, сомневаясь в его практической ценности.

Таким образом, трудности определения общего понятия личности преступника вполне очевидны. Но это не свидетельствует о его практической бесполезности или невозможности определения его содержания в какой-либо иной форме.

В некоторых случаях спор о личности преступника вызван тем, что разные авторы вкладывают различный смысл в одно и то же понятие: одни к личности преступника относят только лиц со стойкой антиобщественной ориентацией и исходя из этого понимания подвергают критике своих оппонентов, которые ведут полемику с ними, основываясь на другой, более широкой трактовке понятия «личность преступника».

Целесообразно различать понятие «личность преступника» в узком (сильном) и широком (ослабленном) смысле. Употребляют это понятие в узком смысле, когда, отвлекаясь от индивидуальных особенностей, говорят о сущности личности, ее типических чертах, рассматривают личность как социальный тип. Типические особенности, различия типов личности кроются в особенностях структуры общественных отношений, субъектом которых является личность, в специфике ее ведущей деятельности, формами выражения которой и являются эти общественные отношения.

Сходство и различие в социальном положении людей (социальный статус и роли) порождают целую систему типов индивидуально-го сознания и поведения, а следовательно, целую систему типов личностей. Тип личности — это совокупность существенных черт характера, которые человек усваивает из социальной среды и которые проявляются в отношении к себе, другим людям, обществу.

Уровень образования, квалификация и т.п. не относятся к характеристике типа личности преступника, это вторичные социальные признаки, которые отражают некоторые особенности процесса социализации и реализации деятельности.

В этом, наиболее строгом, смысле понятие личности преступника применимо к тем лицам, чья ведущая (в общей структуре) деятельность глубоко антисоциальна по содержанию, а объективно существующие социально полезные связи и отношения (льготы и права гражданина, семейные и деловые связи, должностные права и т.д.) эксплуатируются в качестве средства для эффективного достижения преступной цели.

Как пишет Г.М. Резник, в содержательном аспекте о личности преступника можно говорить лишь применительно к весьма узкому контингенту лиц, для которых совершение преступлений стало основной, ведущей деятельностью¹. Из принципа единства сознания и деятельности следует, что такая деятельность не может не деформировать эмоциональную, интеллектуальную и моральную сферы личности. И тогда действительно особенности личности преступника будут выражаться «в наличии негативных социальных качеств, свидетельствующих о десоциализации личности и вызывающих выбор и реализацию ею негативных социальных ролей»². Таким образом, понятие личности преступника в узком смысле следует относить к рецидивистам и профессиональным преступникам. В этом смысле личность преступника действительно может существенно отличаться от личности, не преступавшей закона.

Итак, анализируя понятие «личность преступника», можно прийти к выводу о том, что, употребляемое в узком (сильном) смысле, оно применимо не ко всем лицам, нарушившим уголовный закон. Но можно ли в личности найти какую-то устойчивую структуру, обуславливающую проявление антиобщественных качеств в криминогенной ситуации, можно ли всех преступников охарактеризовать каким-то общим свойством, пусть и не обязательно присущим только им? Вопрос надо поставить по-другому: дело не в том, есть ли у преступников какое-то особое свойство, отличающее их от других людей, а в том, есть ли у них какое-то общее свойство, безотносительно к его наличию у других людей?

Да, есть, и такой структурой будет деформация ценностно-нормативной сферы личности, а именно искаженность нравствен-

¹ Резник Г.М. Криминологическая профилактика и социальное планирование // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1979. Вып. 31. С. 29.

² Стручков Н.А. Криминология и проблема личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 47.

ного и правового сознания¹. Деформация может иметь разную степень проявления — от пробельности знаний до осознанного нравственного и правового нигилизма. Это мы имеем в виду, когда говорим об употреблении понятия «личность преступника» в широком (ослабленном) смысле. Учитывая, что понятие «личность преступника» несет значительную уголовно-политическую нагрузку, может быть, целесообразно применять другие термины — «личность с негативно отклоняющимся поведением», «криминогенная личность»². Основой для этого могут служить наличие некоторых общих причин допреступного (пьянство, наркомания) и преступного поведения, а также принципиальная возможность корреляции степени деформации нравственного и правового сознания и степени общественной опасности личности.

Если исследователя интересует, как преступная деятельность влияет на личность, формированию каких качеств она способствует и развитие каких качеств подавляет, то он оперирует понятием в узком смысле. На этой основе разрабатываются проблемы типологии преступников, вопросы пенитенциарной криминологии и т.д. Если же криминолог изучает генезис преступного поведения, черты образа жизни, формирующие преступника, общие характеристики лиц, нарушивших закон, он использует понятие в широком смысле. Этот смысл вкладывается в понятие и при изучении преступлений, совершенных несовершеннолетними, по неосторожности и т.д.

Для того чтобы выявить закономерность формирования личности преступника, проследить истоки ее социально-нравственной запущенности, разработать меры ранней профилактики, необходимо в сферу криминологических исследований включить «познание тех, кто еще не совершил преступления и потому не может рассматриваться в качестве преступника, но чей образ жизни, поведения, чьи общение и взгляды свидетельствуют о высокой степени такой возможности»³. Это понятие личности преступника в широком смысле позволяет органично изучить таких лиц, вписать в криминологическую проблематику, поскольку в нем акцентируется не отличие преступников и не преступников, а подчеркивается связь допреступного и преступного поведения.

¹ *Ратинов А.Р.* Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 3—33; *Сахаров А.Б.* Об антисоциальных чертах личности преступника // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 110—116; *Карпец И.И., Ратинов А.Р.* Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. 1968. № 1. С. 47—55.

² *Долгова А.И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М., 1981. С. 112—114.

³ *Антонян Ю.М.* Основные черты теории личности в криминологии // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 102.

Необходимость такого исследования существует, потому что ретроспективному изучению личности преступника присущ весьма значительный методический изъян: личностные свойства, исследовавшиеся в условиях изоляции при отбывании наказания, используются для объяснения преступного поведения в условиях свободы. Подобная экстраполяция не всегда правомерна, так как результаты многочисленных исследований показывают, что условия изоляции и среда мест лишения свободы способны деформировать имевшиеся свойства личности и формировать новые¹.

Таким образом, вопрос об особенностях личности преступника, о самой научной правомерности существования такого понятия не является для криминологии абстрактно-академическим. Входит ли личность в систему причин, порождающих преступное поведение, и, соответственно, должны ли личностные особенности включаться в структуру причинного объяснения — это серьезная теоретическая и практическая проблема.

Определение содержания криминологического понятия «личность преступника» во многом зависит от интерпретации общего понятия «личность». Положения психологии и социологии, описывающие это общее понятие, для криминологии выступают в качестве общих оснований. И нередко критика понятия личности преступника обусловлена несогласием с трактовкой самого понятия «личность», т.е. фактически подвергается критике не криминологическое понятие, а его общие основания.

Некоторые криминологи к личностным особенностям относят тип нервной системы, темперамент, волевые и эмоциональные характеристики и т.д.² И.С. Ной пишет о врожденных нравственных задатках и чувствах в структуре личности³. В.Д. Филимонов говорит об особом физиологическом механизме пережитка прошлого у преступников, о том, что существует определенная система нейрофизиологических связей, позволяющая совершать антисоциальные поступки без преодоления угрызений совести⁴. Б.С. Волков даже связывает характер общественных отношений с биологической природой человека: «Во внутреннюю структуру личности входят главным образом те общественные отношения, которые больше всего соответствуют ее биологической природе и психофизическим особенностям... Один весь свой внутренний мир заполнил сознанием долга и

¹ Миньковский Г.М. Выявление и интерпретация фактов в криминологических и уголовно-правовых исследованиях // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 18.

² Волков Б.С. Мотивы преступлений. Казань, 1982. С. 19.

³ Ной И.С. Указ. соч. С. 104.

⁴ Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970. С. 98.

чувством ответственности, другой впитал в себя все негативные стороны общественной жизни»¹.

Психические явления и закономерности биологического происхождения не могут иметь нравственной оценки. Нельзя же считать, например, инстинкт самосохранения плохим, эгоистичным, а инстинкт материнства хорошим, альтруистичным, как это иногда делается. Логика рассуждения такова: берутся нравственные понятия и «переливаются» в природу, нравственные оценки социального поведения человека переносятся на какое-то внешне сходное поведение животных и провозглашается, что вот, дескать, найдены биологические истоки соответствующего поведения человека. Но это порочная логика, идущая от антропоморфного взгляда на мир. То, что некоторые западные ученые (например, К. Лоренц) врожденным качеством человека считали агрессивность, а некоторые советские ученые — альтруизм², не имеет принципиального значения: методологический порок один.

Именно представления о биологической природе человеческой личности, стремление применять этические категории добра и зла к природным явлениям вызывают справедливое несогласие некоторых криминологов³. А несогласие с подобной трактовкой личности переходит в неприятие самого понятия «личность преступника». Действительно, исходя из таких представлений, достаточно легко можно отождествить личность преступника с «преступным человеком» Ч. Ломброзо.

Сторонников концепции о личности преступника иногда упрекают в скатывании к теории «опасного состояния деятеля», в тенденции к биологизаторству, в забвении социального характера если не причин преступности, то, по крайней мере, причин индивидуального преступного поведения. Как правило, такие подозрения безосновательны, но поводы для них, в общем, даются. Иногда это выражается в увлеченности каким-то новым направлением в науке, когда кажется, что новое поможет решить многие проблемы криминологии, будь это успехи генетики человека, оригинальные результаты в этологии или исследование психических аномалий. Но нередко этому способствуют и нечеткость методологической позиции, двусмысленность некоторых формулировок и выводов. Так, в различных работах можно встретить такие высказывания: «соотношение биологического и социального в личности преступника», «психические явления и процессы, детерминирующие преступное поведение». Они не точны.

Человек рождается как организм, а формируется как личность. Признаки биологической конституции не относятся к личности. Если

¹ Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. С. 81.

² Эфроимсон В. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10. С. 194.

³ См. например: Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. С. 114—115.

включить в понятие личности все проявления жизни индивида, мы приходим к отрицанию ее социального качества, общественной детерминированности личности. При этом понятия «индивид», «человек», «личность», «индивидуальность» станут тождественными. Личность — это мера социального в человеке, мера его включенности в общественную практику, и психология отдельной личности социально детерминирована.

Психическое развитие отдельной личности выступает как процесс овладения культурными ценностями. В процессе усвоения ценностей и норм социальной среды происходит социализация индивида, т.е. его вхождение в эту среду. Но это не пассивный односторонний процесс. «Формирование человека как личности — это одновременно и индивидуализация социального опыта, и социализация индивида»¹. Если мы учитываем эти принципиальные моменты, то объяснение причин преступного поведения с помощью личностных параметров, равно как и оперирование термином «личность преступника» в таком объяснении, еще не обязательно будет вести к «психологизации» генезиса преступного поведения, к подмене социальных условий ссылками на ненаблюдаемые субъективные нюансы, как полагает Ю.Д. Блувштейн².

Личность — явление чисто социальное, она детерминирована социально, а не психически или биологически. Говорить о каком-то соотношении социального и биологического в личности, в том числе в личности преступника, бессмысленно. Это, естественно, не означает отрицания влияния биологических свойств человека на формирование его поведения. Определенная биологическая организация — первая предпосылка существования личности, но и только, как предпосылкой всякой человеческой истории является существование человеческих индивидов.

Понятие личности есть определенное упрощение, огрубление реальности. Личность — не материальное образование. Реально действует человек, а он — явление биосоциальное. И вопрос о соотношении социальных и биологических начал в человеке и его поведении, в том числе преступном, вполне правомерен и должен являться предметом криминологического исследования. Прав Ю.М. Антонян, когда отмечает, что «недостаточно изучать только личность преступника, абстрагируясь от соматических и иных черт биологического генеза... Объектом криминологического познания должен быть человек в целом, что не приуменьшает значимости концепции личности преступника, поскольку именно личностным особенностям принадлежит ведущее место в механизме противоправного поведения»³.

¹ Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. С. 13.

² Блувштейн Ю.Д. Понятие личности преступника. С. 102.

³ Антонян Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения. С. 43.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава 1. Предмет и методы криминологии, ее место в системе наук	5
1.1. Объект и предмет криминологии	5
1.2. Методы криминологии	8
1.3. Место криминологии в системе наук	12
Контрольные вопросы	14
Литература	14
Глава 2. История криминологии.	
Становление криминологии как науки	15
2.1. Ранняя история криминологии	15
2.2. Антропологическое направление в криминологии	17
2.3. Социологическое направление в криминологии	21
2.4. Этапы развития отечественной криминологии	27
Контрольные вопросы	31
Литература	31
Глава 3. Зарубежные теории преступности	32
3.1. Теории преступности социологического направления	32
3.2. Теории преступности антропологического направления	42
Контрольные вопросы	44
Литература	44
Глава 4. Преступность: природа, свойства, причины	45
4.1. Понятие, природа и свойства преступности	45
4.2. Основные показатели преступности	47
4.3. Латентная преступность	50
4.4. Причинность в философии и криминологии	52
4.5. Классификация причин и условий преступности	55
Контрольные вопросы	57
Литература	58
Глава 5. Личность преступника и жертва преступления	59
5.1. Понятие «личность преступника»	59
5.2. Структура личности преступника	61
5.3. Классификация преступников	64
5.4. Жертва преступления	66
Контрольные вопросы	70
Литература	71
Глава 6. Индивидуальное преступное поведение	72
6.1. Понятие «преступное поведение»	72
6.2. Механизм преступного поведения	75
Контрольные вопросы	77
Литература	78

Глава 7. Предупреждение (профилактика) преступлений	79
7.1. Предупреждение преступлений	79
7.2. Криминологическое прогнозирование	82
Контрольные вопросы	83
Литература	84
Глава 8. Виды преступности	85
8.1. Классификация преступлений	85
8.2. Насильственная преступность	86
8.3. Экономическая преступность	88
8.4. Неосторожная преступность	90
Контрольные вопросы	93
Литература	93
Глава 9. Преступность несовершеннолетних	95
9.1. Характеристика и особенности преступности несовершеннолетних	95
9.2. Причины совершения преступлений несовершеннолетними и их предупреждение	97
Контрольные вопросы	102
Литература	102
Глава 10. Рецидивная преступность	104
10.1. Рецидивная преступность	104
10.2. Пенитенциарная преступность	107
Контрольные вопросы	114
Литература	114
Глава 11. Профессиональная и организованная преступность	115
11.1. Профессиональная преступность	115
11.2. Организованная преступность	118
11.3. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью	122
Контрольные вопросы	124
Литература	125
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	126
Глава 12. Является ли криминология наукой?	127
Глава 13. Является ли криминология самостоятельной наукой?	147
Глава 14. Существует ли преступность?	152
Глава 15. Существует ли личность преступника?	170